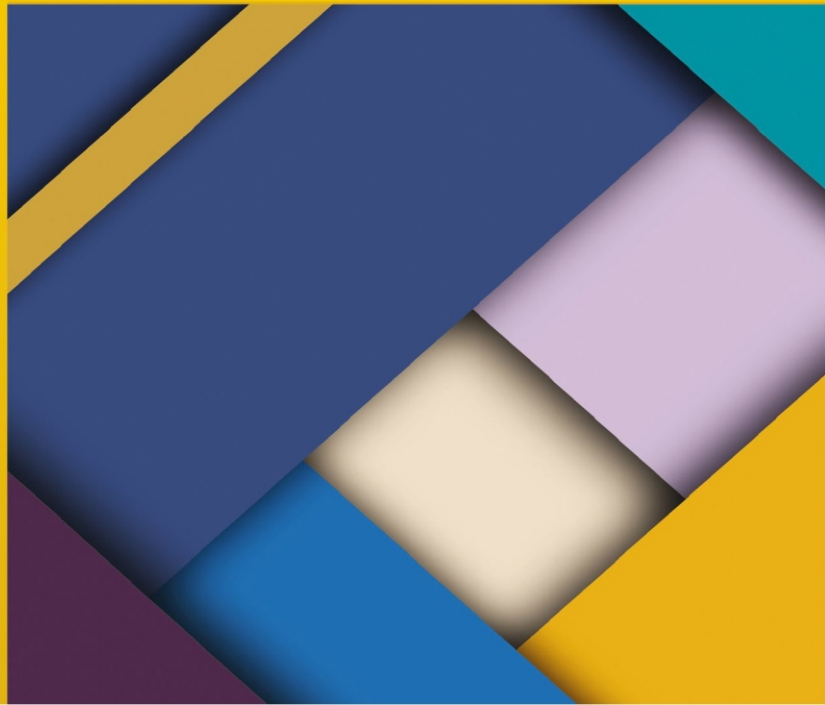

ISSN 2077-1770

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 16, Number 2
2024

Современные исследования социальных проблем

Том 16, № 2
2024

Modern Studies of Social Issues

Volume 16, Number 2
2024

Главный редактор

Т.А. Магсумов доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии им. З.Т. Шарафутдинова ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Набережные Челны, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

С.И. Дегтярев доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права Сумской государственной университет, Сумы, Украина

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, доцент, декан факультета института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

Красноярск 2024

12+

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 16, № 2, 2024 / Vol. 16, No 2, 2024

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство регистрации
ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010 г.

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Индексирование и реферирование:

РИНЦ
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя
и для корреспонденции:**
Россия, 660127, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:
Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal
Service of Intercommunication and Mass
Media Control
Mass media registration certificate
PI № FS 77-39176,
issued March 17, 2010.

Modern Studies of Social Issues is **included**
in the List of leading peer-reviewed scientific
journals and publications issued
in the Russian Federation, which should
publish main scientific results of doctor's
and candidate's theses

Indexing and Abstracting:

RSCI
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,
660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межъязыковых коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет

телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацевский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Новиков Николай Сергеевич – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ФГКВООУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института

истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Еркемовна – доктор философии (PhD) по специальности «Востоковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государ-

ственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темірболат Адуа Берікбайқызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named after A.N. Kosygin (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolai S. Novikov – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-405

УДК 81'37:004.7

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ПРОДУКТИВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ИРАКА В ФЕДЕРАЛЬНЫХ СМИ ГЕРМАНИИ

Л.Х.М.А. Аль-Хафаджи

Концептуальная метафора как определяющий наше восприятие и оценки лингвоментальный феномен имеет богатую исследовательскую традицию. На фоне современного селективного идеологизированного информирования и информационной усталости массового адресата возрастает интерес к концептуальной метафоре как инструменту дискурсивного конструирования социальной реальности, в том числе формирования и тиражирования медийного образа страны, его стереотипизации.

Цель исследования – определить частотные при формировании образа Ирака в федеральных СМИ Германии концептуальные метафоры, охарактеризовать их номинативные поля, определить вводимые ими, дополняющие портрет страны признаки.

Метод и методология проведения работы. Материал анализа – посвященные Ираку публикации федеральных СМИ Германии в период с 2019 г. по настоящее время. Объект анализа – отобранные методом сплошной выборки контексты реализации частотных концептуальных метафор. Используются контекстуальный, дефиниционный анализ и количественные подсчеты.

Результаты. В качестве основных концептуальных метафор, участвующих в формировании образа Ирака, выделены метафоры «Ирак – место неконтролируемой силы», «Ирак – живое существо»,

«Ирак – нецелое целое», «Ирак – театр». Доминирующей по частотности и плотности номинативного поля является первая метафора; наименее продуктивной – последняя из названных. Метафоры реализуются конституентами определенных семантических полей, вносят значимые признаки в создаваемый портрет страны.

Область применения результатов. *Полученные результаты вносят вклад в дальнейшее развитие имагологии, исследования дискурсивного, метафорического конструирования реальности, взаимосвязи ментальных, языковых и социальных процессов; могут быть использованы при подготовке специалистов в сфере политической коммуникации, мониторинга СМИ и общественных процессов, а также могут быть полезны политическим технологам.*

Ключевые слова: *медиаполитический дискурс; федеральные СМИ Германии; концептуальная метафора; образ государства; номинативное поле метафоры*

Для цитирования. *Аль-Хафаджи Л.Х.М.А. Продуктивные концептуальные метафоры при формировании образа Ирака в федеральных СМИ Германии // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 2. С. 14-28. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-405*

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

FREQUENT CONCEPTUAL METAPHORS BY THE FORMATION OF THE IRAQ IMAGE IN THE GERMAN FEDERAL MEDIA

L.H.M.A. Al-Khafaji

The conceptual metaphor as a linguistic phenomenon defining our perception and evaluation has a rich research tradition. Against the background of modern selective ideologized information and information fatigue of the mass addressee, interest in conceptual metaphor as a tool for discursive construction of social reality, including the formation and replication of the media image of the country, its stereotyping, is increasing.

The purpose of the study is to identify the leading conceptual metaphors in the formation of the image of Iraq in the German federal media, to characterize their nominative fields, to identify the features they introduce into the portrait of the country.

Methodology. *The material of the analysis is the publications of the German federal media devoted to Iraq in the period from 2019 to the present. The object of the analysis is the contexts selected by the continuous sampling method for the implementation of frequency conceptual metaphors. Contextual, definitional analysis and quantitative calculations are used.*

Results. *As the main conceptual metaphors involved in the formation of the image of Iraq, the metaphors “Iraq is a place of uncontrolled power”, “Iraq is a living being”, “Iraq is an incomplete whole”, “Iraq is a theater” are highlighted. The first metaphor is dominant in terms of frequency and density of the nominative field; the least productive is the last of the named metaphors. Metaphors are implemented by constituents of certain semantic fields, and they introduce significant features into the created portrait of the country.*

Practical implications. *The results obtained contribute to the further development of imagology, the study of discursive, metaphorical construction of reality, the relationship of mental, linguistic and social processes; they can be used in the training of specialists in the field of political communication, monitoring of media and social processes, and can also be useful to political technologists.*

Keywords: *media political discourse; German federal media; conceptual metaphor; image of the state; nominative field of metaphor*

For citation. *Al-Khafaji L.H.M.A. Frequent Conceptual Metaphors by the Formation of the Iraq Image in the German Federal Media. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 2, pp. 14-28. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-405*

Введение

Когнитивная метафора как исследовательский инструмент в имагологии

Когнитивная метафоры как объект изучения имеет богатую исследовательскую традицию; ее осмысление как определяющего наше

восприятие и оценки лингвоментального феномена генерировало целый ряд гносеологически важных теорий и концепций, среди которых следует отметить теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф и М. Джонсон), телесного разума (Й Цинкен), блендинга (М. Тернер, Ж. Фоконье), концепции метафорического моделирования (А.П. Чудинов), первичных и сложных метафор (Дж. Греди), структурных и исторических метафор (И. Хеллстен), а также дескрипторную (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов), коннективную (Л. Ричи), когерентную (Б. Шпельмана), когнитивно-дискурсивную (А.Н. Баранова, Э.В. Будаева, Е.С. Кубряковой и др.) концепции метафоры [2; 4]). В условиях сегодняшнего селективного идеологизированного информирования, с одной стороны, и информационной усталости массового адресата, с другой стороны, внимание лингвистов все больше привлекает дискурсивное конструирование социальной реальности и концептуальная метафора как его эффективный инструмент [3]. Данный инструмент в современном медиаполитическом дискурсе активно используется для формирования позитивного или негативного образа своей / чужой страны, инициации вхождения последнего в общественное сознание, его стереотипизации [1; 5; 6; 8; 12], что входит в сферу особого интереса имагологии [7].

Методология исследования: изучение когнитивной метафоры как средства формирования образа Ирака в федеральных СМИ Германии

Цель исследования – определить наиболее часто используемые для создания образа Ирака в федеральных СМИ Германии концептуальные метафоры, охарактеризовать их относительно задействованных лексических средств, плотности номинативного поля, отражающей степень вариативности вводящих значимые смыслы обозначений в рамках актуализируемых концептуальных метафорических пространств и указывающей на степень лексико-семантической детализации последних в изучаемом дискурсе.

Реализующий разнообразные (прежде всего, информирующую, воздействующую и рекреационную) функции и выступающий по-

средником между политиками и гражданами медиаполитический дискурс транслирует идеологически и культурно обусловленные структуры общественного знания, создавая в сознании массового адресата образы с высоким потенциалом стереотипизации [4; 8]. Воссоздаваемый образ страны работает как свернутый текст, становится значимым элементом политической сферы, управление которым делегировано СМИ и осуществляется посредством инициации развертывания данного текста массовым адресатом в задаваемом направлении. Формирование и массовое закрепление образа страны (характеризующегося информативностью, но несколько абстрактно-условного) базируется на неоднократном предъявлении адресату выбранных характеристик, и, соответственно, на регулярном употреблении конститuentов определенного семантического поля и повторении самих лексических единиц (ЛЕ); предполагает апелляцию к эмоциональной сфере адресата, его подсознанию [7]. Приведенные тезисы обуславливают особое внимание исследователя при выявлении и описании концептуальных метафор всевозможным несоблюдениям привычных сочетаемостных характеристик языковых единиц, несоответствиям между основным / прямым и контекстуальным значениями единиц, регулярным, частотным обозначениям с определенной коннотацией. Исследовательский алгоритм включает следующие шаги: составление исследовательского корпуса публикаций федеральных СМИ Германии об Ираке и контекстов реализации наиболее частотных концептуальных метафор; систематизация материала по актуализируемым метафорам и используемым лексическим средствам; определение плотности номинативных полей, семантическая характеристика актуализирующих метафоры доминирующих лексических средств, установление дополнительных привносимых метафорами в формируемый «портрет» Ирака признаков. Используются контекстуальный, дефиниционный анализ и количественные подсчеты. По результатам изучения медийного ландшафта Германии в качестве источников эмпирического материала были выбраны следующие федеральные издания: Spiegel, Süddeutsche Zeitung, Tagesschau, Zeit Online,

Frankfurter Rundschau, FAZ, Welt, TAZ, Tagespost, Das Erste, STERN.de, FOCUS online, T-Online.de, N-TV. Период выборки материала: 2019 г. – по настоящее время; объем – 1100 контекстов.

Результаты и дискуссия

Закономерности конструирования образа Ирака в федеральных СМИ Германии посредством ведущих концептуальных метафор

Выполненный анализ всей совокупности отобранных публикаций федеральных СМИ об Ираке, контекстов реализации различных концептуальных метафор, их количественных характеристик позволил определить в качестве ведущих метафоры «Ирак – место неконтролируемой силы», «Ирак – нецелое целое», «Ирак – живое существо», «Ирак – театр», на долю которых приходится более 80% от всего собранного материала.

1. «Ирак – место неконтролируемой силы». Данная метафора является доминирующей по частотности и плотности номинативного поля. Номинативное поле метафоры конституируется следующими основными ЛЕ: а) ядерные ЛЕ – *Eskalation* (17,65%), *Chaos* (8,82%), *erschüttern* (8,04%), *Welle* (7,64%), *eskalieren* (5,88%), на долю которых приходится 48,03% всех контекстов реализации данной метафоры; б) ЛЕ средней части поля – *Taumel* (2,88%), *wütend* (2,99%), *herrschen* (2,94%), *grassieren* (2,94%), *toben* (2,28%), *heimsuchen* (2,26%), *ausbrechen* (2,10%), *Gewaltspirale / Spirale der Gewalt* (1,99%), *Sturm* (1,96%), *es rumort* (1,93%), (напр. *Ein Dampfkochtopf ohne Ventil* (1,84%), *stürzen* (1,82%), *Protestwelle* (1,76%), *böswillig* (1,64%), на которые приходятся 31,33% всех контекстов; в) ЛЕ обширной периферии (20,64% от всех контекстов) – *Strudel*, *heftig ausfallen*, *ausufernd*, *ausufernd*, *fluten*, *münden*, *Gewalteskalation*, *Gewaltausbruch*, *überziehen*, *Eskalationsspirale*, *aufwühlen*, *Abgrund*, *entflammen*, *verheerend*, *kriegszerrütteten*, *unkalkulierbar*, *Aufruhr*, *Monster*, *turbulent*, *unvorhersehbar*, *explodieren* (частотность которых в среднем составляет около 1% от общего числа контекстов реализации данной метафоры). Номинативное поле метафоры включает ЛЕ,

которые описывают неуправляемые природные процессы или иные неконтролируемые процессы, имеющие большой масштаб, высокую динамику, непредсказуемые проявления и исход. Например, одним из регулярных репрезентантов метафоры выступает глагол *toben* (значение в словаре DWDS: «(vor Wut) außer sich sein, sich wild, wie ein Irrsinniger gebärden, rasen, [bildlich] in wilder, stürmischer Bewegung sein» [9] – «быть вне себя от ярости, метаться, как безумный, буйствовать, [образно] быть в диком, бурном движении»): *Im Irak tobt der Machtkampf um das Präsidentenamt weiter. Tausende Anhänger von Schiitenführer Muktada al-Sadr wollen eine Regierung von Rivalen mit Gewalt verhindern* [15, 30.07.2022] – В Ираке бушует борьба за президентский пост. Тысячи сторонников шиитского лидера Муктады ас-Садра хотят силой помешать формированию правительства соперников. Процессы, характеризующие образ Ирака, при этом изображаются как бесконтрольные, очень интенсивные, эмоциональные, не имеющие смысла. Актуализация метафоры осуществляется также посредством использования существительного *Welle* («sich fortpflanzende auf und ab gehende Bewegung der Wasseroberfläche, besonders des Meeres; eine (plötzlich) in Erscheinung tretende größere Menge von etw.» [9] – «повторяющееся, распространяющееся движение вверх и вниз поверхности воды, особенно моря; (внезапное) проявление большого количества чего-либо»). Данное существительное приносит в создаваемый портрет страны такие признаки как «интенсивность», «неконтролируемость», «большой масштаб, размах», а также «неоднократность», «повторяемость»: *Der Konflikt schürt Befürchtungen, dass der Irak vor einem Rückfall in eine neue Welle der Gewalt und Instabilität stehen könnte* [15, 30.08.2022] – Конфликт подпитывает опасения, что Ирак может столкнуться с новой волной насилия и нестабильности. В рамках актуализации метафоры Ирак предстает как место, где правят стихии, где с большой интенсивностью и масштабом происходят разнообразные неконтролируемые процессы, происходящее неподвластно человеку.

2. «Ирак – живое существо». Номинативное поле метафоры является довольно развитым включает: а) ядерные единицы – *leiden*

(23,19% от всех отобранных контекстов реализации данной метафоры в федеральных СМИ), *erleben* – (14,51%), *Wunde* (11,98%), *leben* (8,42%), *atmen* (8,02%), на долю которых приходится более половины всех контекстов реализации описываемой метафоры (66,12%) б) менее частотные, периферийные ЛЕ – *geschunden* (6,55%), *Trauma* (4,06%), *jung* (3,82%), *versehrt* (3,62%), *sich erholen* (3,43%), (*kriegs*) *geplagt* (2,32%), *versprechen* (2,11%), *kommen* (2,02%), *brauchen* (1,50%), *ächzen* (1,32%), *gequält* (1,11%), *verspüren* (1,01%), *verwundet* (0,62%), *traumatisiert* (0,39%). Номинативное поле конституируется ЛЕ, описывающими физиологические, психические процессы / состояния, речемыслительную деятельность. Приведем примеры реализации метафоры. Частотным в рамках олицетворяющей метафоры является ЛЕ *die Wunde* («durch gewaltsame Einwirkung, Schlag, Stoß, Schuss hervorgerufene Verletzung am Körper eines Menschen, Tieres, die mit Durchtrennung der Haut, des Gewebes, der Knochen oder der Organe verbunden ist» [9] – «травма тела человека, животного, вызванная насильственным воздействием, ударом, толчком, выстрелом, связанная с разрывом кожи, тканей, костей или органов»), которое также способствует изображению страны как страдающего живого существа: *Zwei Jahrzehnte nach der amerikanischen Invasion kämpft der Irak mit alten Wunden* [10, 20.03.2023] – Спустя два десятилетия после американского вторжения Ирак борется со старыми ранами. Употребление причастия второго *gequält* от глагола *quälen* («jmdn., ein Tier körperlich misshandeln, jmdm. körperliche Qual bereiten; jmdn. in großen Kummer, folternde Unruhe versetzen, sehr beunruhigen» [9] – «издевательство над животным, причинять физические страдания; причинять большое горе, мучительное беспокойство, очень беспокоить») способствует изображению Ирака как измученного существа: *Der Irak ist ein gequältes Land. Seit Jahrzehnten leben die Menschen dort mit Krieg, Terror und gewaltsamen religiösen Konflikten* [14, 08.03.2021] – Ирак – измученная страна. На протяжении десятилетий люди живут там в условиях войны, террора и жестоких религиозных конфликтов. Глагол *sich (von etwas) erholen* (со значением «sein einstiges, vorübergehend beeinträchtigt

Wohlbefinden wiedererlangen» [9] – «восстановить былое, временно утраченное самочувствие») также способствует персонификации образа страны, акцентируя при этом положительные процессы: *Dabei schien es gerade noch, als würde sich der Irak erholen. Nachdem der sogenannte „Islamische Staat“ (IS) im Irak 2017 als besiegt galt ...* [15, 26.07.2021] – В то же время казалось, что Ирак восстанавливается, выздоравливает. После того, как в 2017 году так называемое «Исламское государство» (ИГИЛ) было признано побежденным в Ираке ... В рамках реализации описываемой метафоры Ирак изображается как живое существо, которое переживает сложный период, страдает, испытывает разные потребности и постепенно восстанавливает свои силы.

3. «Ирак – нецелое целое». Данная метафора актуализируется в публикациях федеральных германских СМИ следующими единицами: а) ядерные единицы – *zwischen* (26,40%), *zerrieben* (14,70%), *zerreißen*, *zerrissen* – 7 (11,88%), *Spannung* (9,74%), *gespalten* (7,35%), *Zerfall* (7,36%), на долю которых приходится 77,43% всех контекстов реализации описываемой метафоры; б) менее частотные, периферийные ЛЕ – *zerfallen* (4,96%), *Teilung* (4,56%), *polarisieren* (3,87%), *Teil* (3,83%), *auseinanderhalten* (1,32%), *Spaltung* (1,79%), *zersplittert* (1,73%), *zersetzt* (1,69%), *zerstritten* (1,66%), *Zerreiβprobe* (1,59%), *Polarisierung* (1,58%), *zwei* (1,35%). В номинативном поле метафоры доминируют ЛЕ с семантическими признаками ‘разделение’, ‘разделенный’, ‘разделять’. Описываемая метафора реализуется, например, с помощью ЛЕ *zerreißen* («etw., ein Tier, jmdn. (gewaltsam) in Stücke reißen; auseinanderreißen, entzweigen») [9] – «что-то, животное, кого-то (с применением силы, насильственно) разрывать на части; раздирать на части, раскалывать, разламывать). Например: *Der Konflikt zwischen Washington und Teheran zerreiβt den Irak* [10, 28.06.2019] – Конфликт между Вашингтоном и Тегераном раздирает Ирак на части. К периферии номинативного поля относится причастие *zersplittert* (от глагола *zersplittern* со значением «etw. in Splitter schlagen, teilen; in Splitter zerbrechen, sich in Splitter aufspalten») [9] – «разбивать на щепки, разделять, разламывать на

части; раскалываться на щепки»). Например: *Das größte Problem des heutigen Irak ist das zersplitterte politische System* [11, 20.03.2023] – Самая большая проблема современного Ирака – это раздробленная политическая система. В рамках данной метафоры Ирак изображается как страна, которая не представляет собой единое целое, расколота, распадающаяся, охваченная противостояниями, подвергающаяся испытаниям на прочность, оказавшись на пути противоположных сторонних интересов.

4. «Ирак – театр». Метафора имеет второе по плотности номинативное поле. Однако отметить, что его ядро конституируется небольшим количеством единиц, а большая часть ЛЕ малочастотны и составляют периферию поля номинаций. К основным единицам репрезентантам метафоры относятся следующие: а) ядерные единицы: *Szenario* – 13,21% всех контекстов реализации данной метафоры, *orchestrieren* – 9,45%, *Akteur* – 9,41%, *Drehbuch* (преимущественно в качестве предикативной группы «nach ... Drehbuch») – 7,59%, *Rolle* – 7,51%, *Rolle spielen* – 5,75%, *hinter den Kulissen* – 5,63%; б) периферийные ЛЕ: *Schauspiel* – 3,81%, *Drama* – 3,80%, *dramatisch* – 3,79%, *Szene* – 3,79%, *Inszenierung* – 3,78%, *Theater* – 3,78%, *Schlüsselrolle spielen* – 3,77%, *inszenieren* – 3,65%, *Spektakel* – 1,98%, *herunterspielen* – 1,91%, *stilisieren* – 1,88%, *Doppelrolle spielen* – 1,87%, *Puppenspieler* – 1,83%, *Regie* (например с глаголом *einlassen*, в составе предложной группы *in jemandes Regie*) – 1,81%. ЛЕ-репрезентанты конституируют семантическое поле, описывающее «пространственно-временные искусства» (в основном зрелищные, исполнительские). Частотным репрезентантом метафоры является глагол *orchestrieren* («eine Komposition für Orchester bearbeiten, instrumentieren» [9] – «обрабатывать композиции для оркестра, выполнять инструментовку»), который способствует предьявлению изображаемого как некой постановки и указывает на роль инициатора, «режиссера»: *Bagdad: Donald Trump droht Iran mit Vergeltung für Angriff. «Jetzt orchestriert der Iran einen Angriff auf die US-Botschaft im Irak», twitterte er* [15, 31.12.2019] – Багдад: Дональд Трамп угрожает Ирану возмездием за нападение. «Теперь Иран «режиссирует» нападение на посольство США в Ира-

ке», – написал он в Твиттере. *К периферийным ЛЕ-актуализаторам описываемой метафоры относится существительное Schauspiel* («dramatische Kunstform, in der die Handlung unmittelbar gegenwärtig durch die Darstellung auf der Bühne zur Anschauung gebracht wird; ernstes Bühnenstück mit einer für den Helden günstigen Lösung der gestalteten Konflikte; [übertragen] eindrucksvoller Anblick, beeindruckende Szene» [9] – «драматическая форма искусства, в которой действие непосредственно представлено на сцене; серьезная постановка с благоприятным для героя разрешением возникших конфликтов; [переносное] впечатляющее зрелище, впечатляющая сцена»), использование которого вводит отождествление изображаемого со спектаклем. Например: *Krieg im Irak ... Die geopolitischen Schockwellen des Kriegs sind noch heute zu spüren. Ein erbärmliches Schauspiel* [15, 20.03.2023] – Война в Ираке ... Геополитические потрясения войны ощущаются и сегодня. Ужасное зрелище. Существительное *Inszenierung* (от глагола *inszenieren* «ein Bühnenwerk zur Aufführung bringen, die Gestaltung eines Bühnenwerkes auf der Bühne leiten» [9] – «приводить сценическое произведение к исполнению, руководить оформлением сценического произведения на сцене») и сам глагол *inszenieren* выполняют аналогичную с ЛЕ *orchestrieren* функцию и относятся к периферийным средствам реализации метафоры. Например: *Abzug ist eher eine Inszenierung: Irak-Mission ist beendet. Ende Juli 2021 verkündeten US-Präsident Biden und Iraks Ministerpräsident Al-Kadhimi den Abzug der letzten US-Kampftruppen aus dem Irak* [13, 12.08.2021]. – Вывод войск – это скорее инсценировка: миссия в Ираке завершена. В конце июля 2021 г. президент США Байден и премьер-министр Ирака Аль-Кадими объявили о выводе последних американских войск из Ирака. В рамках данной метафоры действительность представляется как постановочная, некий спектакль, где участники играют свои партии в соответствии со сценарием.

Заключение

Доминирующей по частотности (26,42% контекстов), количеству дифференцирующих приписываемые признаки репрезентантов мета-

форы (40,8% ЛЕ-репрезентантов), среднему параметру употребляемости ЛЕ номинативного поля (соотношение количества контекстов и количества ЛЕ-репрезентантов – 2,55) является метафора «Ирак – место неконтролируемой силы», в рамках которой страна предстает как место, где происходят интенсивные, неуправляемые процессы. Почти в два раза менее продуктивны (по показателям частотности и плотности номинативного поля) метафоры «Ирак – нецелое целое» и «Ирак – живое существо». Наименее частотна среди ядерных метафора «Ирак – театр» (18,93% контекстов). При этом показатели частотности и плотности номинативного поля являются коррелирующими друг с другом. Посредством ядерных метафор создается образ Ирака как страдающего живого существа, разделенной и сотрясаемой масштабными стихийными событиями страны, где реализуются всевозможные чужие сценарии. Выполненный анализ позволил получить новые научные результаты: установить ведущие концептуальные метафоры, регулярно актуализирующиеся при создании образа Ирака в публикациях национальных СМИ Германии, охарактеризовать их номинативные поля, ядерные и периферийные репрезентанты, определить вносимые ими в создаваемый портрет страны дополнительные признаки. Полученные результаты вносят вклад в дальнейшее развитие имагологии, исследования дискурсивного, метафорического конструирования реальности, взаимосвязи ментальных, языковых и социальных процессов; могут быть использованы при подготовке специалистов в сфере политической коммуникации, мониторинга СМИ и общественных процессов, а также могут быть полезны политическим технологам.

Список литературы

1. Бабкина В.А. Физиологическая метафора как средство создания образа современной России в немецких средствах массовой информации // Научный диалог. 2017. № 3. С. 9-18. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-3-9-18>
2. Балашова Л.В. Динамическая концепция метафоры: от Аристотеля до современной когнитивной лингвистики // Вестник Омского университета. 2015. № 2. С. 169-177.

3. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология: монография. СПб.: Научное издание, 2020. 464 с.
4. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 1(110). С. 6-13.
5. Вражнова И.Г. Концептуальная метафора как средство формирования отрицательного образа государства (на материале британских печатных СМИ) // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов VII Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (25-27.02.2015 г.). Саратов: ИЦ «Наука», 2015. С. 27-33.
6. Иордан К.С., Семенова Е.В. Концептуальная метафора как средство создания образа страны в американском политическом дискурсе // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. 2016. Т. 7, № 7. С. 228-233.
7. Поляков О.Ю., Полякова О.А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2013. 162 с.
8. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
9. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 20.01.2024).
10. FAZ – Frankfurter allgemeine Zeitung. URL: <https://www.faz.net/> (дата обращения: 15.01.2024).
11. Frankfurter Rundschau. URL: <https://www.fr.de/> (дата обращения: 22.01.2024).
12. Plyushkina M., Chudinov A. Metaphorical modeling of Russia's image in the mass media: the case of American press // Language and culture. 2019. № 45. P. 20-30.
13. N-TV. URL: <https://www.n-tv.de> (дата обращения: 26.01.2024).
14. Tageszeitung. URL: <https://taz.de/> (дата обращения: 19.01.2024).
15. Zeit online. URL: <https://www.zeit.de> (дата обращения: 15.01.2024).

References

1. Babkina V.A. Fiziologicheskaya metafora kak sredstvo sozdaniya obraza za sovremennoi Rossii v nemetskikh sredstvakh massovoi informatsii [Physiological metaphor as a means of creating an image of modern Russia in the German mass media]. *Nauchnyi dialog*, 2017, no. 3, pp. 9-18. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-3-9-18>
2. Balashova L.V. Dinamicheskaya kontseptsiya metafori: ot Aristotelya do sovremennoi kognitivnoi lingvistiki [The dynamic concept of metaphor: from Aristotle to modern cognitive linguistics]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2015, no. 2, pp. 169-177.
3. Budaev E.V. *Sopostavitelnaya politicheskaya metaforologiya: monografiya* [Comparative political metaphorology]. St. Petersburg: Naukoemkie tehnologii Publ., 2020, 464 p.
4. Budaev E.V., Chudinov A.P. Kognitivnaya teoriya metafori: novie gorizonti [Cognitive theory of metaphor: new horizons]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta*, 2013, no. 1(110), pp. 6-13.
5. Vrazhnova I.G. Kontseptualnaya metafora kak sredstvo formirovaniya otritsatel'nogo obraza gosudarstva (na materiale britanskikh pechatnikh SMI) [Conceptual metaphor as a means of forming a negative image of the state (based on the material of the British print media)]. *Inostrannie yaziki v kontekste mezhkulturnoi kommunikatsii: materialy dokladov VII Mezhdunarodnoi konferentsii «Inostrannie yaziki v kontekste mezhkulturnoi kommunikatsii»* (25-27.02.2015). Saratov: Nauka Publ., 2015, pp. 27-33.
6. Jordan K.S., Semenova E.V. Kontseptualnaya metafora kak sredstvo sozdaniya obraza strani v amerikanskom politicheskom diskurse [Conceptual metaphor as a means of creating an image of a country in American political discourse]. *Chelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve*, 2016, vol. 7, no. 7, pp. 228-233.
7. Polyakov O.Yu., Polyakova O.A. *Imagologiya: teoretiko-metodologicheskie osnovy* [Imagology: theoretical and methodological foundations]. Kirov: Raduga-PRESS Publ., 2013, 162 p.
8. Chudinov A.P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafori (1991—2000)* [Russia in a metaphorical

- mirror: a cognitive study of political metaphor (1991-2000)]. Yekaterinburg: USPU Publ., 2001, 238 p.
9. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (accessed January 20, 2024).
 10. FAZ – Frankfurter allgemeine Zeitung. URL: <https://www.faz.net/> (accessed January 15, 2024).
 11. Frankfurter Rundschau. URL: <https://www.fr.de/> (accessed January 22, 2024).
 12. Ilyushkina M., Chudinov A. Metaphorical modeling of Russia's image in the mass media: the case of American press. *Language and culture*, 2019, no. 45, pp. 20-30.
 13. N-TV. URL: <https://www.n-tv.de> (accessed January 26, 2024).
 14. Tageszeitung. URL: <https://taz.de/> (accessed January 19, 2024).
 15. Zeit online. URL: <https://www.zeit.de> (accessed January 15, 2024).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Аль-Хафаджи Лайт Хаммед Мохаммед Али, аспирант кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики
*Волгоградский государственный университет
пр. Университетский, 100, г. Волгоград, Волгоградская область, 400062, Российская Федерация
alkafajil@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Al-Khafaji Laith Hamid Mohammed Ali, PhD student of the Department of Foreign Language Communication and Linguistics
*Volgograd State University
100, Universitetskiy Prospekt, Volgograd 400062, Russian Federation
alkafajil@gmail.com*

Поступила 24.04.2024
После рецензирования 18.05.2024
Принята 28.05.2024

Received 24.04.2024
Revised 18.05.2024
Accepted 28.05.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-414
УДК 811.161.1

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

**СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ
«КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК»,
«МОТИВАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК»,
«СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК»**

Н.А. Петрова

Проблема разграничения терминов «классификационный признак», «мотивационный признак», «семантический признак» возникла в связи с активным развитием когнитивной лингвистики и расширением её терминологического аппарата. В статье впервые описываются подходы к пониманию терминов в сопоставительном аспекте. Автор анализирует словарные дефиниции, последовательно выявляя классификационные, мотивационные, семантические признаки лексем, демонстрируя различия между признаками. Делается вывод о том, что термины различаются функционально, их применение обусловлено научной парадигмой и областью лингвистики, в рамках которой работает исследователь.

***Целью** исследования является разграничение терминов «классификационный признак», «мотивационный признак», «семантический признак».*

***Материалы и методы.** Материалом исследования послужили контексты с данными терминами, извлеченные из научных работ по когнитивной лингвистике, теории номинации, морфологии, теоретической семантике, а также словарные статьи. Используются описательный и сравнительный методы, метод теоретического анализа.*

***Результаты.** Результаты исследования показали, что термины «мотивационный признак», «семантический признак», «классификационный признак» различаются функционально. Изучение мотивационных признаков направлено на выявление языковых закономерностей.*

стей. Изучение семантических признаков нацелено на описание лексических (языковых) значений. Анализ классификационных признаков ставит своей целью выявить экстралингвистическую, а именно когнитивно значимую информацию о предметах действительности.

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть использованы в лексикографической и переводческой практике, в исследованиях о вопросах номинации, лексического значения и языковой категоризации.*

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика; классификатор; мотиватор; сема; термины; классификационный признак; мотивационный признак; семантический признак*

Для цитирования. *Петрова Н.А. Соотношение терминов «классификационный признак», «мотивационный признак», «семантический признак» // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 2. С. 29-51. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-414*

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

CORRELATION OF THE TERMS “CLASSIFICATION ATTRIBUTE”, “MOTIVATIONAL ATTRIBUTE”, “SEMANTIC ATTRIBUTE”

N.A. Petrova

The problem of distinguishing the terms “classification attribute”, “motivational attribute”, “semantic attribute” arose in connection with the active development of cognitive linguistics and the expansion of its terminology. The article describes for the first time approaches to understanding terms in a comparative aspect. The author analyzes dictionary definitions, consistently identifying classification, motivational, semantic features of lexemes, demonstrating the differences between these features. The author comes to the conclusion that the terms “classification attribute”, “motivational attribute”, “semantic attribute” differ functionally, their use is due to the paradigm and the field of linguistics in which the researcher works.

Purpose. *The purpose of the study is to distinguish the terms “classification attribute”, “motivational attribute”, “semantic attribute”.*

Materials and methods. *The material for the study was contexts with these terms extracted from scientific papers on cognitive linguistics, word formation, theoretical semantics, as well as dictionary entries. The descriptive and comparative methods, and method of theoretical analysis, were used.*

Results. *The results of the study showed that the terms “motivational attribute”, “semantic attribute”, “classification attribute” differ functionally. The study of motivational attribute is aimed at identifying linguistic patterns. The study of semantic attribute is aimed at describing lexical (linguistic) meanings. The analysis of classification attribute aims to identify extralinguistic, namely cognitively significant information about the objects of reality.*

Practical implications. *The results of the study can be used in lexicographic and translation practice, in research on issues of nomination, lexical meaning and linguistic categorization.*

Keywords: *cognitive linguistics; classifier; motivator; seme; terms; classification attribute, motivational attribute; semantic attribute*

For citation. *Petrova N.A. Correlation of the Terms “Classification Attribute”, “Motivational Attribute”, “Semantic Attribute”. Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 2, pp. 29-51. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-414*

Введение

Активное развитие когнитивной лингвистики привело к необходимости расширения и уточнения ее терминологического аппарата. Настоящим прорывом в этом плане стал «Краткий словарь когнитивных терминов» [17], который до сих пор является единственным подобным словарем на русском языке. Существенный вклад в данный вопрос внесли и продолжают вносить многие современные лингвисты [3; 14; 27] и др.

По мере становления когнитивной лингвистики как отрасли языкознания возникла следующая проблема: содержание некоторых терминов, используемых новым когнитивным направлением в науке, обнаружилось существенное пересечение с уже существующими. Одним

из наиболее актуальных примеров подобного пересечения можно назвать следующий. **Мотиватор**, или **мотивировочный признак**, – это устоявшийся термин системно-структурной парадигмы, который широко применяется в теории номинации и морфологии. **Семантический признак**, или **сема** – термин, активно использующийся в теоретической семантике. **Классификатор**, или **классификационный признак**, – современный термин антропоцентрической парадигмы, который используется в области когнитивной лингвистики.

Мы намерены внести ясность в этот вопрос, другими словами, **цель** нашего исследования – изучить соотношение терминов **классификационный признак**, **мотивационный признак**, **семантический признак** и с опорой на практику их применения в теоретических исследованиях и использования при описании конкретного языкового материала.

Актуальность исследования обусловлена увеличением интереса к когнитивным исследованиям языка [37; 38; 39; 40; 41], в том числе к изучению когнитивных классификационных признаков. Выделение классификаторов, их описание, уточнение используемой при этом терминологии – важные задачи, которые ставит перед собой современная лингвистика.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили словарные дефиниции и научные работы, посвященные терминам **классификационный признак**, **мотивационный признак**, **семантический признак**, в качестве иллюстративного материала привлекались контексты. При анализе материала использовался метод теоретического анализа, а также описательный и сравнительный методы.

Результаты и обсуждение

В статье последовательно рассматривается трактовка терминов в современных лингвистических исследованиях. Приводятся комментарии автора и иллюстративный материал.

«Мотивировочный признак – это признак предмета, положенный в основу его названия» [30, с. 73]. Любой предмет обладает множеством свойств и отношений, но денотат получает название по отличительному признаку, обычно такому, который первым попадает в поле зрения. Например, название *подснежник* мотивировано словами *под* и *снег*. Ранее появление цветка из-под снега – та отличительная характеристика, на которую в первую очередь обратил внимание говорящий при назывании растения.

Мотивировочный признак – это признак-фиксатор, т.е. представитель всех остальных признаков выражаемого содержания [8, с. 21]. Это признак, по которому можно опознать денотат при восприятии звукового облика определенного слова. Мы слышим слово *подснежник* и представляем себе цветок белого цвета с поникшими вытянутыми лепестками на длинной зеленой ножке, который растет среди снега.

Мотивация – это закрепление существенного признака объекта во внутренней форме названия этого объекта. «Мотивация как процесс выбора и закрепления мотивирующего признака в названии включает несколько этапов: 1) выделение в обозначаемом объекте (денотате) мотивирующего признака (мотива) – признака объекта, который обуславливает название, является мотивом, основанием названия; 2) синтез информации о мотивирующем признаке в виде образа; 3) появление в языковых единицах (словах, фразеологизмах, словосочетаниях) внутренней формы – способа закрепления информации о мотивирующем признаке» [16, с. 297]. Так, мотивация слова *подснежник* состояла из следующих шагов: во-первых, носитель языка выделил мотив для номинации – «под снегом», во-вторых, представил природный объект в виде соответствующего образа, в-третьих, зафиксировал информацию о признаке в словосочетаниях *первый подснежник*, *светлый подснежник*, *нежный подснежник*.

Теория номинации является одной из ведущих областей исследования в отечественной лингвистике. Так как сам процесс называния предметов действительности представляет собой сложный поша-

говый процесс, то и процесс изучения номинации обычно состоит из нескольких этапов. Сначала исследователь устанавливает логическую связь между словом и обозначаемым им денотатом, определяя наиболее яркие мотивировочные признаки реалии. Затем на материале исследуемой лексико-семантической группы обобщает признаки с целью выявления общих тенденций номинации. Другими словами, формулирует принципы номинации – исходные положения, которые служат отправной базой для новых именовании [30, с. 73]. Так, «на основе обобщения мотивировочных признаков, связанных с использованием растений в быту, медицине, на производстве сформировался принцип номинации по функции (назначению, использованию, роли)» [1, с. 99].

Ученые сходятся на том, что в каждой тематической группе слов есть ограниченный набор принципов номинации, которые отражают признаки, использующиеся в качестве мотиватора [23, с. 72]. Например, для номинаций рыб характерны следующие мотивировочные признаки: цвет (*белорыб, белорыбица, белуга, красноперка, синец, чернобрюшка, черноносик, черноспинка*), размер (*молявка, большун, крупница*), форма тела или его частей (*горбун, кругляк, пузанок, широколобка*), образ жизни (*бешеница, борзун, быстрянка, лежень*), место обитания (*верхоплавка, верхосвирка, бережник, подкаменичник*) [7, с. 145]; для названий жилых и хозяйственных построек и их частей – функция помещения или детали (*заслонка, погреб, ясли*), форма элемента или всего помещения (*угольник, горшки, кружки, двойник, пятистенка*), место расположения, часто по отношению к другому элементу или помещению (*верх, подполье, подвал, потолок*), объект, для которого предназначена постройка (*судница, курник, овчарник*) [29, с. 19]; для названий видов обуви – характер изготовления (*валенки, катанки, вязанки, плетенки*), материал (*вельветки, портянки, берестяники, лыченицы*), цель надевания (*грязевики, мокроступы, снегоступы*), часть тела человека (*ноговицы, наголенки, плеснецы, футли*) [33, с. 72-74].

Все принципы номинации, выявленные на материале одной лексико-семантической группы, составляют её ономаσιологический ба-

зис [№31, с. 60], который характеризуется устойчивостью и системностью. Выбор мотивировочного признака и принципа номинации определяет превалирующую структурную словообразовательную модель в языке. Так, В.Г. Гак сопоставляет производственно-технические термины в двух языках и приходит к выводу, что «в русском языке в качестве основы наименования берутся функция объекта либо его пространственные отношения. Во французском языке терминологические наименования образуются значительно чаще путём метафорического переноса, так что при наименовании принимаются во внимание внешние свойства предмета. Это связано с преимущественным развитием отглагольного словообразования в русском языке и отыменного – во французском» [6, с. 17].

Итак, мотивировочный признак – это признак денотата, который оказался выделенным для носителя языка и поэтому получил номинацию и был закреплён во внутренней форме слова. Данный признак связывает между собой знак и значение, делает для нас внешнюю форму знака мотивированной.

Языковые знаки состоят из формы и значения, а говоря о значении, нельзя не сказать о его составляющих, то есть семах. Обратимся к словарю лингвистических терминов. Семантический признак, или сема, – «единица смысла (иначе семантический множитель), компонент семемы, её вариант; модификация» [16, с. 318]. Другими словами, сема – это «наименьшая часть лексического значения слова, которая уже не делится на более мелкие единицы смысла» [34].

Иногда набор признаков, формирующих внутреннюю форму названий, и набор признаков, закреплённых в виде сем в лексическом значении этих названий, демонстрируют схожесть. «Так, М.М. Гинатулин, исследуя характер мотивации наименований птиц, и А.А. Медведев при описании словарных дефиниций этих же наименований выделяют в общем-то одинаковые типы признаков, которые отражают внешний вид, образ жизни, голос и др. особенности пернатых обитателей фауны» [8, с. 94]. Это объясняется тем, что зачастую мотивировочный признак закреплён семой и поэтому входит в рамки лексического значения [Там же]. Однако по природе и

функциям мотивировочные и семантические признаки во многом различаются. «Мотивировочный признак служит средством создания всего слова как единства определённого содержания и определённой формы выражения и как мотивировочный он выступает именно по отношению к последней. Семантические же признаки составляют непосредственное содержание слова, не зависят от его внешней формы и служат для идентификации предмета при его номинации в речи» [Там же]. Итак, мотиватор обуславливает внешний облик слова, а сема – содержание слова.

Как уже было сказано, мотивировочный признак обычно закреплён в виде семы в лексическом значении слова. Лексическое значение может исчерпываться мотиватором, например, *кукушка* ‘лесная птица, издающая крик «куку», кладущая яйца в чужие гнезда’ [36]. Мотиватор может частично отражаться в лексическом значении, например, *желтопузик* ‘большая безногая ящерица с змеевидным телом желто-бурого цвета’ [37]. Однако мотиватор может не быть закреплён в семантике, например, *ехидна* ‘небольшое австралийское яйцекладущее млекопитающее отряда клоачных с вытянутой вперёд мордой, покрытое иглами и шерстью’ [36].

Рассмотрение некоторых аспектов мотивировочных и семантических признаков показывает, что их изучение нацелено на выявление механизмов функционирования системы языка. В свою очередь, в когнитивных работах обращение к особенностям номинации не является самоцелью, а представляется только этапом на пути к другой задаче – изучению особенностей человеческого мышления. Например, в теории категоризации исследования строятся на анализе языковых средств, отражающих устройство категорий в человеческом сознании. Важным становится то, как люди распределяют предметы по группам, а не как они дают названия этим группам или отдельным объектам действительности.

В многочисленных работах по когнитивной лингвистике доказана связь когнитивной деятельности и номинации [17; 21; 24]. Эта связь проявляется в том числе в том, что слово закрепляет в своей семантике значимую для познавательной деятельности информа-

цию. Данный факт позволяет опираться на выявленные семантические компоненты и в когнитивных исследованиях [21; 11].

В настоящее время работ по категоризации материальных предметов действительности немного [15; 18; 19]. Все авторы, как правило, анализируют лексическое значение слова-названия категории и выявляют в нём семантические компоненты, связанные с формированием категории. Далее авторы анализируют лексические значения слов-членов данной категории, т.е. членов лексико-семантической группы. При этом исследователи считают, что каждая выявленная сема связана с результатами категоризации. Например, В.В. Корнева сравнивает толкования лексемы *возвышенность* 'высокая гористая или холмистая местность' в русском языке и *elevación* 'возвышенное место на земной поверхности, высокая местность' в испанском языке. Лингвист приходит к вводу, что «прозрачная внутренняя форма номинации данной природной реалии (*возвышенность* / *elevación*), равно как и одно из средств ее обозначения *высота* / *altura*, однозначно указывают на те критерии, которые лежат в основе выделения как самой возвышенности в противопоставлении другим элементам рельефа, так и отдельных ее разновидностей» [18, с. 60-61]. Автор изучает состав русской и испанской лексико-семантической группы, последовательно выявляя в каждом лексическом значении членов группы семы, повлиявшие на категоризацию типов возвышенности.

Изучая лексическое значение слов, исследователи выявляют семы, закрепившие релевантные признаки объекта, важные для категоризации. Однако в этом когнитивном процессе играют роль и нерелевантные признаки, которые не всегда отражены в словарной дефиниции. Например, лингвисты, изучающие категорию ВОДОЕМЫ на основании словарных дефиниций названий водоемов, отмечают, что признак **размер** не учитывается при категоризации и не отражается в качестве семы в значении слова [26; 25]. Если мы обратимся к контекстам, то обнаружим, что этот признак часто является главным при объяснении выбора оснований для включения объекта в некоторую категорию [10]. Например, *Каспийское море считается*

самым большим озером на нашей Земле. За его большие размеры это озеро называют морем [12, с. 10].

Кроме того, лексическое значение слова не всегда соотносится с реальными признаками объекта. Например, *русак* ‘серый заяц, сохраняющий одинаковую окраску зимой и летом’ [38]. Как известно, цвет меха зайца-русака меняется в течение года. *Как русак, так и беляк оправдывают свои названия. Первый имеет летом курчавый, серо-рыжий мех, переходящий к зиме в грязно-белый. Второй носит летом серый мех, переходящий зимой в снежно-белый* [39]. Окраска русака меняется в зависимости от времени года не так существенно, как у беляка (на этом и строится противопоставление признаков, отраженных в названиях этих видов зайцев), однако, назвать её одинаковой будет неправильно.

Иногда соотношение лексического значения, классификатора и мотиватора оказывается действительно сложным. Рассмотрим следующую словарную статью. *Белый гриб – это плотный съедобный гриб с буроватой шляпкой и толстой ножкой, который считается самым ценным из грибов* [35]. Лексическое значение включает следующие семы: плотность, съедобность, цвет шляпки, толщина ножки, ценность. Ни одна из данных сем не соотносится с названием объекта, поэтому анализ словарной дефиниции не позволяет узнать, почему белый гриб получил такое название. Анализ внутренней формы также не может быть однозначно интерпретирован, так как сам денотат не характеризуется белым цветом, как может показаться на первый взгляд. Названиям грибам даются по цвету их шляпки, а у данного вида гриба она не белого, а бурого цвета. Однако в контекстах мы можем выявить признак, ставший главным при выборе номинации: *Мраморная мякоть белого гриба даже после термообработки и высушивания остается идеально белой. Люди подметили эту особенность и нарекли гриб с темной шляпкой именно белым. Еще одна версия названия связана с противопоставлением белого гриба менее вкусным и не таким ценным “черным” обабкам, мякоть которых темнеет на срезе* [40]. Мотиватор белый цвет отсутствует у денотата – гриба. Этот признак не зафиксирован

в лексическом значении. А классификатор напрямую не отражён ни в лексическом значении слова, ни в его внутренней форме. В данном случае результат категоризации, а именно противопоставление белого (ценного) гриба черным (менее ценным), становится явным только при анализе контекста, а внутренняя форма слова отражает не признаки денотата, а результаты категоризации.

Процессы мотивации, формирования лексического значения и категоризации демонстрируют сложные взаимоотношения. В процессе категоризации учитывается информация о признаках разной природы, между которыми существует множество связей и отношений. Анализа внутренней формы слова и его лексического значения недостаточно для выявления той информации, которая является определяющей для включения / не включения объекта в определенный класс сущностей. В связи с этим ученые обращают внимание на классификационные признаки, содержащие информацию о способе концептуализации знаний. Однако выявить такие признаки непросто, так как они не всегда обозначены в языке. Привлечение контекстов, объясняющих ход мысли говорящих при выборе номинации для того иного объекта, помогает справиться с этой задачей.

Отметим, что принципиальным моментом для нас является разграничение понятий **номинация** и **категоризация**. Номинация – это собственно языковой процесс, а категоризация – когнитивный. Эти два процесса тесно связаны: мысленные представления о действительности влияют на формирование языковых единиц, единицы языка фиксируют человеческий опыт. В свою очередь единицы языка сами накладывают ограничения на дальнейшее восприятие новых явлений действительности.

«Категоризация как когнитивный процесс – это отнесение отдельных фрагментов действительности к определенным разрядам, установление общих черт с другими фрагментами и выделение особенных черт, отличающих данную категорию от других. Установление общности фрагментов действительности и выработка для этой общности мышлением обобщающего понятия» [24, с. 127]. Результатом категоризации является формирование **КОГНИТИВНЫХ**

классификационных признаков (по И.А. Стернину), или **классификаторов** (по Дж. Лакоффу).

Согласно Дж. Лакоффу, **классификатор** – ментальная единица, имеющая формальное выражение в языковой системе, способная упорядочивать для человека как действительность, так и язык. В работе «Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении» ученый привел множество примеров того, насколько по-разному членят на категории мир представители разных народов и как эффективно это можно исследовать на лингвистическом материале. Дж. Лакофф выделил некоторые общие принципы классификации, влияющие на формирование категорий в языках: принцип сферы опыта, принцип мифа и веры и др. Он пришел к выводу, что системы классификаторов отражают экспериенциальный, образный и экологический аспекты мышления [21, с. 12-51].

З.Д. Попова и И.А. Стернин, говоря об исследовании Дж. Лакоффа, соотносят классификаторы с лексическим значением слова: «Будучи отражены в семантике классов единиц, эти классификаторы выступают как интегральные или дифференциальные семы» [24, с. 127]. В продолжение данной мысли добавим, что интерпретация информации о признаке в качестве классификатора или в качестве семы зависит от избранной автором исследования научной парадигмы: «информация о признаке представителями системно-структурной парадигмы может определяться как интегральный / дифференциальный признак члена лексико-семантической группы или как классификатор представителями когнитивной лингвистики» [12, с. 5].

З.Д. Попова и И.А. Стернин разграничивают семантические признаки и классификаторы на том основании, что последние являются именно ментальными единицами, и потому могут быть вовсе не выражены средствами языка. Соответственно, при формулировке термина ученые делают акцент на слове *когнитивный*. Эти когнитивные признаки классифицируют объекты сознания: «так называемое “членение мира”, о котором часто говорят в связи с языковой картиной мира, осуществляется в Действительности не языком, а

когнитивными классификаторами, принадлежащими когнитивной картине мира» [24, с. 30]. Понятно, почему в формулировке термина появляется слово *классификационный*. Кроме того, в сфере когнитивной лингвистики ученые специализируются на изучении концептуализации, а потому в их интерпретации данный признак непосредственно связан с понятием **концепт**. Итак, согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, **когнитивный классификационный признак** – «это компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта» [Там же, с. 68]. В качестве примера авторы приводят когнитивный классификационный признак ПОЛ, характеризующий в сознании людей объекты живой природы. «По этому признаку объекты живой природы, имеющие пол, объединяются в категорию ЛЮДИ или ЖИВОТНЫЕ и противопоставляются категориям объектов, не имеющих пол – ПРЕДМЕТЫ, РАСТЕНИЯ, АБСТРАКТНЫЕ СУЩНОСТИ. Когнитивный классификационный признак ПОЛ уточняется дифференциальными когнитивными признаками («мужской пол» и «женский пол») [Там же, с. 68].

В теории категоризации **классификатор** – это «релевантный признак, формирующий объем и структуру каждой категории» [10, с. 9]. Классификаторы – ментальные единицы, однако, их можно выявить, анализируя слова и контексты: «Часто изучение слов как единиц лексической системы языка и как единиц речи является единственным надежным способом выхода на устройство категорий, выделяемых в окружающей действительности, их содержание и принципы формирования, поскольку позволяет выяснить, какие знания об объекте замечены носителем языка и какую роль они играют в опознании объекта и включении его в тот или иной класс» [12, с. 8-9]. Выяснить, на основе какого классификационного признака человек осуществляет дифференциацию объектов действительности можно путем анализа высказываний об этих объектах. Например, иногда ведущим признаком для включения объекта в определенный класс сущностей выступает **форма**: *Просто так*

*говорят, когда в море появляется много рыбы. Она тогда идет большими стаями. Они похожи на треугольники, поэтому называются косяками (А. Ф. Членов). В некоторых случаях этим признаком является **цвет**: Черный груздь или чернушка – самый распространенный груздь под Москвой (В. Солоухин) или **размер**: Ягоды у клубники значительно мельче ягод садовой земляники, но несколько крупнее, чем у лесной (Е. Мехова) [Там же, с. 27-28].*

Итак, классификаторы – ментальные образования, однако их изучение возможно и оправданно на материале языка. Контексты, отражающие ход мысли говорящих, позволяют сделать выводы о тех признаках объектов действительности, которые являются когнитивно значимыми для носителей языка, например, релевантными при категоризации объектов.

Заключение

В статье мы подробно изучили соотношение терминов **классификационный признак, мотивационный признак, семантический признак**. Как уже было сказано, применение данных терминов обусловлено методологическими установками исследователя. Эти термины различаются функционально. Изучение мотивационных признаков направлено на выявление языковых закономерностей: общих тенденций номинации, механизмов образования названий и т.д. Изучение семантических признаков нацелено на описание лексических (языковых) значений. Анализ классификационных признаков ставит своей целью выявить экстралингвистическую, а именно когнитивно значимую информацию о предметах действительности.

Исследование когнитивных классификационных признаков в настоящее время особенно актуально. Лингвисты работают над созданием перечня классификаторов, выявлением их функций, поиском подходящих словесных формулировок для описания. Несмотря на то, что классификаторы являются ментальными единицами, их изучение эффективно на материале языка. Так, изучение предметной лексики в когнитивном аспекте позволяет извлечь информацию о способе концептуализации знаний. Анализ внутренней формы

слов, направленный на выявление классификаторов, послуживших основой для номинации, дает возможность узнать, какие факторы повлияли на формирование категорий. Исследование контекстов в качестве средства обнаружения информации, на которую опирается человек при опознании объекта как представителя класса, позволяет совершенствовать методику выявления когнитивно актуальных признаков для объектов материального мира.

Список литературы

1. Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Ленинград: Наука, 1972. С. 92-104.
2. Болдырев Н.Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. Филология. 2013. № 24(315). С. 7-13.
3. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.
4. Визгалов В.П. Некоторые вопросы диалектики соотношения языка и мышления. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. 50 с.
5. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: Междунар. отношения, 1977. 264 с.
6. Гак В.Г. К проблеме соотношения языка и действительности // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1972. № 5. С. 12-22.
7. Герд А.С. Морфемика. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 173 с.
8. Голев Н.Д. О принципах номинации и методе их исследования // Материалы науч. конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 5: Лингвистика. Теоретические вопросы русского языка и его говоров. Томск: Изд-во ТГУ, 1972. С. 94-99.
9. Голев Н.Д. О соотношении семантических и мотивировочных признаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 7. Томск: Изд-во ТГУ, 1977. С. 21-26.
10. Горбунова Л.И. Еще раз о языковой категоризации водных объектов // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 208-220. <https://doi.org/10.17223/18137083/58/20>

11. Горбунова Л.И. Об участии категоризации в номинативной деятельности // Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: материалы междунар. науч.-метод. конф. Уфа, 12-13 мая 2016 г. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 2016. С. 169-173.
12. Горбунова Л.И., Петрова Н.А. Лексика русского языка в свете категоризации предметного мира: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. 1 электрон. опт. диск.
13. Гольдин В.Е. К вопросу о структурно-семантических различиях в диалектной лексике (На материале назв. построек и их частей в рус. говорах). Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 1967. 20 с.
14. Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для высших учебных заведений. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2018. 280 с.
15. Дзюба Е.В. Особенности лингвокогнитивной категоризации артефактов в русском языковом сознании // Филология и человек. Барнаул, 2016. № 1. С 119-125.
16. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
17. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. 197 с.
18. Корнева В.В. Категоризация возвышенности в испанской и русской лингвокультурах // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 4. С. 69-72.
19. Лаенко Л.В. Перцептивный признак как объект номинации: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2005. 39 с.
20. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2007. 296 с.
21. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
22. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Рецензия на книгу И.С. Вахроса «Наименование обуви в русском языке». М.: Известия ОЛЯ, АН СССР. Т. 20. 1961. 171 с.
23. Меркулова В.А. О некоторых принципах этимологии названий растений. М.: Наука, 1965. 16 с.

24. Попова З.Д. Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
25. Потапова О.Е. Лексико-семантическое поле «Море» как фрагмент русской языковой картины мира: Автореф. дис...канд. филол. наук. СПб, 2012. 28 с.
26. Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента русской языковой картины мира: Дис. ... докт. филол. наук. Северодвинск, 1999. 410 с.
27. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика. Курс лекций. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. 256 с. URL: <http://politlinguist.ru/materials/mono.pdf> (дата обращения: 01.06.2023).
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
29. Шубина Н.Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села городище Старооскольского района Белгородской области: Автореф. дис... канд. филол. наук. Елец, 2004. 24 с.
30. Юдина Т.М. Мотивировочные признаки в наименованиях металлов в горнозаводской терминологии преднационального периода // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2015. № 3. С. 72-79.
31. Языковая номинация: Общие вопросы. М.: Наука, 1977. 359 с.
32. Зализняк А. Энциклопедия Кругосвет. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VNUTRENNYAYA_FORMA_SLOVA.html (дата обращения: 01.06.2023).
33. Каргина Н.Г. Наименование обуви в русском языке. URL: https://library.by/portalus/modules/various/readme.php?subaction=showfull&id=1318863159&archive=&start_from=&ucat=& (дата обращения: 01.06.2023).
34. Текстология.ру. Лингвистический словарь. URL: <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/sema/?q=486&n=2326> (дата обращения: 01.06.2023).
35. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.В. Дмитриева. М.: АСТ, 2003. URL: <https://books.academic.ru/book.nsf/62897026/Толковый+словарь+русского+языка>(дата обращения: 01.06.2023).
36. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2000. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 01.06.2023).

37. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл., 1935. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 01.06.2023).
38. Энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/49637/русак> (дата обращения: 01.06.2023).
39. Юные Строители. №21-22. Страничка юного натуралиста. Лесная грамота. URL: http://sergeyhry.narod.ru/unst/unst1924_21_22_11.htm (дата обращения: 01.06.2023).
40. Яндекс Дзен. Почему белый гриб называется белым? URL: <https://dzen.ru/a/YTPn175iL8alDS> (дата обращения: 01.06.2023).
41. Chandler S. The analogical modeling of linguistic categories // *Language and Cognition*, 2017, no. 9, pp. 52-87. <https://doi.org/10.1017/langcog.2015.24>
42. Evans V. Cognitive linguistics // *WIREs Cogn Sci*, 2012. <https://doi.org/10.1002/wcs.1163>
43. Devylder S. et al. Carving the body at its joints: Does the way we speak about the body shape the way we think about it? // *Language and Cognition*, 2020, vol. 12, pp. 577-613. <https://doi.org/10.1017/langcog.2020.13>
44. Levi S. Individual Differences in Learning Talker Categories: The Role of Working Memory // *Phonetica*, 2014, no. 71(3), pp. 201-226. <https://doi.org/10.1159/000370160>
45. Shea N. Concept-metacognition // *Mind & Language*, 2020, pp. 565-582. <https://doi.org/10.1111/mila.12235>

References

1. Blinova O.I. Lexical motivation and some problems of regional lexicology. *Voprosy izuchenija leksiki russkih narodnyh govorov* [Questions of Studying the Vocabulary of Russian Folk Dialects]. Leningrad: Nauka Publ., 1972, pp. 92-104.
2. Boldyrev N.N. Theoretical foundations and methodological principles of cognitive language research. *Vestnik Cheljabinskogo gos. un-ta. Ser. Filologija* [Bulletin of the Chelyabinsk State University (Philology)], 2013, no. 24 (315), pp. 7-13.

3. Boldyrev N.N. Theoretical bases and methodological principles of cognitive study of language. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Questions of Cognitive Linguistics], 2006, no. 2, pp. 5-22.
4. Vizgalov V.P. *Nekotorye voprosy dialektiki sootnosheniya yazyka i myshleniya* [Some questions of dialectics of the correlation of language and thinking]. Kazan: Kazan University Publ., 1962, 50 p.
5. Gak V.G. *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1977, 264 p.
6. Gak V.G. On the problem of the relationship between language and reality. *Voprosy jazykoznanija* [Questions of Linguistics]. Moscow: Nauka Publ., 1972, no. 5, pp. 12-22.
7. Gerd A.S. *Morfemika* [Morphemics]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2004, 173 p.
8. Golev N.D. About the principles of nomination and the method of their research. *Teoreticheskie voprosy russkogo jazyka i ego govorov* [Theoretical issues of the Russian language and its dialects]. Tomsk: TSU Publ., 1972, pp. 94-99.
9. Golev N.D. On the correlation of semantic and motivational features. *Voprosy jazykoznanija i sibirskoj dialektologii* [Questions of linguistics and Siberian dialectology], Issue 7. Tomsk: TSU Publ., 1977, pp. 21-26.
10. Gorbunova L.I. Once again about linguistic categorization of water objects. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2017, no. 1, pp. 208-220.
11. Gorbunova L.I. On the participation of categorization in nominative activity. *Aktual'nye problemy russkoj i sopostavitel'noj filologii* [Actual problems of Russian and comparative historical philology]. Ufa: BSU Publ., 2016, pp. 169-173.
12. Gorbunova L.I., Petrova N.A. *Lexicon of the Russian language in the light of categorization of the subject world*. Irkutsk: IGU Publ., 2020 (CD-R).
13. Goldin V.E. *On the issue of structural and semantic differences in dialect vocabulary (Based on the material of the names of buildings and their parts in Russian dialects)*. Saratov: Saratov State University Publ., 1967, 20 p.

14. Dzyuba E.V. *Cognitive linguistics: a textbook for higher educational institutions*. Yekaterinburg: USPU Publ., 2018, 280 p.
15. Dzyuba E.V. Features of linguocognitive categorization of artifacts in Russian linguistic consciousness. *Filologija i chelovek* [Philology and Man], Barnaul, 2016, No. 1, pp. 119-125.
16. Zherebilo T.V. *Dictionary of linguistic terms*. Nazran: Pilgrim Publ., 2010, 486 p.
17. *Brief dictionary of cognitive terms*. Ed. by E.S. Kubryakova. Moscow: Lomonosov MSU Publ., 1997, 197 p.
18. Korneva V.V. Categorization of elevation in Spanish and Russian linguistic cultures. *Vestnik Voronezh. gos. un-ta* [Bulletin of Voronezh State University], 2014, No. 4, pp. 69-72.
19. Laenko L.V. *Perceptual feature as an object of nomination*. Voronezh, 2005, 39 p.
20. Maslova V.A. *Introduction to cognitive linguistics: textbook*. Moscow: Nauka Publ., 2007, 296 p.
21. Lakoff G. *Women, fire and dangerous things: What the categories of language tell us about thinking*. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004, 792 p.
22. Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. *Review of the book by I.S. Vakhros "Name of shoes in Russian"*. Moscow: Izvestia OLYA, AN USSR Publ., 1961, Vol. 20, 171 p.
23. Merkulova V.A. *On some principles of the etymology of plant names*. Moscow: Nauka Publ., 1965, 16 p.
24. Popova Z.D., Sternin I.A. *Cognitive linguistics*. Moscow: AST: Vostok-Zapad Publ., 2007, 314 p.
25. Potapova O.E. *Lexico-semantic field "Sea" as a fragment of the Russian language picture of the world*. St. Petersburg, 2012, 28 p.
26. Simashko T.V. *Denotative class as the basis for describing a fragment of the Russian language picture of the world*. Severodvinsk, 1999, 410 p.
27. Skrebtsova T.G. *Cognitive linguistics. Lecture course*. St. Petersburg: SPSU Publ., 2011, 256 p. URL: <http://politlinguist.ru/materials/mono.pdf> (accessed June 01, 2023).

28. Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Vol. 1.* Moscow: Progress Publ., 1986, 576 p.
29. Shubina N.G. *Names of residential and outbuildings in the patois of the village of Gorodishche, Starooskolsky district, Belgorod region.* Yelets, 2004, 24 p.
30. Yudina T.M. Motivational features in the names of metals in the mining terminology of the pre-national period. *Vestnik MGOU* [Bulletin of the Moscow State University], 2015, No. 3, pp. 72-79.
31. *Language nomination: General questions.* Moscow: Nauka Publ., 1977, 359 p.
32. Zaliznyak A. *Encyclopedia Around the World.* URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/VNUTRENNYAYA_FORMA_SLOVA.html (accessed June 01, 2023).
33. Kargina N.G. *The name of shoes in Russian.* URL: https://library.by/portalus/modules/variables/readme.php?subaction=showfull&id=1318863159&archive=&start_from=&ucat=& (accessed June 01, 2023).
34. *Textologia.ru. Linguistic dictionary* URL: <https://www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-terminy/sema/?q=486&n=2326> (accessed June 01, 2023).
35. *Explanatory Dictionary of the Russian Language.* Moscow: AST Publ., 2003. URL: <https://books.academic.ru/book.nsf/62897026/Толковый+словарь+русского+языка> (accessed June 01, 2023).
36. *Explanatory Dictionary of the Russian Language.* Moscow: Azbukovnik Publ., 2000. URL: <https://slovarozhegova.ru> (accessed June 01, 2023).
37. *Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Vol. 1.* Moscow: Sov. jencikl. Publ., 1935. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (accessed June 01, 2023).
38. *Encyclopedic Dictionary.* URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/49637/пучок> (accessed June 01, 2023).
39. *Young Builders. No. 21-22. Page of a young naturalist. Forest certificate.* URL: http://sergeyhry.narod.ru/unst/unst1924_21_22_11.htm (accessed June 01, 2023).
40. *Yandex Zen. Why is the porcini mushroom called white?* URL: <https://dzen.ru/a/YTPtN175iL8alDS> (accessed June 01, 2023).

41. Chandler S. The analogical modeling of linguistic categories. *Language and Cognition*, 2017, no. 9, pp. 52-87. <https://doi.org/10.1017/lang-cog.2015.24>
42. Evans V. Cognitive linguistics. *WIREs Cogn Sci*, 2012. <https://doi.org/10.1002/wcs.1163>
43. Devylder S. et al. Carving the body at its joints: Does the way we speak about the body shape the way we think about it? *Language and Cognition*, 2020, vol. 12, pp. 577-613. <https://doi.org/10.1017/lang-cog.2020.13>
44. Levi S. Individual Differences in Learning Talker Categories: The Role of Working Memory. *Phonetica*, 2014, no. 71(3), pp. 201-226. <https://doi.org/10.1159/000370160>
45. Shea N. Concept-metacognition. *Mind & Language*, 2020, pp. 565-582. <https://doi.org/10.1111/mila.12235>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Петрова Наталия Александровна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания; старший преподаватель департамента гуманитарных наук Байкальского института БРИКС *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет»*; *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»*
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, Иркутская область, 664003, Российская Федерация; ул. Лермонтова, 83, г. Иркутск, Иркутская область, 664074, Российская Федерация
natanataliya5@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nataliia A. Petrova, Postgraduate Student, Department of Russian Language and General Linguistics; Senior Lecturer, Department of Humanities of the Baikal School of BRICS

Irkutsk State University; Irkutsk National Research Technical University

1, Karl Marx Str., Irkutsk, Irkutsk Region, 664003, Russian Federation; 83, Lermontov Str., Irkutsk, Irkutsk Region, 664074, Russian Federation

natanataliya5@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3648-783X>

SPIN-code: 7535-5258

Поступила 30.04.2024

После рецензирования 26.05.2024

Принята 02.06.2024

Received 30.04.2024

Revised 26.05.2024

Accepted 02.06.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-419

УДК 81.25

Научная статья |

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ОСОБЕННОСТИ СУБТИТРИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО НА ПРИМЕРЕ «ANCIENT EGYPT EXPLAINED IN 12 MINUTES»

Т.В. Савух, А.Р. Кадермаева

Качественный перевод с иностранного языка играет ключевую роль в коммерческом и творческом успехе любого кинофильма. В связи с ростом потребности в данном типе перевода освещение специфики перевода документального кино будет полезно для начинающих переводчиков-документалистов и профессионалов, интересующихся различными типами перевода.

Обоснование. Документальный кинематограф является распространенным и одним из самых интересных жанров кино для людей всех возрастов. Субтитрирование как вид аудиовизуального перевода позволяет зрителям не только приблизиться к оригинальной истории транслируемого на другом языке события, но и слышать аутентичную речь и другие сопровождающие видеоряд элементы.

Цель. Целью настоящей статьи является выявление специфики субтитрированного перевода документальных фильмов и определение переводческих трансформаций, используемых при переводе такого жанра кино. Для этого необходимо выявить сущность субтитрирования; рассмотреть требования к составлению субтитров, определить трудности, с которыми могут столкнуться переводчики в процессе субтитрированного перевода; проанализировать переводческие трансформации при субтитрированном переводе документальных фильмов.

Материалы и методы. Практическим материалом исследования послужил короткометражный документальный фильм «Ancient Egypt explained in 12 minutes», опубликованный на видеохостинге YouTube на канале «Captivating History». Для решения поставленных задач были

использованы как теоретические, так и практические методы исследования: анализ литературы по теории перевода и субтитрированному переводу как специальному аспекту аудиовизуального перевода; анализ переводческих трансформаций при субтитрированном переводе документального фильма «Ancient Egypt explained in 12 minutes».

Результаты. Результаты исследования показали, что субтитрирование – это комплексная и творческая задача для переводчика. Субтитры к кинофильмам позволяют создать эмоциональный контакт читателя и автора кинофильма, акцентировать его внимание на важной информации и, самое главное, сохранить подлинность материала документального фильма. При субтитрированном переводе документального кино было выявлено, что самыми распространёнными трансформациями являются транслитерация, опущение, генерализация и функциональная замена.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы начинающими переводчиками и переводчиками-профессионалами при работе с документальными фильмами.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод; документальное кино; субтитрирование; переводческие трансформации

Для цитирования. Сапух Т.В., Кадермаева А.Р. Особенности субтитрированного перевода документального кино на примере «Ancient Egypt Explained in 12 Minutes» // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 2. С. 52-64. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-419

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

PECULIARITIES OF SUBTITLED TRANSLATION OF DOCUMENTARY FILMS BASED ON THE EXAMPLE OF ANCIENT EGYPT EXPLAINED IN 12 MINUTES

T.V. Sapukh, A.R. Kadermaeva

High-quality translation from a foreign language plays a key role in the commercial and creative success of any film. Due to the growing

need for this type of translation, highlighting the specifics of documentary film translation will be useful for novice documentary translators and professionals interested in various types of translation.

Background. *Documentary is a widespread and one of the most interesting genres of cinema for people of all ages. Subtitling as a type of audiovisual translation allows viewers not only to get closer to the original story of the event broadcast in another language, but also to hear authentic speech and other elements of the video.*

Purpose. *The purpose of this article is to identify the specifics of the subtitled translation of documentaries and to identify the translation transformations used in the translation of such a film genre. To do this, it is necessary to identify the essence of subtitling; consider the requirements for the compiling subtitling, identify the difficulties that translators may face in the process of subtitled translation; analyze translation transformations in the subtitled translation of documentaries.*

Materials and methods. *The practical material for the study was the short documentary film Ancient Egypt explained in 12 minutes, published on the YouTube video hosting channel Captivating History. To solve the tasks set, both theoretical and practical research methods were used: analysis of literature on translation theory and subtitled translation as a special aspect of audiovisual translation; analysis of translation transformations during subtitled translation of the documentary film Ancient Egypt explained in 12 minutes.*

Results. *The results of the study showed that subtitling is a complex and creative task for a translator. Subtitles for films allow you to create an emotional contact between the reader and the author of the film, to focus his attention on important information and, most importantly, to preserve the authenticity of the documentary material. In the subtitled translation of documentary films, it was revealed that the most common transformations are transliteration, omission, generalization and functional substitution.*

Practical implications. *The results of the research can be used by novice translators and professional translators when translating documentaries.*

Keywords: *audiovisual translation; documentary films; subtitles; translation transformations*

For citation. *Sapukh T.V., Kadermaeva A.R. Peculiarities of Subtitled Translation of Documentary Films Based on the Example of Ancient Egypt Explained in 12 Minutes. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 2, pp. 52-64. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-419*

Введение

В современном мире киноиндустрия занимает одно из ключевых мест в культурном обмене между странами и народами. И хотя художественные фильмы являются наиболее популярными и распространенными, документальные фильмы также играют важную роль в расширении знаний о других культурах и странах. Помимо качественных документальных фильмов отечественного проката, зарубежные фильмы также пользуются спросом. Именно здесь встает вопрос о переводе таких роликов не только на высоком уровне эквивалентности, но и о переводе, который будет отражать стиль речи и замысел автора. Перевод документальных фильмов является сложным и ответственным процессом, который требует от переводчика не только знания языка оригинала и языка перевода, но и способности передавать информацию в доступной форме с сохранением аутентичности.

Цель

Выявить специфику субтитрированного перевода документальных фильмов и определить, какие переводческие трансформации используются для перевода такого жанра кино. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач:

- определить сущность и особенности субтитрирования на основе обзора работ в области аудиовизуального перевода;
- описать специфику документального фильма как аудиовизуального текста;
- проанализировать переводческие трансформации при субтитрированном переводе документального фильма «Ancient Egypt explained in 12 minutes».

Материалы и методы

Практическим материалом исследования послужил короткометражный документальный фильм «Ancient Egypt explained in 12 minutes», опубликованный на видеохостинге YouTube на канале «Captivating History». В ходе работы были использованы методы отбора и анализа теоретического материала, предпереводческий анализ и собственно субтитрированный перевод, которой был осуществлен в программе для субтитрирования Subtitle Edit.

Результаты и обсуждение

Документальный кинематограф стал ярким явлением культуры XX в. и свидетельством технического прогресса. В процессе создания документальных фильмов используются различные творческие и технические ресурсы, что позволяет воплотить авторский замысел в полной мере и вовлечь зрителя в происходящее на экране. Темой для документальных фильмов обычно являются увлекательные события, культурные особенности, научные открытия, а также влиятельные и известные личности.

В своем труде «Становление жанров документального телекино» К.А. Шергова предлагает выделять следующие жанры современного документального кино: фильмы-«расследования»; фильмы-портреты (фильмы-биографии); научно-популярные фильмы. К первому типу К.А. Шергова относит разоблачения многочисленных мифов о политических и исторических событиях. Второму типу присвоен подзаголовок «Жизнь замечательных людей». Их герои почти всегда те или иные знаменитости: актеры, политики и прочие публичные деятели. Третий тип документальных фильмов создает у зрителя научное представление о мире [6, с. 96].

Особенность такого типа кино, как документального, заключается в первую очередь в направленности на достоверность, на изображение или представление того или иного явления в его собственном виде. Цель – максимально точное и беспристрастное фиксирование и изучение явления, поэтому в документальных фильмах часто используются интервью с реальными людьми.

Именно этим документальная хроника отличается от художественных фильмов.

Перед началом перевода документальных фильмов переводчику следует тщательно к нему подготовиться. Для этого переводчику необходимо просмотреть фильм и изучить сценарий, чтобы получить общее представление о будущей работе. Затем следует выявить адресата перевода, то есть целевую аудиторию. Целевая аудитория – это потенциальные читатели или зрители разрабатываемого текста. Также в процессе перевода имеет место не только языковая адаптация текста, но и переосмысление ценностей, заложенных в нем, с позиции базовых ценностей носителей языка перевода. Иными словами, несовпадение национально-культурных ценностей, отраженных в тексте оригинала, и национально-культурных ценностей, свойственных культуре реципиентов перевода, ведет к неверной интерпретации текста оригинала, что, в свою очередь, является причиной возникновения трудностей или ошибок в переводе [1].

Э. Скаггевик выделил пять уровней компетенции, которые требуются от аудиовизуального переводчика:

1. Техническая компетентность, которая включает в себя понимание принципа работы специальных компьютерных программ по созданию субтитров, а также требований, касающихся положения текста на экране, скорости чтения и др.
2. Лингвистическая компетентность предполагает знание фонетических, грамматических, стилистических правил и особенностей текстов языка оригинала и перевода.
3. Культурно-социальная компетентность, которая подразумевает знание культурных и социальных особенностей аудиовизуального произведения.
4. Психоэмоциональная компетентность отражает способность переводчика улавливать психоэмоциональную составляющую отдельных эпизодов и целостной формы аудиовизуального произведения.
5. Стратегическая компетентность подразумевает способность выбора необходимых стратегий перевода и семантического

синтеза, которые сводят воедино все компетенции, рассмотренные в предыдущих уровнях, и способность их реализации. [11, p. 198]

Перевод фильмов требует от переводчика умения адаптироваться к различным стилям речи и диалектам, а также способности передавать эмоции и настроение персонажей. Переводчик также должен уметь работать с различными аудиовизуальными элементами, такими как музыка, титры и звуковые эффекты. Аудиовизуальный перевод следует рассматривать как отдельную область переводческой деятельности, так как его нельзя отнести ни к устному, ни к письменному. Х. Готтлиб определяет аудиовизуальный перевод как «воспроизведение на другом языке вербальных сообщений в кинематографических материалах в виде одной или нескольких строк письменного текста, отображаемого на экране синхронно с оригинальным письменным сообщением» [10, p. 42]. Изучив исследования аудиовизуального перевода, нам удалось выявить следующие отличительные особенности:

1. Исходный и переведенный фильм представляют собой сложное сочетание двух семантических систем – вербальной и невербальной, при этом каждая из них имеет свою логику построения и собственный внутренний синтаксис, которые не совпадают, но оказывают друг на друга постоянное воздействие.
2. Зритель и переводчик в ходе подготовки перевода фильма выступают одновременно зрителями, слушателями и читателями, при этом соотношение этих видов коммуникативной деятельности постоянно изменяется в соответствии с логикой построения видеоряда.

Ш. Боссо в своем исследовании аудиовизуального перевода говорит, что его следует «рассматривать и анализировать целостно с точки зрения его визуального, акустического и лингвистического состава» [7, p. 8]. Аудиовизуальный перевод представляет собой межъязыковую передачу информации, и, несомненно, он тесно связан с традиционными видами перевода, такими как: письменный и синхронный [2].

Субтитрование относят к видам аудиовизуального перевода. Субтитрованный перевод – это разновидность аудиовизуального перевода, представляющая собой вербальную интерпретацию звукового сообщения, содержащегося в видеоматериале в сжатой форме с сохранением главной идеи. В.Е. Горшкова определяет субтитрование как «перевод диалогов кинофильма в сокращении, отражающий основное их содержание и выраженный в виде печатного текста, находящегося в нижней части экрана» [3, с. 4]. По мнению Х. Диаса-Синтаса, субтитрование можно определить как перевод, «включающий отображение текста внизу экрана, иллюстрирующего диалоги актеров, а также лингвистическую информацию, которая частично формирует визуальную составляющую (буквы, текст, граффити) или аудиальный уровень текста» [8, р. 194]. Так как документальные фильмы фиксируют исторические события, большинство из которых широко известны и уже были переведены ранее, переводчику с легкостью удастся найти соответствия к терминам по заданной тематике, именам известных людей, географическим названиям и т.д., что нельзя сказать о таких явлениях, эквивалентов для которых не существует в языке перевода или они известны только узкому кругу людей.

Рассмотрим общепринятые требования к созданию субтитров:

1. Субтитры должны находиться внизу, по центру экрана, не закрывая изображение.
2. Субтитр должен состоять максимум из двух строк.
3. Субтитр может включать в себя 39 символов в одной строке, включая знаки препинания.
4. Требования к созданию русскоязычных субтитров предусматривают ограничение на скорость появления текста: 17 символов в секунду для взрослой аудитории и 13 символов для детской аудитории.
5. Названия книг, фильмов и т.д. следует выделять курсивом.
6. Для русских субтитров рекомендуется использовать шрифт Ariel белого цвета в 39-м кегле.
7. Субтитр должен быть синхронизирован с аудио- и видеорядом.

Сравним некоторые фрагменты текста оригинала и текста перевода и проанализируем, какие переводческие трансформации были сделаны. Учитывая правила субтитрирования, согласно которым количество символов в строке не должно превышать 39, была использована такая трансформация, как генерализация:

Ancient Egypt was an enigmatic land that attracted Ancient Roman leaders and their militaries to the Egyptian seaports and British Egyptologists to its dusty temples and tombs. – Древний Египет был таинственной цивилизацией, привлекавшей римлян и их войска в египетские морские порты и британских археологов в пыльные храмы и гробницы.

Еще одним примером генерализации будет выступать фраза «*desert sands*», которую мы перевели как «пустыня», а не «пески пустыни», используя более общее значение.

Также при субтитрированном переводе кинофильмов документального жанра нередко используется прием объединения предложений, а именно перестройка синтаксической структуры, например: *...and it's easy to see why. From the strange form of writing called hieroglyphics to the mysterious Sphinx and from the macabre mummies to the Great Pyramid...* – И причины этому – странная форма письма, называемая иероглифами, загадочный Сфинкс, жуткие мумии и пирамида Хеопса.

В данном случае стоит обратить внимание и на словосочетание «*the Great Pyramid*», которое было заменено на «*пирамиду Хеопса*» приемом конкретизации, что позволило преобразовать его в более понятное и привычное для русскоязычного зрителя.

Исторические тексты характеризуются наличием большого количества терминов, имен собственных и специальной лексики. Рассмотрим передачу имен собственных: *The Pyramid of Khufu* – Пирамида Хуфу, *Thutmose* – Тутмос, *Nefertiti* – Нефертити, *Tutankhamun* – Тутанхамон. Из этого можно сделать вывод о том, что прием транслитерации является самым распространенным способом, используемым для передачи имен собственных в исторических текстах. Особенно ярко эта тенденция проявляется в отношении античных и историко-мифологических имён.

Исходный текст может претерпевать определенные преобразования из-за пространственно-временных ограничений. В данном случае нам пришлось опустить «*Kingdom*» в двух первых случаях, чтобы сократить время прочтения фразы: *Historians divide Ancient Egyptian history into thirds: the Old Kingdom, Middle Kingdom, and New Kingdom.* – *Историки делят историю древнего Египта на Древнее, Среднее и Новое царство.* Сокращение фраз не будет искажать смысла данного предложения и опущение как переводческая трансформация допустима при переводе документального кино, так как способствует эргономизации перевода.

Рассмотрим случай модуляции (смыслового развития): *In ancient time and today, life in Egypt depends on the Nile River... – По сей день жизнь в Египте зависит от реки Нил...* Здесь было принято решение не использовать дословный перевод фразы «*In ancient time and today*», а заменить его на более короткое «*По сей день*», ведь этот вариант итак отражает то, что это явление происходило в прошлом и длится по сегодняшний день.

Рассмотрим пример функциональной замены: *The Nile is prone to seasonal flooding, which makes the land on either side of its shores rich and fertile, ideal for agriculture.* – *Из-за сезонных наводнений, земли у его берегов плодородные, идеальные для сельского хозяйства.* В данном случае было принято решение отказаться от пассивной конструкции.

Заключение

Из приведенного выше анализа переводческих трансформаций, использованных при переводе документального фильма, можно сделать вывод о том, что аудиовизуальный перевод является особым видом перевода, требующим от переводчика умения адаптировать текст перевода под культурные особенности оригинала, сохраняя при этом исходное сообщение. При субтитрированном переводе переводчик использует и лексические, и грамматические трансформации для правильной передачи смысла текста. Важно заметить, что наличие технических требований к оформлению субтитров может вызывать определенные трудности при переводе.

Список литературы

1. Барбашева Ю.А. Ценности американцев в аспекте перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1. С. 23-27.
2. Гамбье И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник СПбГУ. 2016. №4. С. 56-74.
3. Горшкова В.Е. Перевод в кино. Иркутск: МИГЛУ, 2006. 278 с.
4. Проблемы перевода, языка, литературы: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация. Выпуск 17. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2014. 278 с.
5. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448 с.
6. Шергова К.А. Становление жанров документального телекино (1960-е – начало 2000-х гг.): Монография. М: Академия медиаиндустрии, 2016. 127 с.
7. Bosseaux C. Dubbing, Film and Performance: Uncanny Encounters. Monograph. Oxford: Peter Lang Publ., 2015, Vol. 16, 242 p.
8. Cintas J.D. Audiovisual Translation in the Third Millennium // Translation today, Trends and Perspectives, 2003, pp. 192-205.
9. Gonzalez L.P. Audiovisual Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London, 2011, pp. 13-20.
10. Gottlieb H. Subtitles: Readable dialogue? // Eye-tracking in Audiovisual Translation / ed. Elisa Perego. Aracne editrice. Roma, 2012, pp. 37-81.
11. Skuggevik E. Teaching Screen Translation: The Role of Pragmatics in Subtitling // Language Transfer on Screen, 2009, Part IV, pp. 197-213.

References

1. Barbasheva Yu.A. American values in the aspect of translation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: Gramota Publ., 2013, no. 1, pp. 23-27.
2. Gamb'e I. P Translation and translation studies at the crossroads of digital technologies. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University], 2016, no. 4, pp. 56-74.

3. Gorshkova V.E. *Translation into cinema*. Irkutsk: MIGLU Publ., 2006, 278 p.
4. *Problems of translation, language, literature*. N. Novgorod: NSLU named after N.A. Dobrolyubov, 2014, 278 p.
5. Sdobnikov V.V., Petrova O.V. *Translation theory*. Moscow: AST Publ.: Vostok–Zapad Publ., 2007, 448 p.
6. Shergova K.A. *The formation of documentary television genres (1960s - early 2000s)*. Monograph. Moscow: Akademiya mediaindustrii Publ., 2016, 127 p.
7. Bosseaux C. *Dubbing, Film and Performance: Monograph*. Oxford: Peter Lang Publ., 2015, Vol. 16, 242 p.
8. Cintas J.D. Audiovisual Translation in the Third Millennium. *Translation today, Trends and Perspectives*, 2003, pp. 192-205.
9. Gonzalez L.P. Audiovisual Translation. *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. London, 2011, pp. 13-20.
10. Gottlieb H. Subtitles: Readable dialogue? *Eye-tracking in Audiovisual Translation*. Roma, 2012, pp. 37-81.
11. Skuggevik E. Teaching Screen Translation: The Role of Pragmatics in Subtitling. *Language Transfer on Screen*, 2009, Part IV, pp. 197-213.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Сапух Татьяна Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка

Оренбургский государственный университет

проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация

tatsap@mail.ru

Кадермаева Алина Ринатовна, студент

Оренбургский государственный университет

проспект Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация

kadermaevalina7@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Tatiana V. Sapukh, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of English Philology and Methods of Teaching English

Orenburg State University

13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation

tatsap@mail.ru

SPIN-code: 3631-6059

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8709-2312>

ResearcherID: X-2838-2019

Scopus Author ID: 57205510033

Alina R. Kadermaeva, student

Orenburg State University

13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation

kadermaevaalina7@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9886-644X>

Поступила 30.04.2024

После рецензирования 26.05.2024

Принята 01.06.2024

Received 30.04.2024

Revised 26.05.2024

Accepted 01.06.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-404
УДК 811.11-112

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭПИТЕТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ СКАЗКАХ (НА ПРИМЕРЕ СКАЗОК О. УАЙЛЬДА И М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА)

Е.Р. Боровкова, И.П. Зырянова

Обоснование. Понимание и изучение стилистических приемов, и, в частности, эпитета, является неотъемлемой частью понимания языковой картины мира. Эпитет неразрывно связан со всеми литературными произведениями и поэтому является ключевой частью любого языка. В нем раскрывается отношение носителей языка к тем или иным явлениям, которое проявляется в употреблении устойчивых для эпитетов слов. Однако недостаточная определенность в различных аспектах изучения эпитета определяет необходимость его дальнейшего изучения.

Предметом исследования являются лингвостилистические особенности эпитета в англоязычной и русскоязычной сказках.

Цель. В статье выявлены и сопоставлены лингвостилистические особенности эпитетов в англоязычных и русскоязычных сказках.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили 150 эпитетов из сказок О. Уайльда и М.Е. Салтыкова-Щедрина. При анализе материала применялись следующие методы лингвистического анализа: семантический, стилистический, культурологический, сопоставительный и количественный анализ, а также метод сплошной выборки.

Результаты. В результате сопоставительного исследования были выявлены тождественные и отличительные особенности эпитетов в двух языках. Было определено, что стилистические

характеристики эпитетов во многом схожи, но подчеркивается, что англоязычные эпитеты отличаются большей уникальностью и лаконичностью, чем русскоязычные, которые, в свою очередь, характеризуются повторяемостью и фигуральным значением. В англоязычных примерах наблюдалась большая нейтральность и акцентирование положительных и нейтральных качеств персонажей. В русскоязычных эпитетах была отмечена негативная коннотация.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при изучении курсов стилистики, зарубежной литературы, а также на занятиях по иностранному языку.

Ключевые слова: эпитет; сказка; лингвостилистические особенности; стилистические приемы; лексико-семантические критерии; кумулятивная сказка; оценочные эпитеты; эпитеты формы; ситуативные эпитеты; оценочная функция

Для цитирования. Боровкова Е.Р., Зырянова И.П. Сопоставительный анализ лингвостилистических особенностей эпитета в англоязычной и русскоязычной сказках (на примере сказок О. Уайльда и М.Е. Салтыкова-Щедрина) // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 2. С. 65-84. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-404

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

COMPARATIVE ANALYSIS OF LINGUISTIC AND STYLISTIC PECUARITIES OF THE EPITHET IN THE ENGLISH AND RUSSIAN FAIRY TALES (BASED ON THE TALES OF O. WILDE AND M.E. SALTYSKOV-SHCHEDRIN)

E.R. Borovkova, I.P. Zyryanova

Background. Studying and understanding stylistic devices, and, in particular, the epithet, is an integral part of the world linguistic picture. The epithet is inextricably linked with all literary works and is therefore

a key part of any language. It reveals the attitude of native speakers to certain phenomena, which is manifested in the use of words stable for epithets. However, the lack of certainty in various aspects of the study of the epithet determines the need for its further study.

The subject of the study is the linguistic and stylistic features of the epithet in English and Russian fairy tales.

Purpose. The article identifies and compares the linguistic and stylistic features of epithets in the English and Russian fairy tales.

Materials and methods. The material for the study comprises 150 epithets from the fairy tales of O. Wilde the fairy tales of M.E. Saltykov-Shchedrin. When analyzing the material, the following methods of linguistic analysis were used: semantic, stylistic, cultural, comparative and quantitative analysis, as well as the continuous sampling method.

Results. As a result of a comparative study, identical and distinctive peculiarities of epithets in two languages were identified. It was determined that the stylistic characteristics of epithets are largely similar; but it is emphasized that the English-language epithets are more unique and concise than Russian-language ones, which, in turn, are characterized by repetition and figurative meaning. In the English-language examples, there was greater neutrality and an emphasis on the positive and neutral qualities of the characters. Negative connotations were noted in the Russian-language epithets.

Practical implications. The results of the study can be used in the study of the courses in stylistics, foreign literature, as well as in foreign language classes.

Keywords: epithet; fairy tale; linguistic-stylistic features; stylistic devices; lexical-semantic criteria; cumulative fairy tale; evaluative epithets; epithets of form; situational epithets; evaluative function

For citation. Borovkova E.R., Zyryanova I.P. Comparative Analysis of Linguistic and Stylistic Peculiarities of the Epithet in the English and Russian Fairy Tales (based on the Tales of O. Wilde and M.E. Saltykov-Shchedrin). *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 2, pp. 65-84. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-404

Введение

Цель. Выявить и сопоставить лингвостилистические особенности эпитетов в англоязычных и русскоязычных сказках.

Актуальность. Понимание и изучение стилистических приемов, и, в частности, эпитета, является неотъемлемой частью понимания языковой картины мира. Эпитет неразрывно связан со всеми литературными произведениями и поэтому является ключевой частью любого языка. В нем раскрывается отношение носителей языка к тем или иным явлениями, которое проявляется в употреблении устойчивых для эпитетов слов. Однако недостаточная определённость в различных аспектах изучения эпитета определяет необходимость его дальнейшего изучения.

Большинство авторов художественных текстов используют в них эпитеты. В сказках использование эпитетов обосновано желанием заинтересовать и создать аутентичную атмосферу для читателей, многие из которых дети, нуждающиеся в более эмоциональном описании вещей, событий или процессов по сравнению со взрослыми. Эпитеты являются важным средством выражения отношения автора к описанным в художественном тексте персонажам, событиям или вещам, а в сказках важно выделить определённые качества, стороны или черты персонажей и ситуаций, чтобы читатель мог сделать вывод из прочитанном им и учитывать полученные из вывода идеи в повседневной жизни.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили 150 эпитетов в сказках О. Уайльда и М.Е. Салтыкова-Щедрина, извлечённые методом сплошной выборки. При анализе материала использовались сравнительно-сопоставительный метод, описательный метод и метод контент-анализа.

Результаты и обсуждение

Сказки сопровождают нашу жизнь с самого детства, являясь одними из первых произведений, с которыми знакомится человек. А

такие писатели как О. Уайльд, Г.Х. Андерсен, А.С. Пушкин, Братья Гримм стали известны большому количеству людей как раз благодаря прекрасным сказкам, которые они написали, вложив в них свои души.

Существуют разные подходы к трактовке понятия сказка. Так, согласно толковому словарю С.И. Ожегова: «Сказка – это повествовательное, обычно народно-поэтическое произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» [13, с. 512].

Современная энциклопедия дает более широкую трактовку понятия сказки: «эпическое, преимущественно прозаическое произведение о животных или волшебного, авантюрного или бытового характера. Отличается от других видов художественного эпоса и от мифа тем, что и сказочник, и слушатели воспринимают ее, прежде всего, как вымысел, игру фантазии; у сказки обычно счастливый конец» [15].

В данной статье мы будем придерживаться определения И.А. Книгина, который идентифицировал сказку как «... древнейший жанр устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое, произведение волшебного, авантюрного или бытового характера. Как и все народное искусство, сказка глубоко национальна, но в то же время большинство сказочных сюжетов встречается у многих народов мира», помимо этого также отмечается, что «она всегда ориентирована на вымысел, будь то нравоучительные рассказы о животных, волшебные сказки, авантюрные повести, сатирические анекдоты» [6, с. 562]. Исходя из вышеуказанных определений, можно сделать вывод о том, что сказка всегда ориентирована на вымысел и является народнопоэтическим произведением.

Советский филолог и фольклорист В.Я. Пропп выделил основные особенности данного литературного жанра, характерные для любой языковой культуры:

1. сказка – это, во-первых, повествовательный жанр с устной формой бытования.

2. сказка имеет своей целью развлечение и назидание.
3. в основе сказки лежит необычное (фантастическое, чудесное или житейское) событие.
4. сказка имеет особое композиционно-стилистическое построение [14].

Говоря об особенностях сказки, необходимо учитывать и определенные культурные проявления. В данной статье нас интересуют сказки английские и русские, которые имеют ряд отличительных особенностей. Так, в русскоязычных сказках можно выделить следующие отличительные черты:

1. традиционные сказочные обороты. Устная речь в сказках часто включает в себя различные крылатые выражения, присказки, стилистические приемы и она является высоко экспрессивной и ритмичной;

2. большая роль описаний. Описания персонажей необходимы для понятного и точного раскрытия их облика. Данная черта проявляется в частых повторениях одних и тех же эпитетов, которые относятся к тому или иному персонажу. Так, Е.В. Намычкина пишет в связи с этим: «Постоянные формулы используются сказочниками и при создании образа героя: сплошь и рядом сказочники, желая дать представление о красоте героини, не затрудняют себя описанием ее внешности, а ограничиваются традиционной формулой: ни в сказке сказать, ни пером описать, красота неописанная» [11, с. 1006];

3. добавление суффиксов к именам существительным и прилагательным. Данное явление особенно характерно для русских народных сказок, так как они используются для придания словам уменьшительно-ласкательного значения. Так, в сказках часто употребляются такие выражения, как *братец*, *солнышко*, *пойду-ка* и другие [12];

4. традиционные образы русских сказок. Часто в сказках одного или нескольких авторов появляются одни и те же персонажи. Такие герои легко узнаваемы и характерны для сказок. Например, в традиционных русских сказках часто появляются такие персонажи, как русалка, Кощей Бессмертный, Иван Царевич и другие [17].

В английском литературоведении аналогом сказки является «*fairy tale*». В толковом словаре английского языка Collins English Dictionary ее описывают как: «*a story about fairies or other mythical or magical beings, especially one of traditional origin told to children*» [18, p. 555]. Англоязычные сказки обладают рядом отличительных черт:

1. большое количество совпадений. Многие ситуации, в которые попадают персонажи английских сказок, можно описать как «удачные стечения обстоятельств».

2. трагичность. Сказки англоязычных писателей часто заканчиваются смертью одного из персонажей, одиночеством, предвидением плохого будущего и т.д. Английские авторы не пытаются создать счастливый конец для всего, а пишут так, чтобы читатель усвоил урок из тех событий, через которые пришлось пройти одному из героев;

3. герои, которые проходят через трудности. В английских сказках персонажи часто сталкиваются с проблемами, которые требуют их решения, что также приводит к тому, что они жертвуют чем-то важным для себя, а в некоторых случаях и своей жизнью. Герои становятся достойными того, что у них есть, лишь тогда, когда они пройдут через невзгоды у них на пути;

4. мифологическая основа. Персонажами английских сказок бывают гиганты, драконы, феи, а события, которые происходят в таких произведениях, которые базируются на волшебной основе или других сверхъестественных явлениях.

Английские и русские сказки похожи тем, что их сюжеты содержат во многом схожие события. Однако англоязычные сказки имеют ряд отличий, которые включают в себя концовки с более драматичным исходом, инертность сказочных персонажей, т.е. их целью является избегание провала, а не достижение успеха, меньшее количество неожиданных сюжетных поворотов, «сухость» в изложении фактов и другие [17].

Понимание и изучение художественных приемов в сказке, как и в любом другом литературном жанре, является неотъемлемой частью понимания языковой картины мира. Эпитет как художественный

прием неразрывно связан со всеми литературными произведениями и поэтому является ключевой частью любого языка, т.к. в нем раскрывается отношение носителей языка к тем или иным явлениям.

В сказках использование эпитетов обосновано желанием заинтересовать и создать аутентичную атмосферу для читателей, многие из которых дети, нуждающиеся в более эмоциональном описании вещей, событий или процессов по сравнению со взрослыми. Эпитеты являются важным средством выражения отношения автора к описанным в художественном тексте персонажам, событиям или вещам, а в сказках важно выделить определённые качества, стороны или черты персонажей и ситуаций, чтобы читатель мог сделать вывод из прочитанного и учитывать полученные из вывода идеи в повседневной жизни.

Эпитет является одним из ведущих средств создания выразительности, но на сегодняшний день отсутствует общепринятое определение данного понятия.

Так, С.А. Губанов писал о проблеме дефиниции эпитета: «Разночтения в дефиниции эпитета касаются его ограничений от логического определения, а также трактовки связанных с рассматриваемым понятием категорий оценочности, эмоциональности, экспрессивности, образности, изобразительности и художественности» [5, с. 99]. Многие авторы определяют эпитет исходя из его характерных признаков. Например, В.П. Москвин обозначал эпитет как «определение, подчиненное задаче художественного изображения объекта, его эмоционально-образной интерпретации» [10, с. 58].

Наиболее точно, по нашему мнению, эпитет определил И.Р. Гальперин. Согласно его работам, под эпитетом понимается «выразительное средство, основанное на выделении качества, признака описываемого явления, которое оформляется в виде атрибутивных слов или словосочетаний, характеризующих данное явление с точки зрения индивидуального восприятия этого явления» [3, с. 137].

Изучив работы И.Б. Голуб, О.Н. Линтвар, Е.М. Вольф, Т.М. Фадеевой и др., мы смогли выделить основные характеристики эпитета:

1. эпитет выделяет определенный признак предмета, который обладает важным для автора значением;
2. эпитет чаще всего выражается с помощью прилагательного, существительного, наречия или словосочетания;
3. эпитет характеризует предмет или явление с точки зрения автора;
4. любое определение может быть названо эпитетом, но будет разделено на точные и переносные значения этих определений [2; 4; 8; 16].

Эпитет, как и другие стилистические приемы, можно характеризовать по его языковым особенностям, а также по тому, какое значение он имеет в тексте как языковая единица и в тексте как едином целом. Данными аспектами эпитета занимается лингвостилистика. Под ней понимается раздел языкознания, который изучает экспрессивные, эмоциональные, оценочные свойства языковых единиц как в парадигматическом (в системе языка), так и в синтагматическом плане (в плане их использования в различных сферах общения) [1; 2].

Эпитет тесно связан с другими стилистическими приёмами, поскольку он характеризует объект с точки зрения автора, который закладывает в него тот или иной смысл. Эпитет может иметь лексические особенности, которые будут выражаться в его смежности с другими стилистическими приёмами. Поэтому необходимо рассмотреть различные типы эпитетов, которые построены на основе других стилистических приёмов.

В основе метафорических эпитетов лежит метафорическое переносное значение. Данный тип эпитетов включает в себя скрытое сравнение, как и сама метафора.

Метонимические эпитеты базируются на метонимическом переносном значении. Такой тип эпитетов образуется с помощью переноса по смежности.

Сравнительные эпитеты основаны на уподоблении одного предмета или явления другому. Они выделяют наиболее важные свойства объекта, на которые автор делает акцент.

Оксюморонные эпитеты построены на контрасте между определением и характеризуемым им предметом или явлением.

Литотные эпитеты основаны на преуменьшении размера, силы, красоты или значения описываемого предмета или явления. Они тесно связаны с гиперболическими эпитетами и являются их противоположностью, поэтому они также не дают объективной оценки описываемого объекта.

Автономасийные эпитеты представляют собой существительное или имя собственное, называющее широко известное историческое лицо, персонажа из мифологии, литературного героя, или прилагательное, образованное от такого существительного.

Олицетворяющие эпитеты основаны на добавлении неживому объекту характеристики, которая присуща только живому. Они могут быть синонимичны с другими типами эпитетов, так как у них отсутствует определенное общее качество [9].

Стоит также выделить эпитеты, которые основаны на повторе. Писатели могут использовать существительное, которое они хотят охарактеризовать с помощью замены его части речи в стилистическом приеме.

Также эпитеты могут иметь графические особенности, которые проявляются в использовании тире, пробелов, прописных или строчных букв.

Кроме перечисленного, эпитеты могут иметь фонетические особенности. Эпитеты также могут обладать и особенностями синтаксиса.

Нами был проведен сопоставительный анализ лингвостилистических особенностей эпитетов в сказках английского и русского писателей О. Уайльда и М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Для классификации эпитетов и выявления их лингвостилистических особенностей в настоящей статье было проанализировано по 150 примеров использования эпитета в сказках О. Уайльда и М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Стоит отметить, что О. Уайльд является драматургом позднего Викторианского периода, во время которого возник критический ре-

ализм как литературное течение. Многие его работы, в том числе и сказки, посвящены острым социальным проблемам. Произведения писателя тесно связаны с религией и олицетворением неживого. О. Уайльд описывал мировоззрение людей своего времени, показывал их хорошие стороны и обличал пороки.

В данной статье с целью анализа практического материала выявленные лингвостилистические особенности рассматривались с точки зрения лексических, фонетических и синтаксических характеристик.

Лексические особенности эпитетов в сказках О. Уайльда представляют собой тесную взаимосвязь с различными другими стилистическими приемами:

1. оксюморонные эпитеты: «*This is perfectly monstrous weather*». О. Уайльд использует противоположные по значению эпитеты для описания погоды. С помощью данного приёма писатель создает более яркую и точную характеристику погоды в сказке;

2. сравнительные эпитеты: «... *his lips are red as pomegranate*», «... *looking just like a lot of yellow canaries*». В сказках О. Уайльда многие предметы или явления часто сравниваются с чем-либо, так как автор делает акцент на уникальности цветов и персонажей;

3. олицетворяющие эпитеты: «*A laughing Narcissus in green bronze*», «*the little Lizard, who was something of a cynic, laughed outright*». Так как О. Уайльд часто олицетворяет животных и предметы в своих сказках, он использует олицетворяющие эпитеты для добавления неживым вещам, характерных только человеку действий или качеств;

4. метафорические эпитеты: «... *and evil nettles stung him*». Данная группа эпитетов часто используется О. Уайльдом для скрытого олицетворения вещей, добавляя им свойственные человеку характеристики;

5. литотные эпитеты: «*He lived in a tiny cottage all by himself*». О. Уайльд использует литотные эпитеты для преуменьшения некоторых существ, предметов или явлений и в последующем противопоставления их чему-либо большому, но не гиперболизированному.

Помимо данных приемов О. Уайльд часто использует иронию и закладывает ее в эпитеты. Например, название сказки «Счастливый принц» скрывает в себе иронию и эпитет, так как принц никогда не был счастлив, а, пытаясь помочь другим, погубил своего друга и себя.

Некоторые из эпитетов О. Уайльда имеют фонетические особенности. Так, в предложении «*their mother, who was pure white with real red legs*» последние два эпитета созвучны. Такая же созвучность есть и в следующем примере «*with soft green grass*», но в данном случае она создается между эпитетом и существительным.

Что касается синтаксических особенностей эпитетов в сказках О. Уайльда, то они проявляются не очень часто и встречаются в небольшом количестве примеров:

1. приложение (Detached Construction) : «*She has coarse, red hands, all pricked by the needle, for she is a seamstress*»;
2. параллельные конструкции (Parallel Construction): «*With its lions of gilt bronze and its steps of bright porphyry*».

Многие из найденных эпитетов были соединены с помощью союзов, например, «*The air was foul and heavy*».

Исходя из вышеперечисленных лингвостилистических особенностей эпитетов из сказок О. Уайльда можно выделить его характерный литературный стиль со следующими чертами, которые выражены в эпитетах:

1. Простота. Большинство из эпитетов имеют простую структуру, не нагруженную сложными конструкциями для лучшего понимания смысла, который О. Уайльд закладывает в свои произведения.

2. Лаконичность. Многие эпитеты состоят из одного или двух слов. Более комплексные структуры используется реже, так как автор передает только основные характеристики предметов, персонажей или явлений.

3. Прямота. О. Уайльд редко закладывает скрытый подтекст в эпитеты, поэтому их значение понимается однозначно и дословно.

4. Связь с природой. Большое количество эпитетов связаны с описанием природы или животных. О. Уайльд описывает очевид-

ные либо оценочные характеристики различных вещей, связанных с окружающим миром.

Далее обратимся к лингвостилистическим особенностям эпитетов в сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина с целью их дальнейшего сопоставления. М.Е. Салтыков-Щедрин является русским писателем и публицистом XIX в. Он популяризировал литературный жанр социально-сатирической сказки, которая направлена на разоблачение пороков людей. Его произведения часто включают в себя ситуации из крестьянской и провинциальной чиновной жизни.

Корпус практического материала, выявленный методом сплошной выборки, составляет 150 единиц. Выявленные лингвостилистические особенности эпитетов, использованных М.Е. Салтыковым-Щедриним, были разделены на несколько групп: лексические, фонетические и синтаксические.

Лексические особенности эпитетов включают в себя сочетание эпитета с другими стилистическими приемами, за счет использования многозначных лексических единиц:

1. метафорические эпитеты: *«В общем жизненном оркестре перестала играть какая-то дудка»*, *«И будет маленькое дитя большим человеком, и будет в нем большая совесть»*. М.Е. Салтыков-Щедрин использует данные эпитеты для передачи идей, которые будут понятны читателю, но при этом они не будут прямо выражены через однозначные концепты;

2. метонимические эпитеты: *«Ибо лучше не есть, не пить, нежели с сытым желудком жизни лишиться»*. В некоторых случаях писатель использует перенос по смежности для того, чтобы придать сказке больше выразительности;

3. сравнительные эпитеты: *«Курица ли крестьянская в господские овсы забредет...»*, *«а ногти у него сделались, как железные»*, *«Кругом, в воде, всё большие рыбы плавают, а он всех меньше»*, *«с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море»*;

4. гиперболические эпитеты: *«Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде»*, *«Под деревом, брюхом кверху и*

подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина». М.Е. Салтыков-Щедрин использует подобные эпитеты для того, чтобы показать силу и важность образов своих персонажей, либо, наоборот, обличить пороки среди богатых и властвующих;

5. олицетворяющие эпитеты: *«А бедная совесть лежала между тем на дороге, истерзанная, оплеванная, затоптанная ногами пешеходов»*. К подобным эпитетам можно отнести все те, что были использованы в сказках о животных, так как они придают человеческие черты героям сказок. Однако писатель также использует их чтобы показать значимость таких качеств, как совесть, наделяя ее характеристиками, которые присущи живым объектам.

В эпитетах М.Е. Салтыкова-Щедрина также можно выделить фонетические особенности. Особенно ярко они проявляются в речи персонажа из произведения *«Пропала совесть»*: *«Все превосходительство!»*, *«... в душе совсем-совсем русские»*, *«... крепче дерзи меня...»*. Писатель использует их для создания стереотипного образа персонажа, в котором выражена его национальная принадлежность.

Отметим, что эпитеты из сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина также были реализованы посредством определенных синтаксических моделей. Так, среди примеров эпитетов были выделены следующие синтаксические стилистические приемы:

1. эпитеты с использованием повтора: *«Чистый-пречистый во всех его владениях воздух сделался...»*, *«Теперь-то я понежу свое тело белое, тело белое, рыхлое, рассычатое!»*, *«Только с виду мы евреи, а в душе совсем-совсем русские»*. Писатель использует повтор для закрепления характерных черт в образах персонажей, а также для усиления эффекта сатиры в истории;

2. параллельные конструкции: *«Кому добрый совет подал? кому доброе слово сказал?»*, *«По-старому толпились люди на улицах и в театрах; по-старому они то догоняли, то перегоняли друг друга»*. Писатель использует их совместно с повторами эпитетов для того, чтобы создать для читателя определенный образ персонажа, либо убедить его в том, что один из героев не является таким добрым, каким он себя описывает;

3. инверсия: «... словно туча черная...», «Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною», «Был он заяц обстоятельный, высмотрел у вдовы, у зайчихи, дочку и жениться хотел». Данный прием характерен для большого числа предложений в сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина, а поэтому он встречается и в связке с эпитетами. В данном случае инверсия является авторским способом создать особенное «сказочное» повествование, которое будет отличаться от других жанров.

Таким образом, на основе классификаций эпитетов из сказок М.Е. Салтыкова-Щедрина и их лингвостилистических особенностей можно выделить следующие основные черты:

1. Повторяемость. Многие эпитеты закреплены за определенным персонажами и повторяются при их упоминании в истории.

2. Сатиричность. Большая часть эпитетов используется не в прямом значении, а предполагала прямо противоположные идеи, которые понятны для читателя исходя из стиля повествования писателя в его произведениях.

3. Простота. Писатель использует понятную и доступную лексику в своих эпитетах, так как сказки обычно являются несложными для понимания людьми всех возрастов.

4. Оценочный характер. Эпитеты, который использует М.Е. Салтыков-Щедрин, явно отражают его позицию по отношению к классовой системе, образам персонажей, неравенству и другим сторонам жизни в России XIX в.

Заключение

Проведенное исследование лингвостилистических особенностей эпитетов в сказках О. Уальда и М.Е. Салтыкова-Щедрина позволяет провести сопоставительное исследование.

Эпитеты обладают во многом схожими лингвостилистическими особенностями и в русском, и английском языках.

С точки зрения лексики подавляющее большинство эпитетов на русском и английском языках используются совместно с такими стилистическими приемами, как метафора, олицетворение и сравнение.

В основе некоторых русских эпитетов лежат такие приемы, как гипербола и метонимия, а в основе английских – оксюморон и литота.

В русскоязычных эпитетах, также как и в англоязычных, были выделены фонетические особенности, которые играют важную роль в создании образов персонажей. В английском языке были выделены фонетические особенности, благодаря которым О. Уайльд создавал предложения, похожие на строки песен и стихов.

Эпитеты на русском языке отличаются большим числом синтаксических стилистических приемов, которые включают в себя повтор, инверсию и параллельные конструкции. Все из них были найдены в большом количестве примеров, что противоположно результату анализа англоязычных эпитетов. О. Уайльд редко использовал параллельные конструкции и приложения, чтобы выделить эпитеты с помощью синтаксиса, т.к. делал упор на простую и неповторяющуюся структуру предложений.

Итоговые результаты анализа эпитетов в русском и английском языках частично совпадают. Так, они отличаются простотой как в сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина, так и в работах О. Уайльда. Однако англоязычные эпитеты отличаются прямотой и однозначностью, что отличает их от русских примеров, которые употреблялись в сатирическом контексте, что было обусловлено жанром произведений выбранного писателя.

Список литературы

1. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 260 с.
3. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: URSS, 2012. 375 с.
4. Голуб И.Б. Русская риторика и культура речи. М.: Логос, 2011. 326 с.
5. Губанов С.А. Проблема дефиниции эпитета // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. 2020. № 3. С. 98-103.

6. Книгин И.А. Словарь литературоведческих терминов. Саратов: Лицей, 2006. 270 с.
7. Кретов А.А. Составные номинации в русских народных сказках // Народная культура и проблемы её изучения. 2015. С. 171-264.
8. Линтвар О.Н. К вопросу о классификациях выразительных средств языка и стилистических приемов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12. С. 129-131.
9. Любовская О.Л. Классификация семантических отношений компонентов двухступенчатого эпитета в парадигматическом и синтагматическом аспектах // Вестник Волгоградского государственного университета. 2018. № 1. С. 115-123.
10. Москвин В.П. Стилистика: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). Волгоград: Учитель, 2000. 198 с.
11. Намычкина Е.В. Сказка как литературный жанр // Вестник Вятского государственного университета. 2010. № 3. С. 103-109.
12. Попова Е.С. Лингвистические особенности русских народных сказок в этнокультурном и этнопедагогическом аспекте // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2016. № 4. С. 137-139.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений. М.: Мир и образование, 2015. 1375 с.
14. Пропп В.Я. Русская сказка. Собрание трудов. М.: Лабиринт, 2000. 413 с.
15. Современная энциклопедия. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/fc/slovar-209-5.htm#zag-10083> (дата обращения: 10.05.2023).
16. Фадеева Т.М. Сложный эпитет – ядерная единица художественного пространства в русском языке: Дис. ... док. филол. наук. М., 2014. 460 с.
17. Хасанова Ш. Языковые особенности русской народной сказки // Синергия наук. 2020. № 48. С. 437-440.
18. Collins English dictionary. 5. ed. Glasgow: Harper Collins, 2000, 1785 p.

References

1. Azimov AG. *New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)*. Moscow: IKAR Publ., 2009, 448 p.

2. Volf E.M. *Functional semantics of evaluation*. Moscow: LIBRO-KOM Publ., 2009, 260 p.
3. Galperin I.R. *Essays on the stylistics of the English language*. Moscow: URSS Publ., 2012, 375 p.
4. Golub I.B. *Russian rhetoric and speech culture*. Moscow: Logos Publ., 2011, 326 p.
5. Gubanov S.A. The problem of defining an epithet. *Na peresechenii jazykov i kul'tur. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya* [At the Intersection of Languages and Cultures. Current Issues in the Humanities], 2020, No. 3, pp. 98-103.
6. Knigin I.A. *Dictionary of literary terms*. Saratov: Licej Publ., 2006, 270 p.
7. Kretov A.A. Composite nominations in Russian folk tales. *Narodnaja kul'tura i problemy ejo izuchenija* [Folk Culture and Problems of Its Study], 2015, pp. 171-264.
8. Lintvar O.N. On the issue of classifications of expressive means of language and stylistic devices. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and Practice], 2013, no. 12(30), pp. 129-131.
9. Lubovskaya O.L. Classification of semantic relations of the components of a two-stage epithet in the paradigmatic and syntagmatic aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State University], 2018, no. 1, pp. 115-123.
10. Moskvin V.P. *Stylistics: Techniques and means of expressive and figurative speech (general classification)*. Volgograd: Uchitel' Publ., 2000, 198 p.
11. Namychkina E.V. Fairy tale as a literary genre. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2010, no. 3, pp. 103-109.
12. Popova E.S. Linguistic features of Russian folk tales in the ethnocultural and ethnopedagogical aspects. *Novaja nauka: sovremennoe sostojanie i puti razvitija* [New Science: Current State and Ways of Development], 2016, no. 4, pp. 137-139.
13. Ozhegov S.I. *Explanatory dictionary of the Russian language:*

- 100,000 words, terms and expressions*. Moscow: Mir i obrazovanie Publ., 2015, 1375 p.
14. Propp V.Y. *The Russian fairy tale. Collected works*. Moscow: Labirint Publ., 2000, 413 p.
15. *Modern Encyclopedia*. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/modern/fc/slovar-209-5.htm#zag-10083> (accessed May 10, 2023).
16. Fadeeva T.M. *A complex epithet is a nuclear unit of artistic space in the Russian language*. PhD dissertation. Moscow, 2014, 460 p.
17. Khasanova Sh. Linguistic features of Russian folk tales. *Sinergija nauk* [Science Synergy], 2020, no. 48, pp. 437-440.
18. *Collins English dictionary*. 5. ed. Glasgow: Harper Collins, 2000, 1785 p.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Боровкова Елена Рифовна, кандидат филологических наук доцент, кафедра иностранных языков и русской филологии
Российский государственный профессионально-педагогический университет
ул. Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил, 622031, Российская Федерация
rifovna@mail.ru

Зырянова Ирина Петровна, кандидат филологических наук доцент, кафедра иностранных языков и русской филологии
Российский государственный профессионально-педагогический университет
ул. Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил, 622031, Российская Федерация
zyryanovairena@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Elena R. Borovkova, PhD in Philology Associate professor, Department of Foreign Languages and Russian Philology
Russian State Vocational Pedagogical University

57, Krasnogvardeyskaya Str., Nizhny Tagil, 622031, Russian Federation

rifovna@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6892-7679>

Irina P. Zyryanova, PhD in Philology Associate professor, Department of Foreign Languages and Russian Philology
Russian State Vocational Pedagogical University
57, Krasnogvardeyskaya Str., Nizhny Tagil, 622031, Russian Federation

zyryanovairena@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6676-0390>

Поступила 19.04.2024

После рецензирования 30.05.2024

Принята 07.06.2024

Received 19.04.2024

Revised 30.05.2024

Accepted 07.06.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-425

УДК 81.25

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

**ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ МОНОГРАФИИ
А. КРОБЕРА «ЭКОНОМИКА КИТАЯ: ЧТО НУЖНО
ЗНАТЬ КАЖДОМУ»)**

Н.А. Грищенко, В.М. Манюкова, Д.О. Васильева

Обоснование. Адекватный перевод должен выполнять цель коммуникации, которая заложена в оригинале. При этом необходимо учитывать не только содержание текста, но и его прагматику. Перед переводчиком стоит задача, используя различные виды переводческих трансформаций, подобрать адекватные лексические, фразеологические, грамматические структуры для поддержания прагматической функции текста перевода на уровне оригинала. Авторы статьи рассматривают наиболее интересные примеры переводческих трудностей на материале монографии А. Кробера «Экономика Китая: что нужно знать каждому» и предлагают свои пути их решения.

Цель – анализ переводческих трудностей научно-популярного текста экономической тематики.

Материалы и методы. Главный метод исследования – сопоставительный анализ. Статья базируется на тексте монографии А. Кробера «Экономика Китая: что нужно знать каждому» и тексте перевода данной монографии.

Результаты. Анализ текста монографии (части 2.6-3.3 / 30 048 симв.) выявил более 200 переводческих трудностей, которые обеспечивают сохранение прагматики текста перевода и требуют детального анализа с использованием логического мышления, лингвистических и обширных фоновых знаний для их адекватного пе-

ревода. Результаты исследования могут быть использованы при составлении лекционного материала и практических заданий для программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» по дисциплинам, ориентированным на переводоведение.

Ключевые слова: перевод; научно-популярный текст; экономика; лексика; анализ; прагматика

Для цитирования. Грищенко Н.А., Манюкова В.М., Васильева Д.О. Трудности перевода научно-популярного текста экономической направленности (на материале монографии А. Кробера «Экономика Китая: что нужно знать каждому») // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 2. С. 85-102. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-425

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

DIFFICULTIES IN TRANSLATING POPULAR SCIENCE TEXT IN THE FIELD OF ECONOMY (ON THE MATERIAL OF THE MONOGRAPH A.R. KROEBER CHINA'S ECONOMY: WHAT EVERYONE NEEDS TO KNOW)

N.A. Grishchenko, V.M. Manyukova, D.O. Vasileva

Background. *An adequate translation should fulfill the purpose of communication, which is imbedded in the original. At the same time, it is necessary to take into consideration both the content of the text and its pragmatic function. The translator's task is using various types of translation transformations to select adequate lexical, phraseological, grammatical structures to maintain the pragmatic function of the translation at the level of the original. The authors of the article study the most interesting examples of translation difficulties based on the material of the monograph A.R. Kroeber China's Economy: What Everyone Needs to Know and offer their own variants of their translation.*

Purpose. *Analysis of the translation difficulties of a popular scientific text on economic topics.*

Materials and methods. *The main research method is comparative analysis. The article is based on the text of the monograph A.R. Kroeber China's Economy: What Everyone Needs to Know.*

Results. *Analysis of the text of the monograph (parts 2.6-3.3 / 30,048 sign.) has revealed more than 200 translation difficulties with the help of which the pragmatic function of the text is preserved. These linguistic phenomena require detailed analysis using logical thinking, linguistic and extensive background knowledge for their adequate translation. The results of the research can be used in the preparation of lecture materials and practical tasks for the program "Translator in the field of professional communication" in disciplines focused on translation studies.*

Keywords: *translation; popular science text; economics; vocabulary; analysis; pragmatics of the text*

For citation. *Grishchenko N.A., Manyukova V.M., Vasileva D.O. Difficulties in Translating Popular Science Text in the Field of Economy (on the Material of the Monograph A.R. Kroeber China's Economy: What Everyone Needs to Know). Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 2, pp. 85-102. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-425*

Введение

Работа над переводом монографии А. Кробера «Экономика Китая: что нужно знать каждому» велась в рамках дополнительной программы профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», осуществляющейся на базе Института управления бизнес-процессами (ИУБП) СФУ.

Перевод данной монографии являлся заказом от ведущих преподавателей экономических дисциплин вышеупомянутого института.

На сегодняшний день важность изучения Китая обусловлена рядом факторов, связанных с его возрастающей ролью в мировой экономике и политике. Исследование Китая необходимо, поскольку позволяет лучше понять механизмы экономического роста, внешнюю политику, торговые стратегии и инвестиционные приоритеты,

что важно для развития взаимовыгодного сотрудничества и предотвращения возможных конфликтов.

Интерес преподавателей экономических дисциплин к монографии обусловлен необходимостью обновления рабочих программ по данным специальностям, поэтому ограничивается лишь содержанием монографии: информацией о Китае, стране, представляющей собой уникальный пример экономического развития. Наше же исследование является комплексным, т.е. помимо содержания затрагивает лингвистический аспект текста. Помимо этого, текст перевода одной из частей данной монографии (2.6 – 3.3) с выявлением и анализом переводческих трудностей послужил основой для защиты выпускной квалификационной работы по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» одного из выпускников.

Материалы и методы

Нами был проведен предпереводческий анализ текста, который показал следующее.

Монография «*China's Economy: What Everyone Needs to Know*» – в переводе на русский язык «Экономика Китая: что нужно знать каждому» – была опубликована издательством «Oxford University Press» в 2020 г. Научная область текста – экономика, развитие Китая. Жанр текста – монография, стиль – научный, подстиль – научно-популярный (разновидность научного стиля, направленная на популяризацию научного знания для широкой аудитории). Главными чертами, отличающими научно-популярный подстиль от собственно научного, являются диалогичность, повышенная экспрессивность, упрощенность содержания и языка [6, с. 238]. Таким образом, текст научно-популярного подстиля обладает признаками как научного стиля, так и публицистического.

Выбранный для перевода текст имеет следующие черты научного стиля:

- сложноподчиненные предложения, указывающие на причинно-следственные связи;
- причастные и деепричастные обороты;

- определенно-личные и безличные предложения;
- специальные термины, аббревиатуры (*inflation-adjusted, demographic dividend, dependency ratio, the advantage of backwardness, bottom-up local entrepreneurship, GDP, CCP, WTO, SOE* и др.).

Текст содержит следующие черты публицистического стиля:

- простые предложения;
- личные местоимения;
- слова, усиливающие степень качества (*extremely, really, perfectly, dramatically, solidly* и др.);
- оценочная лексика (*failed miserably, doom planned, breakneck growth* и др.);
- неопределенно-личные предложения

Помимо этих черт на научно-популярный подстиль изложения указывает наличие авторского стиля, который подразумевает либо его сохранение, либо нейтрализацию. Так, например, автор использует диалогичность, чтобы взаимодействовать с читателем, часто обращается к фразеологизмам (*win the lottery, three pieces of good luck, bury the differences* и др.).

Целями данного текста является информирование и персуазивность. Автор приводит статистические факты, проводит анализ политики Китая на разных этапах развития и делает прогнозы с целью донести до читателя информацию об этом государстве и убедить в его важности, призвать к тому, чтобы впоследствии читатель самостоятельно наблюдал за политикой Китая и мог понимать причинно-следственные связи глобальных процессов.

Монография ориентирована на читателей, имеющих базовый уровень знаний в экономике и китайских процессах, о чем говорится в ее предисловии.

Так как текст является коммуникативно-направленным вербальным произведением, обладающим структурно-смысловым единством [3, с. 13], и создается в целях коммуникации, при переводе текста оригинал необходимо рассматривать не только с точки зрения структуры текста, его содержания, но и обращать внимание на

коммуникативную функцию текста, т.е. прагматики текста. Именно специфика подбора языковых средств является связующим звеном, между научным знанием и реципиентом. Эти специфические языковые средства выполняют прагматическую функцию в оригинальном тексте. Задача же переводчика, как мы ее видим, – подобрать такие же адекватные лексические, фразеологические, грамматические структуры (используя различные виды переводческих трансформаций) в переводе, чтобы поддержать данную прагматическую функцию на уровне оригинала в тексте перевода.

Выделяют несколько видов переводческих трудностей:

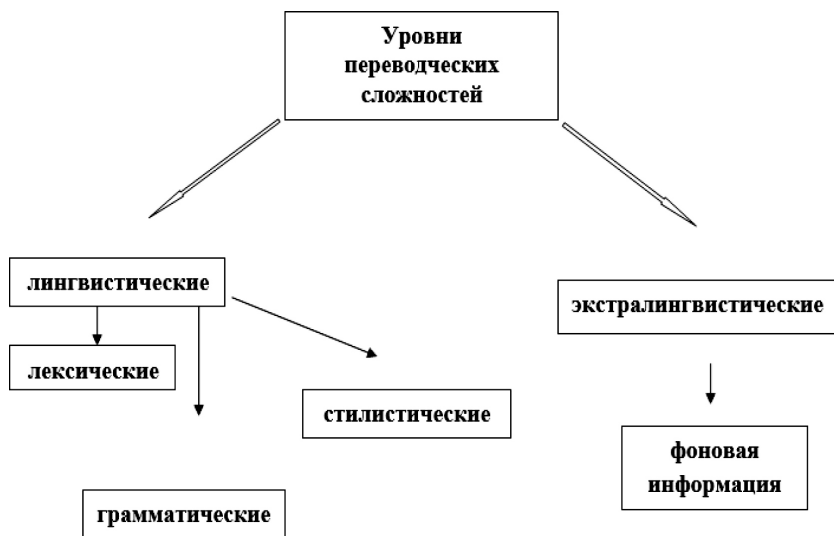

Рис. 1. Классификация переводческих трудностей [4, с. 114]

При существенных расхождениях коммуникативных компетенций носителей иностранного языка (ИЯ) и носителей переводящего языка (ПЯ) в тех или иных компонентах и необходимости их нивелировать переводчик прибегает к переводческим трансформациям [8, с. 303]. Переводческие трансформации – это межязыковые преобразования, перестройка элементов исходного текста, операции перевыражения смысла или перефразирование с целью

достижения переводческого эквивалента [1, с. 3]. Они подразделяются на лексические, грамматические и лексико-грамматические, или комплексные.

Рассмотрим наиболее интересные, на наш взгляд, переводческие трудности, которые позволяют сохранить прагматику данного текста.

Устойчивые словосочетания (лексические трудности)

At the beginning there was no detailed strategy: Deng and other leaders often described reform and opening as a process of «*crossing the river by feeling the stones*» [14, p. 34].

Фразеологические единицы (далее – ФЕ) – это устойчивые словосочетания, характеризующиеся постоянством лексического состава и осложненной семантикой. Значение ФЕ не делится на элементы, соответствующие элементам его внешней формы, и обычно не вытекает из сложения значений отдельных элементов ФЕ [9, с. 543].

Выражение *crossing the river by feeling the stones* автор использует его в кавычках, поскольку оно является цитатой и представляет собой прямой перевод китайской «чэньюй» – устойчивого оборота, чаще всего состоящего из четырёх иероглифов и близкого по смыслу русским фразеологизмам. Использованное в тексте выражение является примером одной из самых новых «чэньюй»: высказывание китайского политика Чэнь Юня [12, с. 493], хотя часто ошибочно автором считается другой китайский политик, Дэн Сяопин, благодаря которому она и приобрела популярность. Дэн Сяопин употребил это выражение в значении «действовать осмотрительно и осторожно», говоря о проведении экономических реформ в КНР. Традиционно это выражение использовалось для описания принципа китайских экономических реформ 1980-х годов, однако сейчас как в англоязычных, так и в русскоязычных средствах массовой информации оно приобретает все более широкое употребление в текстах, связанных с современной политикой Китая.

При переводе ФЕ могут использоваться следующие приемы: подбор эквивалента, подбор аналога, описательный перевод, лексический перевод, контекстуальная замена, антонимический перевод, калькирование, целостное преобразование.

Рассматривались варианты перевода, созданные с помощью приемов контекстуальной замены, описательного перевода и калькирования. В первом случае использована русская ФЕ, которая передает настроение и содержание в данном контексте, хотя при этом у нее отсутствует соответствие значению английского фразеологизма: «блуждать в потемках», «действовать наугад», «ходить по тонкому льду». Во втором случае значение ФЕ передается с помощью свободных словосочетаний с использованием объяснений, сравнений, описаний: «действовать осмотрительно в условиях неопределенности». В третьем производится дословный перевод: «переходить реку, нащупывая камни».

Также было исследовано использование этого выражения в русскоязычных источниках. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Варианты использования китайского фразеологизма

Вариант	Источник
Переходить реку вброд, нащупывая [в воде] камни – в значении «действовать медленно и осторожно».	[2, с. 59-63]
Переходить реку, нащупывая камни.	[10; 11]

Конечным вариантом стал перевод, осуществленный с помощью калькирования и совпадающий с вариантом, наиболее часто используемым в СМИ, поскольку с большей вероятностью читатель, интересующийся экономикой Китая, а значит знакомый с материалами, будет знаком именно с таким вариантом выражения и даже сможет определить, что это является цитатой одного из китайских политиков.

Полный перевод предложения:

At the beginning there was no detailed strategy: Deng and other leaders often described reform and opening as a process of *«crossing the river by feeling the stones»*.

В начале детальной стратегии не было. *«Переходить реку, нащупывая камни»* – так Дэн и другие государственные деятели часто описывали тот период проведения реформ и политики открытости.

Свободное атрибутивное словосочетание (грамматические трудности)

China's economic rise is also a story about people — and not just *Chinese people* [14, p. 38].

Когда в качестве единицы перевода рассматривается не отдельное слово или грамматическая форма, а сочетание языковых единиц, возникают специфические осложнения, с которыми переводчику приходится иметь дело. Эти осложнения определяются несовпадением правил лексико-семантической сочетаемости и различием правил синтаксической сочетаемости.

В результате переводчик стоит перед выбором: сохранить исходный вид словосочетания, применить частичное преобразование или же использовать полное преобразование.

1. Полный перевод

Применяется, когда правила сочетаемости совпадают. Требует подробной передачи особенностей исходного текста.

2. Частичный перевод

Допускает несколько вариантов:

- Сокращение (пропуск одного или нескольких элементов исходного словосочетания);
- Расширение (добавление одного или нескольких элементов в словосочетании);
- Функциональная замена (изменение лексико-семантического или морфологического статуса одного или нескольких элементов исходного словосочетания).

Самые сложные проблемы, как правило, возникают при переводе атрибутивных словосочетаний, имеющих широкое распространение в английском языке. Перевод атрибутивных словосочетаний требует предварительного семантического анализа. Многочленные английские атрибутивные словосочетания могут переводиться на русский язык при помощи следующих приемов:

- Функциональная замена;
- Описательный перевод [5, с. 11]

China's economic rise и *Chinese people* представляют собой атрибутивные группы двух видов:

1. имя существительное в притяжательном падеже + имя прилагательное + существительное: субстантивный (*China's*) и адъективный (*economic*) атрибуты;

2. имя прилагательное + имя существительное: адъективный (*Chinese*) атрибут.

С одной стороны, их перевод не вызывает сложности, поскольку правила сочетаемости ИЯ и ПЯ практически совпадают, и можно осуществить полный перевод с использованием приема калькирования: *economic* – экономический, *rise* – «взлет, подъем», *Chinese* – «китайский», *people* – «люди, народ, население» (словари «Мульти-тран» и «LingvoLive»). Таким образом, *China's economic rise* будет переведено как «экономический подъем Китая», а *Chinese people* как «китайский народ».

Однако в оригинальном тексте в двух предшествующих этому предложениях и следующем после него слова «*China*» (или «*Chinese*») и «*economic*» (или «*economy*») использовались четыре и три раза, соответственно. В английском языке использование однокоренных слов или повторение одного и того же слова часто является нормой либо нивелируется специальными словами-заместителями, поэтому переводчику в русском языке нужно обращать особое внимание на повторения и искать синонимы, чтобы не допустить тавтологии. Таким образом, использование перевода, полученного с помощью калькирования, привело бы к появлению неоправданных повторений, поэтому необходимо было найти другие варианты.

Экономический подъем Китая был настолько удивительным, что его стали называть «Китайским чудом» (*China's miracle*). Такое название в русском языке часто употребляется, поэтому будет знакомо читателю-реципиенту и может быть использовано для перевода *China's economic rise*, что также позволит избежать использование слова «*economic*». Таким образом, при переводе этого словосочетания были использованы два переводческих приема:

- функциональная замена (во-первых, адъективация, то есть замена существительного в притяжательном падеже «*China's*» на прилагательное «китайский»; во-вторых, замена понятия «*rise*» на

имеющее с ним заметное семантическое сходство в данном контексте понятие «чудо»);

- сокращение (было опущено слово «*economic*»).

Для перевода словосочетания *Chinese people* также было решено использовать прием функциональной замены: «население Поднебесной» (ассоциация по смежности, поскольку Китай в русском языке часто называют Поднебесной). Таким образом, окончательный перевод предложения следующий:

China's economic rise is also a story about people – and not just Chinese people.

Китайское чудо – это история о людях, и речь идёт не только о населении Поднебесной.

Перевод метафоры (стилистические трудности)

In theory, the central government in Beijing, controlled by the CCP, sets all policy, controls tax rates and revenues, and *guides the economic ship* [14, p. 34].

Метафора представляет собой троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении [9, с. 296].

Выступая образной фигурой речи, метафора обогащает речь и добавляет ей выразительности, однако последние исследования из области когнитивистики доказывают, что, наряду с признанием ее эстетической ценности, метафору следует рассматривать на более глубоком уровне и относить к способам познания мира, и хотя метафора традиционно рассматривается в художественном тексте, нельзя игнорировать факт ее проникновения во все сферы человеческой деятельности, в частности в развивающийся в русском языке под сильным влиянием английского научно-популярный дискурс, который характеризуется особой метафоричностью.

Метафоричность является одной из отличительных черт научно-популярного подстиля. При этом функции метафор не ограничи-

ваются созданием увлекательного художественного повествования, а преимущественно подчиняются необходимости проиллюстрировать описываемое явление, что переключается с основной функцией метафоры вообще – когнитивной функцией.

Наиболее частые причины трудностей при переводе средств выразительности, в частности метафор, заключаются в отсутствии адекватного эквивалента в языке перевода и различия в реалиях, культурах и системах ценностей, что делает невозможным осуществление прямого перевода. С этим фактором связано появление многочисленных трудов, нацеленных на нахождение верной стратегии перевода метафоры [13, с. 42].

В.Н. Комиссаров подразделяет переводческие трансформации на лексические, грамматические и комплексные лексико-грамматические. Основные типы лексических трансформаций, применяемых в процессе перевода, включают следующие переводческие приемы: переводческое транскрибирование и транслитерацию, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизацию, генерализацию, модуляцию). К наиболее распространенным грамматическим трансформациям принадлежат: синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложения, объединение предложений, грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения). К комплексным лексико-грамматическим трансформациям относятся антонимический перевод, экспликация (описательный перевод) и компенсация [7, с. 172-179]. В тексте оригинала автор использует метафору, сравнивая разработку и проведение экономической политики правительством страны с управлением кораблем: *guides the economic ship*.

Использование самого простого приема – опущения – возможно, однако нейтрализует образность, а значит и авторский стиль, который очень важен в научно-популярном тексте.

Напротив, калькирование может помочь сохранить образность: *guide* – «направлять, управлять», *economic* – «экономический», *ship* – «корабль, судно» (электронный словарь «Мультитран» и «LingvoLive»). Окончательный перевод: «направлять экономиче-

ский корабль». Однако такой вариант может звучать неестественно для читателя-реципиента, поскольку, в отличие от английского языка, в русском сравнение управления страной с управлением кораблем встречается редко.

Вместо исходного слова «корабль» можно попробовать использовать слова, которые находятся с ним в одном семантическом поле, поскольку они будут объединены по сходству или смежности. Наиболее подходящим будет слово «курс». Его сочетание с одним из значений слова *guide* «задавать» (словарь «Мультитран») часто используется в общественно-политическом контексте: «задавать курс». Такой вариант позволит поскольку сохранить как естественность текста, так и образность, поскольку в данном случае выражение *guides the economic ship* означает управление или руководство экономикой государства, подобному тому, как капитан управляет кораблем, задавая его курс.

Таким образом, для перевода был использован прием смыслового развития (модуляции). При смысловом развитии многообразия связей между понятием в ИЯ и ПЯ можно свести к трем видам:

1. причинно-следственные;
2. метонимические (т.е. основанные на смежности понятий);
3. перифрастические (строящиеся на приеме перифразы).

Поскольку связь между «кораблем» и «курсом» основана на смежности понятий, можно говорить об использовании именно метонимической модуляции.

Переводческие приемы и возможные варианты перевода, произведенные с их помощью, представлены в таблице 2.

Таким образом, окончательный перевод предложения, в котором присутствует метафора «*guides the economic ship*», следующий:

In theory, the central government in Beijing, controlled by the CCP, sets all policy, controls tax rates and revenues, and *guides the economic ship*.

В теории, подконтрольное КПК Центральное правительство Китая *задаёт экономический курс страны*. Оно определяет политику, контролирует налоговые ставки и поступления в бюджет.

Таблица 2.

Варианты перевода метафоры *guides the economic ship*

Переводческий прием	Вариант перевода
Калькирование	В теории, подконтрольное КПК Центральное правительство Китая определяет политику, контролирует налоговые ставки и поступления в бюджет и <i>направляет экономический корабль страны</i>
Опущение	В теории, подконтрольное КПК Центральное правительство Китая определяет политику, контролирует налоговые ставки и поступления в бюджет.
Лексико-семантическая замена (метонимическая модуляция)	В теории, подконтрольное КПК Центральное правительство Китая <i>задаёт экономический курс страны</i> . Оно определяет политику, контролирует налоговые ставки и поступления в бюджет.

Заключение

Итак, анализ текста монографии (части 2.6-3.3 / 30 048 симв.) выявил более 200 переводческих трудностей, вызывающих интерес переводчика и требующих детального анализа с использованием логического мышления, лингвистических и фоновых знаний в сфере истории и культурных особенностей Китая. Анализ показал, что чаще всего при переводе используются грамматические и лексико-семантические трансформации, которые и обеспечивают сохранение прагматики текста перевода.

Дальнейшее использование результатов исследования предполагает:

1. Внедрение переведенной информации в рабочие программы экономических дисциплин;
2. Внедрение примеров переводческих трудностей и их анализа в материалы лекционных и практических занятий дополнительной программы профессиональной переподготовки «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» по следующим дисциплинам:
 - Основы теории изучаемого языка. Лексикология (лекции и практические занятия);
 - Введение в устный перевод (лекции);
 - Практический курс профессионально-ориентированного перевода (практические занятия);
 - Практический курс перевода (практические занятия).

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. Гнездилова Н.С., Глинкин В.С. Образ камня в китайском языке // Вестник ТГПУ. 2016. № 10(175). С. 59-63.
3. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001. 177 с.
4. Каширина В.М., Корниенко В.В. Профессионально-ориентированный перевод: учебно-методическое пособие по курсу практических занятий. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 120 с.
5. Каширина В.М. Практический курс перевода. Английский язык: учебное пособие по курсу практических занятий по переводу. Ч. 2. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 70 с.
6. Кириченко Н.В. Научно-популярный подстиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка ред. М.Н. Кожинной. М.: Наука, 2006. С. 236-242.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2013. 250 с. URL: http://lib.y-su.am/disciplines_bk/0280bef0fd45d42c12290f5fd75ca121.pdf (дата обращения: 02.05.2024).
8. Латышев Л.К. Технология перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 320 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
10. Российская газета. <https://news.rambler.ru/asia/41188501-kompartiya-knr-k-2050-godu-podnebesnaya-prevratitsya-v-superderzhavu/> (дата обращения: 07.06.2024).
11. ТАСС. URL: <https://tass-ru.turbopages.org/turbo/tass.ru/s/opinions/20228643> (дата обращения: 07.06.2024).
12. Чжан Х. Чэньюй в китайской городской газете // Материалы 75-ой научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. 2018. № 3. С. 493-495.
13. Яковлева И.Н. Сохранение экспрессивности при переводе метафоры в научно-популярном тексте // Вестник Воронежского госу-

дарственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 41-50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-ekspressivnosti-pri-perevode-metafor-v-nauchno-populyarnom-tekste> (дата обращения: 02.05.2024).

14. Kroeber A.R. *China's Economy: What Everyone Needs to Know*. Oxford University Press, USA2020, 256 p.

References

1. Barkhudarov L.S. *Language and translation*. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 1975, 240 p.
2. Gnezdilova N.S., Glinkin V.S. The image of stone in the Chinese language. *Vestnic TSPU* [Bulletin of TSPU], 2016, no. 10(175), pp. 59-63.
3. Zalevskaya A.A. *Text and its understanding*. Tver: TSU Publ., 2001, 177 p.
4. Kashirina V.M., Kornienko V.V. *Professionally-oriented translation: an educational and methodological guide for the course of practical training*. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2013, 120 p.
5. Kashirina V.M. *Practical translation course. English: a textbook for the course of practical translation classes*. Part 2. Krasnoyarsk: SFU Publ., 2013, 70 p.
6. Kirichenko N.V. Popular science substyle. *Stilisticheskij jenciklopedicheskij slovar' russkogo jazyka* [Stylistic encyclopedic Dictionary of the Russian language]. Moscow: Nauka Publ., 2006, pp. 236-242.
7. Komissarov V.N. *Theory of translation (linguistic aspects)*. Moscow: Alliance Publ., 2013, 250 p. URL: http://lib.yu.am/disciplines_bk/0280bef0fd45d42c12290f5fd75ca121.pdf (accessed May 02, 2024).
8. Latyshev L.K. *Translation technology*. Moscow: Academija Publ., 2005, 320 p.
9. *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Soveckaja jenciklopedija Publ., 1990, 685 p.
10. *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://news.rambler.ru/asia/41188501-kompartiya-knr-k-2050-godu-podnebesnaya-prevratitsya-v-superderzhavu/> (accessed June 07, 2024).
11. *The Russian News Agency TASS*. URL: <https://tass.ru/turbopages.org/turbo/tass.ru/s/opinions/20228643> (accessed June 07, 2024).

12. Zhang H. Chengyu in the Chinese city newspaper. *Materialy 75-oj nauchnoj konferencii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the 75th Scientific Conference of students and postgraduates of the Belarusian State University], 2018, no. 3, pp. 493-495.
13. Yakovleva I.N. Preservation of expressivity in the translation of metaphor in a popular science text. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State University], 2020, no. 1, pp. 41-50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sohranenie-ekspressivnosti-pri-perevode-metafory-v-nauchno-populyarnom-tekste> (accessed May 02, 2024).
14. Kroeber A.R. *China's Economy: What Everyone Needs to Know*. Oxford University Press, USA. 2020, 256 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Грищенко Наталия Анатольевна, кандидат филологических наук,
доцент
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
ashatanatal1@mail.ru

Маниюкова Валерия Михайловна, старший преподаватель
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
kashirina_valeria@mail.ru

Васильева Дарья Олеговна, студент
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
dodoririnn@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nataliia A. Grishchenko, Assoc. Prof., Cand. of Phil. Sc.
Siberian Federal University

79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation
ashatanatal@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0037-876X>

SPIN-code: 4877-9656

Valeria M. Manyukova, lecturer

Siberian Federal University

79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

kashirina_valeria@mail.ru

SPIN-code: 9374-3795

Daria O. Vasilieva, student

Siberian Federal University

79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

dodorimn@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4440-3277>

Поступила 26.05.2024

После рецензирования 10.06.2024

Принята 24.06.2024

Received 26.05.2024

Revised 10.06.2024

Accepted 24.06.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-426

УДК 81

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАК ВИД РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СПОРТИВНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ

К.А. Павлова

Обоснование. Исследование посвящено вопросу манипулирования в спортивных аналитических статьях. В настоящее время невозможно отрицать существенное влияние спорта на нашу жизнь, а основные события из мира спорта освещаются средствами массовой информации. Так как одной из основополагающих функций СМИ является функция воздействия, представляется целесообразным рассмотреть механизмы манипулирования в рамках спортивного дискурса. На основании теоретического исследования устанавливается, что ключевой характеристикой манипулирования является скрытый характер. В практической части исследования приведен анализ способов языковой репрезентации манипулирования на лексическом и синтаксическом уровнях.

Цель. Определить приемы манипулирования в спортивных аналитических статьях и рассмотреть способы их языковой репрезентации.

Материалы и методы. В качестве материалов для исследования были использованы англоязычные аналитические статьи, посвященные спорту, за 2024 г. из британских онлайн изданий *The Guardian* и *The Sun*. Для достижения цели и решения поставленных задач в работе были использованы следующие методы исследования: метод анализа и синтеза теоретического материала, метод дискурсивного анализа, метод контекстуального анализа, описательный метод. Данные методы позволили получить достоверные сведения о языковой репрезентации различных способов манипулирования в спортивном дискурсе.

Результаты исследования показали, что спортивные аналитические статьи обладают существенным потенциалом для воздействия на читательскую аудиторию благодаря приемам речевого манипулирования, среди которых можно выделить: лексемы-ограничители, ярлыки, личные местоимения первого лица множественного числа, риторические вопросы и прием мультипликации. Рассмотрены языковые способы экспликации данных манипулятивных приемов.

Область применения. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования способов речевого воздействия и манипулирования в рамках спортивного дискурса, при разработке вузовских курсов лекций по общему языкознанию и в чтении спецкурсов, посвященных спортивному дискурсу и речевому воздействию.

Ключевые слова: речевое воздействие; манипулирование; языковое манипулирование; признаки манипуляции; спортивный дискурс; спортивная аналитическая статья

Для цитирования. Павлова К.А. Манипулирование как вид речевого воздействия в спортивной аналитической статье // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 2. С. 103-118. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-426

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

MANIPULATION AS A TYPE OF SPEECH INFLUENCE IN SPORTS ARTICLE

K.A. Pavlova

Background. The article focuses on the manipulative influence issues in sports analytical articles. Nowadays our life is significantly affected by sport and key sports events are covered by mass media. Since one of the major functions of mass media is the function to influence the reader, an attempt to analyze the mechanisms of manipulation with-

in the framework of sports discourse seems to be reasonable. Based on the theoretical research study, it is established that manipulation is primarily characterized by its covert nature. In the practical part an analysis of linguistic ways of representation of manipulation on lexical and syntactical levels is given.

Purpose. *The purpose of the study is to define the mechanisms of manipulation in sports analytical articles and to analyze their linguistic side.*

Materials and methods. *The research material comprises 7 sports analytical articles of 2024 taken from digital versions of the British magazines such as The Guardian and The Sun. The main research methods include analysis and synthesis of theoretical materials, discourse and contextual analysis together with descriptive method. The methods enumerated have given an opportunity to obtain accurate data on linguistic representation of various ways of manipulation in sports discourse.*

Results. *The results of the study have shown that sports analytical articles possess a significant potential to influence the reader due to some manipulative methods such as hedges, labels, first person pronoun in a plural form, rhetorical questions and multiplication. The ways of linguistic representation of these manipulative methods are analyzed.*

Practical implications. *The research results can be used for further investigation of ways of manipulation within sports analytical articles as well as in the development of courses on speech influence and sports discourse.*

Keywords: *speech influence; manipulation; speech manipulation; features of manipulation; sports discourse; sports analytical article*

For citation. *Pavlova K.A. Manipulation as a Type of Speech Influence in Sports Article. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 2, pp. 103-118. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-426*

Введение

Каждое высказывание субъекта речи оказывает определенный эффект на собеседника. Это предопределило зарождение и развитие теории о том, что речь человека обладает действенной силой.

Именно действенная сила высказывания привлекает внимание исследователей разных научных областей, и к концу двадцатого века формируется новое направление, получившее название *теория речевого воздействия*.

Теория речевого воздействия – это наука об «эффективном общении», что подразумевает применение уместной в контексте конкретной коммуникативной ситуации формы вербального воздействия, а также умение грамотно выбирать и использовать разнообразные виды вербального воздействия в различных ситуациях. В настоящем исследовании под речевым воздействием понимается психолингвистический процесс, цель которого заключается в перестройке мировосприятия реципиента.

Основной целью речевого воздействия является стремление адресанта заставить адресата мыслить и действовать по определенному, выгодному для манипулятора сценарию, что представляет собой манипулирование сознанием. В лингвистике *манипулирование* выступает одним из способов вербального воздействия и исследуется рядом ученых (И.А. Стернин, Г.А. Копнина, Е.В. Чернявская, Л.Г. Навасартян). Существенное различие между *речевым воздействием* и *манипулированием* заложено, как считает И.А. Стернин, в сознательности или несознательности действий говорящего [5, с. 66-67]. Если сам термин речевого воздействия подразумевает под собой некое вербальное влияние, задача которого заключается в том, чтобы убедить реципиента принять чуждую ему точку зрения, используя определенную аргументацию, то целью манипуляции является попытка принудить реципиента совершить то или иное действие неосознанно, иными словами – вопреки собственному желанию [Там же, с. 67]. Также ключевым условием выступает тот факт, что объект манипуляции не чувствует себя жертвой воздействия, так как не осознает его [7, с. 17].

Для процесса манипулирования характерны следующие признаки:

1. отсутствие у адресата понимания того, что он является объектом воздействия;

2. отсутствие у адресанта желания принимать в расчет мнение и интересы адресата, а также стремление навязать последнему свою волю;

3. наличие у адресанта определенных навыков убеждения;

4. попытки адресанта создать у адресата иллюзию того, что он принимает решения по своей воле;

5. неспособность адресата построить защитную реакцию [4, с. 18-19].

Адресат не осознает направленного на него воздействия, что обуславливает основополагающий фактор эффективного манипулирования – его скрытый характер. Манипулирование может быть реализовано на нескольких языковых уровнях: морфологическом, лексическом и синтаксическом. В настоящем исследовании рассмотрены некоторые способы осуществления манипулятивного воздействия в спортивном дискурсе.

Цель

Выявить способы речевого манипулирования в рамках спортивного дискурса, а также проанализировать их языковую экспликацию на материале спортивных аналитических статей из онлайн версий британских изданий *The Guardian* и *The Sun*.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужили спортивные аналитические статьи из онлайн версий британских изданий *The Guardian* и *The Sun*. В общей сложности было рассмотрено 7 англоязычных статей, объединенных темой спорта. При анализе материала использовались метод дискурсивного анализа, метод контекстуального анализа и описательный метод.

Результаты и обсуждение

Средства массовой информации на сегодняшний день выполняют не только информативную функцию, но и функцию воздействия. На первый план нередко выходит необходимость контроля

над аудиторией, ее мнением и восприятием тех или иных событий. Манипулятивное воздействие можно проследить и в спортивных аналитических статьях. Спорт оказывает значительное влияние на нашу жизнь, а ключевые события из мира большого спорта все-сторонне освещаются в СМИ, следовательно, представляется целесообразным проанализировать, как манипулятивные механизмы, реализованные посредством разнообразных языковых приемов, оказывают влияние на адресата, представленного в лице читательской аудитории.

1. Лексемы-ограничители. К одному из наиболее распространенных лексико-грамматических способов языкового манипулирования относится применение лексем-ограничителей (“*hedges*”) [3]. Цель данного приема заключается в «ограничении» эффективности утверждения, что зарождает у читателя некоторые сомнения по поводу правдивости того или иного высказывания. В данной работе мы проиллюстрируем реализацию двух групп ограничителей: *ограничителей силы* и *ограничителей ментального размежевания*.

К ограничителям силы относятся выражения, которые частично снимают ответственность с адресанта за сформулированное им высказывание. К ним относятся следующие лексемы: *at least* (по крайней мере), *at any rate* (во всяком случае), *kind of* (своего рода).

Рассмотрим отрывок из статьи, посвященной текущему положению дел в английском футбольном клубе «Манчестер Сити» и его тренеру Хосепу Гвардиолу:

*In that sense they are, in spirit **at least**, a little more like Pep Guardiola's early Barcelona than some of the sides which have won the title at City* [8].

Автор статьи высоко оценивает футбольный клуб «Манчестер Сити» и работу спортсменов в победном матче с «Ливерпулем». Для формирования положительного восприятия у адресата он прибегает к сравнению, а именно: он сравнивает игру «Манчестер Сити» под руководством Гвардиолы, выдающегося испанского тренера, с золотым периодом «Барселоны» под его же руководством, когда сборная была названа лучшей сборной начала XXI в. Подобная аналогия

возлагает определенную ответственность на автора высказывания, которую он тем не менее снимает с себя, используя ограничитель силы “*at least*” (“*in spirit at least*” – «по крайней мере по духу»). Тем самым он выражает некоторые сомнения в том, что, несмотря на значительные успехи, «Манчестер Сити» сравнялся с «Барселоной» не только на уровне морального духа, но и в мастерстве.

Манипулятивное воздействие ограничителя силы “*a kind of*” можно проследить в отрывке из статьи, в которой автор рассуждает на тему двух матчей немецкой «Баварии» и итальянского «Лацио», оба раза закончившихся поражением последних:

And really this was a kind of tell, redolent of the way in which Lazio have struggled to change gears this season, to find different ways of winning [9].

Из контекста всей статьи становится очевидно, что автор создает положительное впечатление о немецком клубе и, соответственно, отрицательное – об итальянском. Он говорит о том, что его статья была «своего рода рассказом» (*a kind of tell*) о том, как итальянский клуб боролся и сделал все возможное, чтобы «найти разные пути к победе» (*to find different ways of winning*). Данное утверждение противоречит действительности, так как статья изначально была направлена на создание положительного образа «Баварии».

Следующая группа ограничителей – ограничители ментального размежевания, представлена лексемами, посредством которых автору удастся либо противопоставить свое мнение мнению цитируемого лица, либо снять с себя ответственность за чужие высказывания. К подобным ограничителям относятся такие лексические единицы, как *claim*, *assert*, *affirm*, *allege* (утверждать), *allegedly* (как утверждают, будто бы), *purportedly* (предположительно). Проиллюстрируем манипулятивный потенциал глаголов *to claim*, *to allege* и наречия *allegedly* на примере отрывка из статьи, посвященной недавним скандалам в мире «Формулы-1»:

The BBC report claims a whistleblower has alleged that Ben Sulayem called the FIA’s vice-president for sport for the Middle East, Sheikh Abdullah bin Isa al-Khalifa, who was in Saudi Arabia for the race in an

*official capacity. Ben Sulayem **allegedly** made it clear to Sheikh Abdullah bin Isa that he thought Alonso's penalty should be revoked.* [10]

Из коммуникативного контекста статьи становится ясно, что Мохаммед бен Сулайем, президент Международной автомобильной ассоциации (FIA), обвиняется во вмешательство в результаты одной из гонок «Формулы-1», а именно в том, что потребовал отменить штраф, назначенный на «Гран-при Саудовской Аравии» спортсмену Фернандо Алонсо. Благодаря таким высказываниям, как “*the BBC claims*” («в сообщении Би-би-си утверждается»), “*a whistleblower has **alleged***” («осведомитель утверждал»), “*Ben Sulayem **allegedly** made it clear*” («Бен Сулайем якобы дал понять») автор статьи выступает в качестве наблюдателя описываемых им событий, тем самым отстраняясь от них. Он показывает, что не уверен в их достоверности и, соответственно, собственных словах. Это приводит к тому, что читатель начинает ставить под сомнение правдивость высказывания и, в частности, виновность Бена Сулайема.

К подобному приему прибегает автор другой статьи, также посвященной обвинениям в адрес президента Международной автомобильной ассоциации:

*FIA chief reportedly under investigation for **alleged** interference in FI race* [11].

В данном случае ограничитель ментального размежевания использован уже в заголовке, что задает определенный тон всей статье, заставляя читателя сомневаться в том, было ли действительно произведено вмешательство в результаты гонки со стороны Сулайема.

В статье, освещающей последствия скандала с Кристианом Хорнером, руководителем «Ред Булл», обвиненном в неподобающем поведении по отношению к одной из сотрудниц компании, использован тот же манипулятивный прием:

There he was in Bahrain on the opening weekend of the new season, toasting Max Verstappen's latest victory, making a public show of solidarity for the cameras with his wife, Geraldine, urging everyone to “move on” from the investigation that cleared him of coercive behaviour

against a female employee and the subsequent leak of as yet unverified messages and images purportedly relating to the case [12].

К моменту написания данной статьи Кристиан Хорнер уже был оправдан. Автор материалов, говоря о том, что сообщения и фотографии лишь «предположительно» (*purportedly*) относятся к делу, ставит под сомнение не только факт того, что они действительно были связаны с данным делом, так и правильность самого обвинения, вынесенного по отношению к руководителю «Ред Булла». Автор, становясь на сторону Хорнера, выражает свою субъективную позицию и в то же время пытается навязать ее своей читательской аудитории.

2. Ярлык. Любой вид манипулятивного воздействия – это прежде всего воздействие на эмоциональное состояние реципиента. Таким образом, целесообразно рассмотреть использование эмоционально-окрашенной лексики, в частности ярлыка как одного из эффективных способов манипулирования сознанием читательской аудитории.

Ярлык представляет собой упрощенную номинацию, понятную и легко воспринимаемую большим количеством реципиентов [2, с. 82]. В совместном исследовании Г.В. Лещенко и Л.В. Цыбиной ярлык, являясь инструментом насаждения стереотипов, рассматривается в качестве одного из способов психологического программирования, так как благодаря ему возможно формирование и закрепление неблагоприятного образа в сознании читателя [3]. Проиллюстрируем манипулятивный потенциал ярлыка на примере отрывка из статьи, также посвященной Кристиану Хорнеру:

The apparent surprise that a product packaged and sold as a schlocky personal soap opera has somehow degenerated into a schlocky personal soap opera [12].

Автор статьи выражает негативное отношение к тому, какой резонанс обрел скандал с главой «Ред Булла». Все происходящее он сравнивает с «мыльной оперой» (*soap opera*). «Мыльная опера» сама по себе является хорошо знакомым широким массам ярлыком, своеобразным журналистским клише, характеризующимся

презрительной окраской. В приведенном отрывке ярлык усиливается посредством использования аффектива “*schlocky*” («дрянного качества»). Далее по тексту автор статьи раскрывает ярлык, применяя лексемы, тесно ассоциируемые с ним: “*the editing suite*” («видеомонтажная аппаратная»), “*pumping soundtrack*” («потрясающий саундтрек»), “*pre-written storylines*” («написанные сюжетные линии»):

*The belated discovery that there might actually be such a thing as **bad publicity, negative publicity, the kind of publicity that does not emerge fully formed from the editing suite, complete with pumping soundtrack and pre-written storylines** [12].*

Также следует отметить, что адресант прибегает к манипулятивному приему чрезмерного употребления ключевого слова “*publicity*” («реклама», «гласность»). Именно излишнюю гласность автор статьи обвиняет в том, что скандал с участием Хорнера превратился в мыльную оперу. Повтор смысловой доминанты усиливает эмоциональное напряжение, а прилагательные с отрицательной коннотацией (*bad, negative*) формируют негативное мнение у читательской аудитории.

3. Местоимение первого лица множественного числа. Значительными манипулятивными возможностями обладают формы множественного числа личного местоимения первого лица (*we, us, our*) [1, с. 119]. Такие местоимения придают убедительность мнению адресанта, переводя субъективную индивидуальную оценку обсуждаемого события в разряд общих, коллективных, что предопределяет единение адресанта и адресата. Проследить манипулятивный потенциал местоимения *we* можно в следующем отрывке:

*If in a more enlightened world this might have been an opportunity to sharpen the lines of accountability and responsibility within the sport, even reflect on its power structures and gender imbalances, then perhaps **it was ultimately inevitable that we would instead retreat into the more comfortable territory of gossip and intrigue, politicking and bickering** [12].*

Автор статьи, говоря о том, что в мире спорта существуют проблемы, на которые стоило бы обратить внимание, вместо того чтобы

подаваться «сплетням и интригам, политиканству и пререканиям» (*territory of gossip and intrigue, politicking and bickering*), возлагает ответственность за скандал с Хорнером на каждого из нас. Подобный плюрализм увеличивает масштаб проблемы. Категоричность высказыванию придает фраза “*ultimately inevitable*” («в конечном счете неизбежно»). Еще одним манипулятивным приемом в данном отрывке является синтаксический параллелизм: “*territory of gossip and intrigue, politicking and bickering*”. Подобная подача информации фокусирует интерес читательской аудитории на конкретной идее и, представляя собой один из способов усиления яркости образа, данный стилистический прием оставляет в сознании глубокий след, схожий со мнением автора.

Прием солидаризации, реализованный при помощи местоимения первого лица множественного числа, использован и в заключении статьи, где автор подводит некоторые итоги:

Either way, we can only hope that Formula One can restore its cherished reputation in time for this weekend's Saudi Arabian Grand Prix [12].

В приведенном выше отрывке автор выражает надежду на то, что положение дел в мире «Формулы-1» изменится в противоположную, положительную сторону. Использование местоимения первого лица множественного числа вызывает чувство объединения, некой солидаризации со своей аудиторией, что заставляет читателя согласиться со сделанным выводом.

4. Риторический вопрос. Нередко автор статьи пытается сократить дистанцию со своим читателем, что приводит к повышению уровня доверия как к самому автору, так и к его позиции. Для установления связи с читательской аудиторией нередко применяются средства диалогизации и интимизации изложения, характеризующиеся существенной силой воздействия [6, с. 380]. Среди подобных приемов можно выделить риторические вопросы. Они обладают значительным манипулятивным потенциалом, так как ведут к единственно правильному, заранее предрешенному ответу, что, в свою очередь, направляет выводы читателя по желаемому манипулятором направлению.

Рассмотрим довольно широкий контекст, взятый из статьи, посвященной Юргену Клоппу, знаменитому футбольному тренеру, и его талантливым спортсменам:

But then, putting faith in young players is not a simple binary. There are degrees and shades to this business. Is it braver to give your academy products 10 minutes at the end of a league game you are already winning, or to throw them headlong into the pandemonium of a Wembley final? There are plenty of coaches out there who hide their best young talents away, rear them on cheap low-intensity minutes, set them up to fail. Klopp, by contrast, does not simply take them along for the ride. He throws them the keys [13].

Автор статьи вступает с читателем в диалог посредством риторического вопроса и последующего очевидного для адресата ответа, тем самым акцентируя внимание на том факте, что Клопп не боится выставлять молодых футболистов во время матча (в отличие от других тренеров) и таким образом дает им возможность показать себя, что выражено при помощи метафоры “*he throws them the keys*” (досл. «он бросает им ключи», то есть дает им возможности). У читательской аудитории формируется положительное восприятие действий футбольного тренера.

5. Мультипликация. Рассмотрим еще один манипулятивный прием – прием мультипликации, заключающийся в создании намеренной множественности. Подобный прием формирует у реципиента ошибочное представление о масштабах освещаемого события. Проиллюстрируем данное положение отрывком из статьи, посвященной Рою Ходжсону, английскому футбольному тренеру, уволенному из «Кристал Пэлас» по причине преклонного возраста и проблем со здоровьем:

Despite this age gap, the vast majority of those who have played under him in recent years like and respect the man [14].

Автор статьи формирует конкретное восприятие у своей читательской аудитории, заключающееся в том, что Ходжсон – талантливый тренер, добившийся высот в своем деле. В выбранном отрывке манипулятивный прием мультипликации реализован при помощи фразы “*the vast majority*” («подавляющее большинство»).

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что манипулирование как вид речевого воздействия представляет собой стремление побудить собеседника, вопреки его собственным интересам и желаниям, выполнить определенные действия, необходимые субъекту манипуляции. Основной характеристикой данного процесса выступает «скрытость», так как объект никогда не догадывается об осуществляемом над ним воздействии. Для спортивной аналитической статьи характерны разнообразные приемы манипулятивного воздействия, необходимые журналисту для формирования определенного мнения у читательской аудитории по поводу освещаемого события или явления. В частности, в данной работе были рассмотрены такие манипулятивные приемы, как

1. лексемы-ограничители (“*hedges*”), а именно *ограничители силы* и *ограничители ментального размежевания*;
2. ярлык;
3. личные местоимения первого лица множественного числа;
4. риторический вопрос;
5. мультипликация.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в расширении анализируемого материала, а также рассмотрении других способов манипулятивного воздействия в спортивной аналитической статье. Актуальным является формирование единой классификации манипулятивных приемов на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

Список литературы

1. Беляева И.В. Грамматика манипулятивной коммуникации // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 1(30). С. 117-120.
2. Клушина Н.И. Образ врага (о военной риторике в мирное время) // Язык современной публикации. 2006. № 5. С. 79-87.
3. Лещенко Г.В., Цыбина Л.В. Лексико-грамматические приемы речевого манипулирования в англоязычных спортивных статьях // Огарёв-Online. 2017. № 14. URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/>

- leksiko-grammaticheskie-priemy-rechevogo-manipulirovaniya-v-angloyazychnyx-sportivnykh-statyax (дата обращения: 09.04.2024).
4. Навасармян Л.Г. Языковые средства и речевые приемы манипуляции информацией в СМИ (на материале российских газет): дис. канд. филол. наук. Саратов, 2017. 172 с.
 5. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие: монография. Воронеж: Полиграф, 2001. 227 с.
 6. Цыбина Л.В., Лещенко Г.В. Синтаксические средства речевого манипулирования в англоязычных спортивных статьях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3(81). Ч. 2. С. 378-381.
 7. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 136 с.
 8. URL: <https://www.theguardian.com/football/2024/mar/04/man-city-per-guardiola-title-race> (дата обращения: 10.04.2024).
 9. URL: <https://www.theguardian.com/football/2024/mar/05/bayern-munich-lazio-champions-league-last-16-match-report> (дата обращения: 10.04.2024).
 10. URL: <https://www.theguardian.com/sport/2024/mar/05/fia-breaks-silence-over-ben-sulayems-fl-race-interference-allegations> (дата обращения: 10.04.2024).
 11. URL: <https://www.theguardian.com/sport/2024/mar/04/fia-president-mohammed-ben-sulayem-under-investigation-for-alleged-interference-in-fl-race> (дата обращения: 10.04.2024).
 12. URL: <https://www.theguardian.com/sport/2024/mar/05/formula-one-red-bull-christian-horner> (дата обращения: 10.04.2024).
 13. URL: <https://www.theguardian.com/football/blog/2024/feb/25/liverpools-fearless-youngsters-are-jurgen-klopps-greatest-legacy> (дата обращения: 10.04.2024).
 14. URL: <https://www.thesun.co.uk/sport/25971987/roy-hodgson-career-couldnt-say-no-crystal-palace/> (дата обращения: 10.04.2024).

References

1. Belyaeva I.V. Grammar of manipulative communication. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural Life of the South of Russia], 2009, no. 1(30), pp. 117-120.

2. Klushina N.I. The image of the enemy (on military rhetoric in peacetime). *Yazyk sovremennoy publikatsii* [Language of Modern Publication], 2006, no 5, pp. 79-87.
3. Leshchenko G.V., Tsybina L.V. Grammar of communicative manipulation. *Ogarev-Online*, 2017, No. 14. <https://journal.mrsu.ru/arts/leksiko-grammaticheskie-priemy-rechevogo-manipulirovaniya-v-angloyazychnyx-sportivnyx-statyax> (accessed 09.04.2024).
4. Navasartyan L.G. *Language means and verbal devices of manipulating the information in mass media (on the basis of Russian newspapers)*. PhD dissertation. Saratov, 2017. 172 p.
5. Sternin I.A. *Introduction to speech influence*. Voronezh: Poligraf Publ., 2001, 227 p.
6. Tsybina L.V., Leshchenko G.V. Syntactic means of speech manipulation in English-language sports articles. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2018, no. 3(81), Part 2, pp. 378-381.
7. Chernyavskaya V.E. *Discourse of power and power of discourse: Problems of linguistic impact*. Moscow: Flinta, Nauka Publ., 2006, 136 p.
8. URL: <https://www.theguardian.com/football/2024/mar/04/man-city-pep-guardiola-title-race> (accessed 10.04.2024).
9. URL: <https://www.theguardian.com/football/2024/mar/05/bayern-munich-lazio-champions-league-last-16-match-report> (accessed 10.04.2024).
10. URL: <https://www.theguardian.com/sport/2024/mar/05/fia-breaks-silence-over-ben-sulayems-fl-race-interference-allegations> (accessed 10.04.2024).
11. URL: <https://www.theguardian.com/sport/2024/mar/04/fia-president-mohammed-ben-sulayem-under-investigation-for-alleged-interference-in-fl-race> (accessed 10.04.2024).
12. URL: <https://www.theguardian.com/sport/2024/mar/05/formula-one-red-bull-christian-horner> (accessed 10.04.2024).
13. URL: <https://www.theguardian.com/football/blog/2024/feb/25/liverpools-fearless-youngsters-are-jurgen-klopps-greatest-legacy> (accessed 10.04.2024).

14. URL: <https://www.thesun.co.uk/sport/25971987/roy-hodgson-career-couldnt-say-no-crystal-palace/> (accessed 10.04.2024).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Павлова Ксения Андреевна, ассистент высшей школы лингводидактики и перевода
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
ул. Политехническая, 29, г. Санкт-Петербург, 195251, Российская Федерация
lone9782@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Pavlova, Instructor, Higher School of *Linguodidactics and Translation*
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
29, Polytechnicheskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russian Federation
lone9782@yandex.ru
SPIN-code: 7304-7061
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0898-131X>

Поступила 20.05.2024
После рецензирования 10.06.2024
Принята 20.06.2024

Received 20.05.2024
Revised 10.06.2024
Accepted 20.06.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-417

УДК 811.11-112

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ХИМИЧЕСКАЯ ИНЖЕНЕРИЯ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНЫЙ И ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

Н.Н. Зяблова

Обоснование. В современной лингвистике проводятся исследования способов терминообразования в лексико-семантических полях различных сфер человеческой активности.

Цель статьи заключается в исследовании терминообразования в современном английском языке в лексико-семантическом поле «химическая инженерия» на основе структурного и деривационного аспектов. Под структурным аспектом подразумевается компонентный анализ, который позволяет выявить количество специальных лексических единиц в терминологическом сочетании.

Материалы и методы. В качестве материала для исследования представлена выборка специальных лексических единиц (363) из англоязычных статей сферы химической промышленности. Описательный, структурный, типологический, а также метод компонентного анализа были применены для исследования материала.

Результаты. Выявлены наиболее распространённые и менее распространённые структурные модели на основе частеречной сочетаемости компонентов, а также лексическая длина специальных лексических единиц, т.е. количество компонентов в терминологическом сочетании. Определены морфологические особенности специальных лексических единиц. Анализ грамматической деривации позволил выявить линейные модели, включающие аффиксацию и словосложение, а также нелинейные модели, представленные со-

кращениями, например, аббревиатурами, сочетаниями с аббревиатурами, номенклатурными единицами, сочетаниями с номенклатурными единицами и словослияниями с усечением основ слов. Семантический аспект анализа специальных лексических единиц позволил выявить немногочисленные антропонимы, а также единицы с внутренней предикацией.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены для дальнейшего исследования терминообразования в лексико-семантических полях.

Ключевые слова: специальные лексические единицы; лексико-семантическое поле; терминообразование; современный английский язык; химическая инженерия

Для цитирования. Зяблова Н.Н. Терминообразование в лексико-семантическом поле «химическая инженерия» в современном английском языке: структурный и деривационный аспекты // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 2. С. 119-XX. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-417

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

TERM FORMATION IN THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD “CHEMICAL ENGINEERING” IN MODERN ENGLISH: STRUCTURAL AND DERIVATIONAL ASPECTS

N.N. Zyablova

Background. In modern linguistics, research is being carried out on the methods of term formation in the lexical-semantic fields of various spheres of human activity.

The purpose of the article is to study term formation in modern English in the lexical-semantic field “chemical engineering” based on structural and derivational aspects. The structural aspect means component analysis, which allows us to identify the number of special lexical units in a terminological combination.

Materials and methods. *A sample of special lexical units (363) from English-language articles in the chemical industry is presented as material for the study. Descriptive, structural, typological, as well as the method of component analysis were used to study the material.*

Results. *The most common and less common structural models have been identified based on the partial compatibility of components, as well as the lexical length of special lexical units, i.e. the number of components in a terminological combination. The morphological features of special lexical units have been determined. Analysis of grammatical derivation allowed us to identify linear models, including affixation and compounding, as well as non-linear models represented by abbreviations, for example, abbreviations, combinations with abbreviations, nomenclature units, combinations with nomenclature units and word mergers with truncation of word stems. The semantic aspect of the analysis of special lexical units allowed us to identify a few anthroponyms, as well as units with internal predication.*

Scope of application of the results. *The results of the study can be used for further research on term formation in lexical-semantic fields.*

Keywords: *special lexical unit; lexical-semantic field; term formation; modern English; chemical engineering*

For citation. *Zyablova N.N. Term Formation in the Lexical-Semantic Field “Chemical Engineering” in Modern English: Structural and Derivational Aspects. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 2, pp. 119-XX. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-417*

Введение

В современном мире стремительно развиваются технологии и продукты химической инженерии, в связи с чем возникает необходимость именовать новые объекты указанной сферы. Наименование денотатов сферы химической инженерии происходит при помощи языковых средств английского языка, являющегося международным средством коммуникации в научной среде.

Английскому функциональному стилю науки свойственны предсказуемость выбора лексических единиц, обозначающих реалии науки

и техники [13]. Наименование денотатов специальных областей происходит в соответствии с существующими порождающими (деривационными) словообразовательными моделями: «регулярность образования даёт возможность прогнозировать появление сочетаний, однотипных в структурном и семантическом отношениях» [4, с. 84]. Денотаты специальной области именуется на основе существующих структурных моделей, в которых семы не противоречат друг другу (лексико-семантическая сочетаемость). В терминологических сочетаниях компоненты сочетаются на основе грамматической и семантической валентности. По словам Кунина, «модель переменного сочетания слов – это регулярное образование однотипных переменных сочетаний слов по определённой структурно-семантической модели вокруг опорного знаменательного слова» [4, с. 104]. Термины являются знаменательными словами, которые используются для номинации денотатов. По мнению В.Ф. Новодрановой, «термин становится инструментом познания, закрепив полученную информацию в своём содержании» [7].

Фиксация наименований денотатов сферы химической инженерии происходит в лексико-семантическом поле «химическая инженерия»: каждому денотату сферы химической инженерии (продукту или технологии) соответствует специальная лексическая единица лексико-семантического поля «химическая инженерия». Таким образом, в ЛСП происходит закрепление понятийных признаков характеризующих свойства предметов (денотатов).

Материалы и методы

В настоящей статье проводится лингвистический анализ **363** специальных лексических единиц (СЛЕ), выбранных из научных статей сферы химической инженерии за 2020-2024 гг. издательского дома Elsevier. Для исследования материала были применены описательный, структурный и типологический методы, а также метод компонентного анализа.

Результаты и обсуждение

Специальными лексическими единицами (терминами и терминологическими сочетаниями, аббревиатурами – инициальным

сокращением слов, номенклатурными единицами, сочетаниями с номенклатурными единицами), т.е. «лексическим классом языка, используемым для специальных целей» (см. [6, с. 30-32]) являются слова, именующие денотаты (предметы и технологии) специальной области знаний. Терминообразование в английском языке происходит с учётом норм литературного английского языка (Standard English), а также признаков термина: однозначность в пределах одной предметной области, устойчивое употребление, регулярная воспроизводимость, отсутствие синонимии и полисемии, отсутствие эмоциональной окраски (см. [2; 3, с. 48, 171]), терминологичность, номинативность (способность называть специальные предметы, процессы и явления), беспредложная связь, отсутствие семантической осложнённости, семантическая прозрачность (мотивированность).

Структурный и деривационный аспекты позволяют выявить структурно-системные характеристики пласта СЛЕ лексико-семантическом поля (ЛСП) «химическая инженерия» в современном английском языке и определить распространённые и нераспространённые структурные словообразовательные модели на основе частеречной сочетаемости компонентов (компонентный анализ) в терминологическом сочетании, а также особенности грамматической и семантической деривации СЛЕ. На основе анализа грамматической (словообразовательной) деривации выявляются морфологические особенности СЛЕ: линейные модели (аффиксация, сочетание слов) и нелинейные модели (сокращения: аббревиатуры (инициальное сокращение слов), сочетания с аббревиатурами, номенклатурные единицы (сочетание буквенной и числовой части), и сочетания с номенклатурными единицами, словослияния с усечением основ слов). Определяется лексическая длина СЛЕ, под которой подразумевается количество компонентов в терминологическом сочетании.

Семантическая деривация СЛЕ заключается в приобретении ими коннотативных оттенков (антономазия). СЛЕ ЛСП химической инженерии являются знаменательными единицами языка не только денотативного, но и коннотативного значения (вторичная

номинация). Деривационной особенностью терминообразования является семантическая деривация: заимствования в терминологической системе происходят из общеупотребительного языка. Развитие терминосистем происходит по законам естественного языка, в связи с чем в них «сохраняются тенденции языкового развития» [8, с. 97]. Семантический аспект деривации СЛЕ позволяет выявить наличие вторичной номинации и коннотативных оттенков у компонентов СЛЕ, а также определить, являются ли частотными антропонимы и языковые средства с внутренней предикацией. Языковые средства с внутренней предикацией это препозитивные атрибутивные конструкции, в которых компоненты связаны предикативными отношениями и представляют собой единое смысловое целое [4].

Так, в ЛСП «химическая инженерия» распространены линейные словообразовательные модели (развёртывание исходной единицы, аффиксация, словосложение), менее распространены нелинейные словообразовательные модели (аббревиатуры, сворачивание исходной единицы, усечение, словослияние с одной или несколькими основами слов). Нелинейные словообразовательные модели представляют собой языковое явление компрессии. На основе компонентного анализа СЛЕ ЛСП химической инженерии выявлена частеречная сочетаемость компонентов в современном английском языке, представленная преимущественно атрибутивными моделями, образованными беспредложной связью: наиболее частотны грамматические сочетания имени существительного с именем прилагательным. Менее частотны грамматические сочетания имён существительных с причастием настоящего и с причастием прошедшего времени. Атрибутивные (определятельные) группы в английском языке образованы соположением компонентов, сочетающихся беспредложной связью, и представляют собой «цепочки» слов, не связанных между собой предлогами, в которых определяемое существительное находится в постпозиции по отношению к определяющим его компонентам разной частеречной принадлежности. Характерной особенностью атрибутивных групп является принцип свёртывания, сжатия информации, благодаря чему про-

исходит экономия речевых средств – качество специальных лексических единиц, необходимое при передаче большого количества специальной информации. Специальные лексические единицы объединяются в терминологические сочетания в английском языке по тому же принципу, что позволяет максимально сжать, свернуть форму слова (план означающего) с сохранением его значения, содержания (плана означаемого). Кроме того, термин как лексическая единица, входящая в состав терминологического сочетания, по определению является специальным словом «номинарующим понятие в предельно сжатом виде» [1, с. 182]. Максимальная лексическая (линейная) длина, то есть количество компонентов в терминологическом сочетании (терминологической модели), не должна превышать семи единиц ввиду функциональных возможностей человеческой памяти: модели лексической длиной более семи компонентов затрудняют усвоение и хранение информации о продукте. («Гипотеза глубины», Ингве, 1963, цит. по: [3, с. 33, 71, 143]).

В настоящее время наблюдается тенденция к компрессии, сжатию лексической длины благодаря аббревиации, усечению слов, словослиянию усечённых основ слов, сочетания инициальных сокращений с полной формой слова. По словам Ю.В. Сложеникиной, использование аббревиатурных сокращений представляет собой один из продуктивных способов лексического сжатия в терминологию [8, с. 50]. Однако текст, изобилующий неологичными аббревиатурами, семантически осложнён, и, соответственно, сложен для восприятия. В качестве примера приведён отрывок из статьи по химической инженерии «Carbon capture, storage and utilisation technologies: A critical analysis and comparison of their life cycle environmental impacts»: *ADP and ODP are increased because of the additional coal required for power plants with CCS. The conversion of HF air emissions into an effluent discharge to freshwater has a negative effect on the HTP, FAETP and MAETP. Nevertheless, the removal of HF emissions along with other acid gases such as Nox, Sox, and Hcl, leads to a lower AP, EP and POCP. Moreover, the removal of trace metals reduces TETP. Therefore, all these impacts are lower compared*

to the plants without CCS, from 20% for TETP to 53–120% for POCP [11]. Из приведённого отрывка следует, что, несмотря на компактность, ёмкость и повышенную плотность информации благодаря многочисленному употреблению аббревиатур (18 аббревиатур приходится на 34 знаменательных слова, при этом незнаменательные, служебные слова, не принимаются в расчёт), восприятие текста значительно затруднено.

Структурный аспект анализа СЛЕ ЛСП химической инженерии в современном английском языке позволил выявить способы терминообразования на основе частеречной сочетаемости компонентов в терминологической модели, а также грамматической и семантической деривации СЛЕ. Выявлены наиболее продуктивные способы словообразования СЛЕ для обозначения денотатов сферы химической инженерии: линейные модели, включающие аффиксацию (*photochemistry*), соположение слов (*acid gases, hybrid solar-geothermal power plan*), словосложение (*epochy-ring, ring-closure*) и нелинейные модели, представленные такими сокращениями как аббревиатуры (ODP), сочетания с аббревиатурами (HF air emissions), номенклатурные единицы (HP-5MS) и сочетания с номенклатурными единицами (“4CU” Programme Grant), словослияния с усечением основ слов (*oxy-fuel combustion, syngas, diethanolamine*).

Определена максимальная и минимальная лексическая длина, «протяжённость», количество компонентов в терминологической единице (СЛЕ): количество слов в терминологическом сочетании и количество литер в аббревиатуре (см. [3, с. 49]) в ЛСП химической инженерии. Выявлены графические варианты оформления написания СЛЕ: раздельное (*hydrogen bond donors*), слитное (цельнооформленное) (например, *photochemistry*) и полуслитное (через дефис) (например, *epochy-ring*), написание в кавычках.

На рис. 1 представлена круговая диаграмма, изображающая наиболее частотные и менее частотные структурные модели СЛЕ ЛСП химической инженерии общим количеством 277 (из них с числительным – 4 ед., с союзом – 7 ед.) из 363. В рис.1 не рассмотрены аббревиатуры (57 ед.) (EGS, HDR, CCGT, EOR, ECBM, FAETP,

LewH&T), сочетания с аббревиатурами (9 ед.) (HF air emissions, mineral-to-CO₂-carbonation ratios, CPG supercritical CO₂ Brayton (CPG-sCO₂) cycle), номенклатурные единицы и сочетания с номенклатурными единицами (13 ед.) (“4CU” Programme Grant, HP-5MS fused-silica capillary column). Терминологические модели, образованные предложной и союзной связью (7 ед.), также не представлены на диаграмме: carbon capture *and* storage technology, carbon capture utilization *and* storage, combined heat *and* power plant, lipid extraction *with* hexane *and* transesterification.

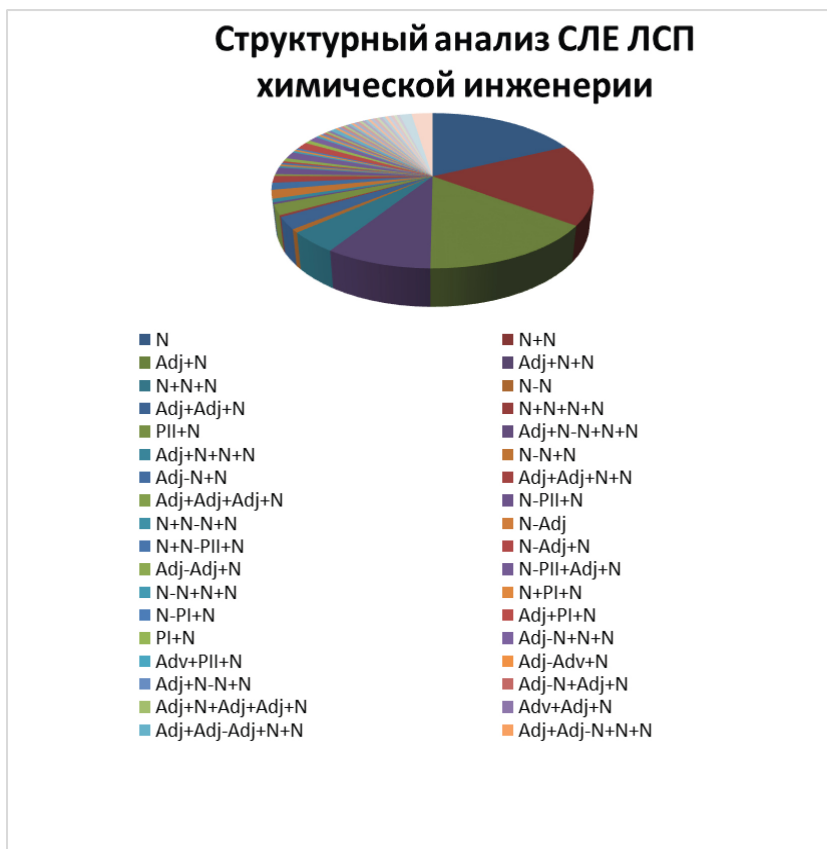

Рис. 1. Структурный анализ СЛЕ ЛСП химической инженерии на основе частичечной сочетаемости

Самой распространённой моделью является однокомпонентная модель с именем существительным (N) – 50 случаев употребления (ед.), из них слово-слиток (словослияние – 8 ед.) (*syngas*, *Methylpolysiloxane*, *monoethanolamine* (MEA), *Trimethylbenzene*, *Deuteriochloroform*, *Epiclorohydrin*, *diethanolamine* (DEA), *dimethylcarbonate* (DMC)). Однокомпонентные модели незначительно преобладают в количественном отношении над двухкомпонентными моделями. Двух и трёхкомпонентные модели с именем существительным и с именем прилагательным также распространены: (N+N) – 47 ед. (*Choline salts*, *Choline chloride*, *choline iodide*, *benzyl glycidyl*, *ethyl acetate*); (Adj+N) 42 ед. (*cyclic carbonates*); (Adj+N+N) – 25 ед. (*quaternary ammonium salts*), (N+N+N) – 12 ед. (варианты: *hydrogen bond donors* = HBDS); (Adj+Adj+N) – 7 ед. (*alkali metal salts*); (PII+N) – 6 ед. (*pulverised coal*); (N-N+N) – 5 ед. (*Fischer–Tropsch process*); (N-N+N) – 5 ед. (*grid-scale energy*). Причастия настоящего и прошедшего времени не являются частотными компонентами в терминологических моделях. Менее распространены СЛЕ, частотность употреблений которых не превышает 4-1 употреблений в исследуемых научных статьях, состоят из четырёх и более компонентов: (Adj+Adj+N+N) – 4 ед. (*marine aquatic ecotoxicity potential* = МАЕТР); (N-PII+Adj+N) – 4 ед.; (N-PII+N) – 4 ед.; (Adj+PI+N) – 4 ед.; с числительным – 4 ед.: *first-generation biofuels* (Numeral-N+N), *3-hydroxybutyric* (Numeral-Adj), *one-size-fit-all technology* (Numeral-N-N-pronoun +N), *second-law efficiency* (Numeral-N+N); (N-N) – 2 ед. (*epoxy-ring*, *ring-closure* (полуслитное написание через дефис)); (Adj-N+N+N) – 3 ед.; (Adj+N+N+N) – 2 ед. (варианты: *photochemical oxidant creation potential* = ПОСР); (PI+N) – 2 ед. (*hybrid solar–geothermal power plant*) (5 компонентов); (Adj+Adj-Adj+N+N) – 2 ед. (*more-conventional indirect brine-based hybrid systems*) (7 компонентов); (N+N+N+N) – 1 ед. (варианты: *ozone layer depletion potential* = ODP); (Adv-Adj+Adj+N-PII+Adj+N) – 1 ед.; (Adj+N+Adj+Adj+N) – 1 ед. (*incremental net secondary thermal efficiency* = INSTE) (5 компонентов); (N+N+N+Adj+N) – 1 ед. (*alkali metal carbonate solid sorbents*) (5 компонентов); (PII+N-N+N+N) – 1

ед. (enhanced coal-bed methane recovery = ECBM) (5 компонентов); (Adj+Adj-N+N) – 1 ед.; (Adj+N-Adj+N+N) – 1 ед. (hybrid water-geothermal power plants) (5 компонентов); (N+N+N-PII+Adj+N) – 1 ед. (alkali earth metal-based solid sorbents) (6 компонентов); (Adj+Adj-N+N+N) – 1 ед. (hybrid geothermal-fossil fuel system) (5 компонентов); (Adj+N-N+N+N) – 1 ед. (isobaric counter-flow heat exchanger); (Adj+Adj+Adj+N) – 1 ед. (Natural Deep Eutectic Solvents = NaDESs); (N+N-N+N) – 1 ед. (Gas Chromatography–Mass Spectrometry (=GC–MS)); (N-Adj) – 1 ед. (alpha-hydroxyisobutyric); (N-PII) – 1 ед. (steam-based Rankine cycles); (N+N-PII+N) – 1; (N-Adj+N) – 1; (N+Adj+N+N) – 1; (Adj-Adj+N) – 2; (N-N+N+N) – 1; (N+PI+N) – 1; (N-PI+N) – 1; (N-PII+N+N) – 1; (Adj-Adv+N) – 1; (Adj+N-N+N) – 1; (Adj-N+Adj+N) – 1; (Adj+N+Adj+Adj+N) – 1; (Adj+Adj+N+Adj+N) – 1; (Adj-N+Adj+N+N) – 1 (Adj+Adj-N+N) – 1; (Adj+PII+N+N) – 1; (PII+Adj+N) – 1; (PII+N+N+N) – 1; (PII+N+PII+N) (двойное употребление причастия прошедшего времени) – 1 ед. (integrated gasification combined cycle (IGCC) plants); (PII+N+N) – 1; (PII-N+N+N) – 1; (Adj+Adj-Adv+N) – 1.

Аббревиатуры в ЛСП «химическая инженерия» являются распространённым языковым явлением в химической науке, например, CO_2 (вещество, обозначенное инициальным сокращением слов *carbon* (C) и *oxygen* (O)). С аббревиатурой CO_2 образованы 42 СЛЕ: CO_2 -EGS, CPG supercritical CO_2 Brayton (CPG- sCO_2) cycle, mineral-to- CO_2 -carbonation ratios; с инициальным сокращением, обозначающим химическое вещество $MgCO_3$ (1 СЛЕ): calcium-based (oxy)-hydroxides co-produced with $MgCO_3$. Аббревиатуры употребляются в ЛСП «химическая инженерия» наряду с полными вариантами. Количество аббревиатур составляет 57 единиц, например, eutrophication potential (EP), freshwater aquatic ecotoxicity potential (FAETP), enhanced coal-bed methane recovery (ECBM), terrestrial ecotoxicity potential (TETP), marine aquatic ecotoxicity potential (MAETP), human toxicity potential (HTP), photochemical oxidant creation potential (ПОСР), acidification potential (AP), lipid extraction with hexane and transesterification (LewH&T), combined cycle gas turbine (CCGT)

plants; enhanced oil recovery (EOR). Сочетания с аббревиатурами составляют 16 единиц (CCGT plants, CPG-sCO₂ cycle). Количество номенклатурных единиц, выраженных сочетанием буквенной и числовой части – 13 ед.: “4CU” Programme Grant. Союзной и предложной связью объединены 7 СЛЕ, например, carbon capture *and* storage (CCS) technology, carbon capture utilization *and* storage (CCUS), lipid extraction *with* hexane *and* transesterification (LewH&T), combined heat *and* power plant. Словосложением через дефис представлены следующие СЛЕ: optimal *high-side* pressure; vertical *flat-panel* reactors; *bio*-based carboxylic acids and polyols, photo-*bio*reactors, *bio*fuels production; CO₂-EGS, (CPG-sCO₂) cycle; mineral-to-CO₂-carbonation ratios; ammonium-*based* catalysts, acids-*based* mixtures, polyol-*based* mixture; bio-based carboxylic acids and polyols; ammonium-*based* catalysts; acids-*based* mixtures; polyol-*based* mixture; choline iodide-*based* catalysts. Причастие прошедшего времени *based* является распространенным элементом терминологических сочетаний и используется в полуслитном написании в 23 СЛЕ.

Лексическая длина СЛЕ ЛСП «химическая инженерия» выявлялась по количеству компонентов. Так, наиболее распространены терминологические модели лексической длиной в 1-4 компонента: freshwater aquatic ecotoxicity potential. Менее распространены терминологические модели, состоящие из 5, 6 и 7 компонентов: alkali metal carbonate solid sorbents (5 компонентов) 1 употребление, enhanced coal-bed methane recovery (5 компонентов) 1 употребление, incremental net secondary thermal efficiency (5 компонентов) 1 употребление, alkali earth metal-based solid sorbents (6 компонентов) 1 употребление, high-temperature auxiliary heat sources – 1 употребление; incremental net secondary thermal efficiency (5 компонентов) – 1 употребление, CO₂-Plume Geothermal Energy Storage system (6 компонентов) – 1 употребление, more-conventional indirect brine-based hybrid systems (7 компонентов) – 1 употребление, hybrid water-geothermal power plants – 1 употребление.

Минимальная лексическая длина аббревиатур составляет две литеры (AP, EP). Максимальное количество литер в аббревиатуре

включает 5 единиц: LewH&T (5 единиц и один символ), ФАЕТР, МАЕТР.

Префиксация, присоединение морфем (приставок) к основе слова, в исследуемых СЛЕ является распространённым языковым явлением. Префиксы используются в слитном, раздельнооформленном и полуслитном виде (через дефис). Так, в 114 СЛЕ используется дефис. Наиболее частотными префиксами в СЛЕ ЛСП «химическая инженерия» являются *co-*, *bio-*, *poly-*, *mono-*, *micro-*, *non-*, *homo-*, *hydro-*, *sub-*, *post-*, *hetero-*, *pre-*, *photo-*, *thermo-*, *super-*, *semi-*, *geo-*, *syn-*, *oxy-*, *cyclo*, *techno-* (*co-catalyst*, *bio-based carboxylic acids and polyols*, *photo-bioreactors*, *post-combustion capture*, *pre-combustion capture*, *pre-conversion*, *semi-analytic heat transfer solution*, *sub-stoichiometric amounts*, *syngas*, *oxy-fuel combustion*, *oxy-fuel process*, *oxy-combustion*, *ecotoxicity*, *cycloaddition reaction*, *technoeconomic feasibility analyses* и др.).

Семантический аспект анализа словообразовательной структуры СЛЕ ЛСП химической инженерии в английском языке позволил выявить частотные аффиксы (префиксы), обладающие широкой семантикой (см. [5]), т.е. возможностью образовывать многочисленные грамматические и семантические сочетания с корневыми морфами, например, с усечённой частью слова *geo-* (44 употреблений): *low-temperature geothermal systems*, *indirect brine hybrid geothermal system*, *hybrid-geothermal plant*, *hybrid geothermal-fossil fuel system*, *separate geothermal-only systems*, *auxiliary geothermal heating*, *geothermal resources*; сочетание корневых морфов с аффиксальным морфом *bio-* (11 употреблений): *bio-based carboxylic acids and polyols*, *photo-bioreactors*, *biofuels production*.

Графическое оформление СЛЕ ЛСП «химическая инженерия» представлено кавычками в восьми случаях употребления: “*pinch-point*” *constraints* / “*pinch-point*” *issues*. Пунктуационные особенности оформления СЛЕ заключаются в использовании кавычек при наименовании продуктов, объектов и систем, при этом кавычками выделяются образные выражения, употребляемые перед определяемым словом: “*pinch-point*” *constraints* / “*pinch-point*” *issues*; “4CU”

Programme Grant (номенклатурная единица: сочетание числовой части с буквенной). Например, комбинация слов в кавычках, используемых для передачи образности “pinch-point”, обозначает защемления, либо места, в которых происходит задержка, затор.

Нетипичным для научно-технического стиля является употребление языковых единиц с внутренней предикацией. Препозитивные атрибутивные конструкции с внутренней предикацией характерны для публицистического стиля и выполняют функцию языковой компрессии, а также используются как средство передачи информации в сжатом виде благодаря сочетанию слов, написанных через дефис (полуслитное написание) и находящихся в препозиции по отношению к определяемому слову в конце «цепочки» слов.

Структурная цельность и неделимость подобных лексико-грамматических моделей передаются графическим оформлением в виде кавычек и написанием через дефис. В ЛСП «химическая инженерия» редки терминологические сочетания с внутренней предикацией, например, *mineral-to-CO₂-carbonation ratios*. В приведённом примере лексические единицы *mineral-to-CO₂-carbonation*, соединённые дефисом, выполняют функцию определения по отношению к определяемому слову *ratios*. Также ёмкость при передаче объёмной информации в СЛЕ достигается при помощи нескольких взаимосвязанных сочетаний, объединённых дефисом: *calcium-based (oxy)-hydroxides co-produced with MgCO₃*. Однако подобные сочетания немногочисленны.

Также выявлены антропонимы, т.е. лексические единицы, трансформированные из имён собственных в имена нарицательные и используемые для наименования процессов и явлений по фамилии изобретателя (2 СЛЕ): Fischer–Tropsch process; steam-based Rankine cycles. Использование антропонимов как разновидности семантической деривации не является распространённым способом при наименовании СЛЕ ЛСП химической инженерии в английском языке.

Заключение

Таким образом, выявлены наиболее продуктивные способы словообразования СЛЕ ЛСП «химическая инженерия» для обозначения

денотатов сферы химической инженерии: линейные модели (аффиксация, словосложение, соположение слов в терминологическом сочетании) и нелинейные модели, представленные сокращениями и сочетаниями с ними: аббревиатуры, сочетания с аббревиатурами, номенклатурные единицы, и сочетания с номенклатурными единицами, словослияния с усечением основ слов). Определена максимальная и минимальная лексическая длина СЛЕ. Словообразовательные модели СЛЕ ЛСП химическая инженерия представлены моделями различной частеречной сочетаемости. Самой распространённой моделью является однокомпонентная модель с именем существительным. Однокомпонентные модели незначительно преобладают в количественном отношении над двухкомпонентными моделями. Двух и трёхкомпонентные модели с именем существительным и с именем прилагательным также распространены. Причастия настоящего и прошедшего времени не являются частотными компонентами в терминологических моделях. Менее распространены СЛЕ численностью компонентов свыше четырёх. Частотность их употреблений не превышает 4-1 употреблений в исследуемых научных статьях. Лексическая длина аббревиатур варьируется от двух до пяти литер. Минимальная лексическая длина аббревиатур численностью 2 литеры является наиболее распространённой в ЛСП «химическая инженерия». Антономазия не распространена в ЛСП «химическая инженерия». СЛЕ с внутренней предикацией не являются частотными.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Теория текста (учебное пособие). М.: Логос. 2003. 280 с.
2. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. М.: МИИФЛИ. 1939. Т. 5. 420 с.
3. Гринёв С.В. Введение в терминоведение. М.: Москов. лицей. 1993. 309 с.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд., перераб. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.

5. Колобаев В.К. Слова широкой семантики и способы их конкретизации в английской научной литературе: (На материале мед. науч. публ.): автореф. диссерт. https://rusneb.ru/catalog/000201_000064_VJVVV1075634/ (дата обращения: 20.05.2024)
6. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Книжн. Дом «ЛИБРОКОМ». 2009. 256 с.
7. Новодранова В.Ф. Когнитивные науки и терминология // Научно-техническая терминология: науч.-тех. реф. сб. М. 2000. Вып. 2. С. 68-69.
8. Сложеникина Ю.В. Терминологическая вариативность: Семантика, форма, функция. Изд. 2-е, испр. М.: Изд-во ЛКИ. 2010. 288 с.
9. Тихонов А.А. Английский язык. Теория и практика перевода: учеб. пособие. М.: ТК Велби; Проспект. 2005. 120 с.
10. Crystal D. English as a Global Language, 2003, 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 212 p.
11. Cuéllar-Franca R.M. et al. Carbon capture, storage and utilisation technologies: A critical analysis and comparison of their life cycle environmental impacts // Journal of CO2 Utilization. 2015, vol. 9, pp. 82-102. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212982014000626> (дата обращения: 12.01.2021)
12. Garapati Nagasree et al. Combining brine or CO₂ geothermal preheating with low-temperature waste heat: A higher-efficiency hybrid geothermal power system // Journal of CO2 Utilization. 2020, vol. 42, 101323. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212982020305254> (дата обращения: 12.01.2021)
13. Hickey R. Standards of English: Codified Varieties around the World. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2012. 421 p.
14. Homlok R. et al. Comparison of hydrogen atom and hydroxyl radical reactions with simple aromatic molecules in aqueous solution // Chemical Physics. 2020, vol. 534, 110754. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301010420301890> (дата обращения: 12.01.2021)
15. Turner D.B. et al. Basis set truncation further clarifies vibrational coherence spectra // Chemical Physics. 2020, vol. 539, 110948. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301010420307199> (дата обращения: 12.01.2021)

16. Vagnoni M. et al. Choline-based eutectic mixtures as catalysts for effective synthesis of cyclic carbonates from epoxides and CO₂ // *Journal of CO₂ Utilization*. 2020, vol. 42, 101302. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212982020304261> (дата обращения: 12.01.2021)

References

1. Valgina N.S. *Text theory*. Moscow: Logos Publ., 2003, 280 p.
2. Vinokur G.O. *On certain phenomena of word formation in Russian technical terminology*. Moscow: MIIFLI, 1939, vol. 5, 420 p.
3. Grinèv S.V. *Introduction to terminology*. Moscow: Moskov. Licej Publ., 1993, 309 p.
4. Kunin A.V. *Phraseology course of modern English language*. Moscow: Vyssh. shk. Publ., Dubna: Feniks Publ., 1996, 381 p.
5. Kolobaev V.K. *Words of broad semantics and methods of their concretization in English scientific literature: (Based on the material of medical scientific publications): abstract. dissertation*. https://rusneb.ru/catalog/000201_000064_BJVVV1075634/ (accessed 20.05.2024)
6. Lejchik, V.M. *Terminology: Subject, methods, structure*. Ed. 4th. M.: LIBROKOM Publ., 2009, 256 p.
7. Novodranova V.F. Cognitive sciences and terminology. *Scientific and Technical Terminology*. Moscow, 2000, no. 2, pp. 68-69.
8. Slozhenikina Yu.V. *Terminological variability: Semantics, form, function*. Ed. 2nd, rev. M.: Publishing house LKI, 2010, 288 p.
9. Tihonov A.A. *English language. Theory and practice of translation*. M.: TK Velby; Prospect, 2005, 120 p.
10. Crystal D. *English as a Global Language*, 2003 (2nd ed.), Cambridge: Cambridge University Press, 212 p.
11. Cuéllar-Franca R. M. et al. Carbon capture, storage and utilisation technologies: A critical analysis and comparison of their life cycle environmental impacts. *Journal of CO₂ Utilization*, 2015, vol. 9, pp. 82-102. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212982014000626> (accessed 12.01.2021)
12. Garapati Nagasree, et al. Combining brine or CO₂ geothermal preheating with low-temperature waste heat: A higher-efficiency hybrid geother-

- mal power system. *Journal of CO2 Utilization*, 2020, vol. 42, 101323. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212982020305254> (accessed 12.01.2021)
13. Hickey R. *Standards of English: Codified Varieties around the World*. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press, 2012, 421 p.
14. Homlok R., et al. Comparison of hydrogen atom and hydroxyl radical reactions with simple aromatic molecules in aqueous solution. *Chemical Physics*, 2020, vol. 534, 110754. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301010420301890> (accessed 12.01.2021)
15. Turner D. B., et al. Basis set truncation further clarifies vibrational coherence spectra. *Chemical Physics*, 2020, vol. 539, 110948 <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301010420307199> (accessed 12.01.2021)
16. Vagnoni M., et al. Choline-based eutectic mixtures as catalysts for effective synthesis of cyclic carbonates from epoxides and CO₂. *Journal of CO2 Utilization*, 2020, vol. 42, 101302 <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212982020304261> (accessed 12.01.2021)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Зяблова Наталия Николаевна, доцент, кандидат филологических наук
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
пр. Ленина, 30, г. Томск, 634050, Российская Федерация
zyablova@tpu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nataliya N. Zyablova, Associate Professor, Ph.D.in Philology
National Research Tomsk Polytechnic University
30, Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russian Federation
zyablova@tpu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5360-6749>

Поступила 20.05.2024

После рецензирования 02.06.2024

Принята 20.06.2024

Received 20.05.2024

Revised 02.06.2024

Accepted 20.06.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-427

УДК 81.42

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

КОНЦЕПТЫ «НОЧЬ» И «ЛУНА» В ПОЭМЕ Э. ЮНГА “NIGHT THOUGHTS” И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕВОДАХ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

А.Г. Строилова

В статье рассматриваются концепты «ночь» и «луна» на материале английской поэмы “Night thoughts” и её переводов на французский и русский языки.

Цель. *Целью статьи является определение специфики функционирования концептов «ночь» и «луна» в английском оригинальном тексте и её трансформация в переводах.*

Материалы и методы. *В качестве материалов исследования были выбраны оригинальный текст поэмы “Night thoughts”, а также его переводы на французский язык (перевод П. Летурнера) и русский язык (переводы А. М. Кутузова, С. Н. Глинки, П. С. Политковского). В исследовании были использованы компонентный, контекстологический, сравнительно-сопоставительный и концептуальный методы.*

Результаты. *В результате анализа поэмы и переводов можно сделать вывод, что концепты «ночь» и «луна» персонифицируются и в оригинале, и в переводах; с одной стороны, они неразрывно связаны, с другой – не равны друг другу. В переводах на французский и русский язык сохраняются основные интерпретации этих концептов, при этом усиливается их эмоциональная составляющая и связь с лирическим героем произведения.*

Область применения. *Результаты исследования можно применять на занятиях по когнитивной лингвистике, а также при исследовании диалога культур.*

Ключевые слова: диалог культур; когнитивистика; лингвокультурология; история перевода

Для цитирования. Строилова А.Г. Концепты «Ночь» и «Луна» в поэме Э. Юнга “Night thoughts” и их трансформация в переводах (на примере французского и русского языков) // *Современные исследования социальных проблем*. 2024. Т. 16, № 2. С. 137-155. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-427

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

“NIGHT” AND “MOON” CONCEPTS IN E. YOUNG’S POEM NIGHT THOUGHTS AND THEIR TRANSFORMATION IN TRANSLATIONS (FRENCH AND RUSSIAN)

A.G. Stroilova

The article discusses the “night” and “moon” concepts based on the material of the English poem Night thoughts and its translations into French and Russian.

Purpose. *The purpose of the article is to determine the specifics of the functioning of the “night” and “moon” concepts in the English original text and its transformation in the translations.*

Materials and methods. *The original text of the poem Night thoughts, as well as its translations into French (translated by P. Letourneur) and Russian (translations by A.M. Kutuzov, S.N. Glinka, P.S. Politkovsky) were selected as research materials. Component, contextual, comparative and conceptual methods were used in the study.*

Results. *As a result of the analysis of the poem and the translations, it can be concluded that the “night” and “moon” concepts are personified both in the original and in the translations; on the one hand they are inextricably linked, on the other hand, they are not equal to each other. The translations into French and Russian preserve the main interpretations of these concepts, while strengthening their emotional component and connection with the lyrical hero of the poem.*

Practical implication. *The results of the study can be used in classes on cognitive linguistics, as well as in the study of the dialogue of cultures.*

Keywords: *dialogue of cultures; cognitive science; linguoculturology; history of translation*

For citation. *Stroilova A.G. "Night" and "Moon" Concepts in E. Young's Poem Night thoughts and Their Transformation in Translations (French and Russian). Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 2, pp. 137-155. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-427*

Введение

Цель. Определить специфику формирования и развития художественных концептов «Ночь» и «Луна» в поэме Э. Юнга "Night thoughts" и проследить его изменение и адаптацию в русском и французском переводах.

Актуальность. Интерес современной лингвистики привлекают разнообразные формы диалога культур, одним из выражений которых является интерпретация тех или иных концептов в зависимости от создавшей их культуры, а также изменения их рецепции в странах, которые их восприняли.

Определение терминологии. Существуют разные подходы к определению термина «концепт», основными из которых считаются лингвокогнитологический и лингвокультурологический подходы. Одним из способов классификации картины мира и вербализации этого в языке является концепт. Согласно первому направлению, концепт определяется «как единица оперативного сознания, выступающая как целостное, нерасчлененное отражение факта действительности» [1, с. 5]. В этой интерпретации «каждое лингвистическое высказывание может быть связано с точкой зрения некоторого «субъекта», или, лучше сказать, субъекта сознания» [16, р. 251]. К исследователям, изучающим концепт в этой интерпретации, можно отнести Н.А. Болдырева, А.П. Бабушкина, Е.С. Кубрякову, И.А. Стернина. Согласно мнению представителей второго направления, среди которых Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, Д.С.

Лихачев, Ю.С. Степанов, С.Х. Ляпин, Л.О. Чейненко, В.И. Шаховский, С.Г. Воркачев и др., концепт характеризуется как «ментальное образование, отмеченное в той или иной степени этносемантической спецификой» [1, с. 5].

При изучении концептов, которые находят свою репрезентацию в художественных произведениях, необходимо учитывать интерпретацию концепта обоих направлений: и лингвокультурологического, и лингвокогнитологического. Автор художественного произведения является представителем определенной нации и носителем её культуры, что находит отражение в создаваемых автором концептах. Одновременно с этим когнитивная сторона концепта как формы индивидуального отражения действительности представляет особый интерес, так как именно таким образом создаётся авторский стиль. «В художественный текст, – по замечанию Н.С. Валгиной, – жизненный материал преобразуется в своего рода „маленькую вселенную“, увиденную глазами данного автора. Поэтому в художественном тексте за изображенными картинками жизни всегда присутствует подтекстный, интерпретационный функциональный план, “вторичная действительность“» [5, с. 70].

Вербализацией концепта в художественном произведении становятся в том числе средства художественной выразительности, по словам Балалыкиной Э. А. и Егорова Д. С. «особая роль принадлежит анализу метафорических моделей и отдельных тропов, представленных в тексте, поскольку здесь отражается та самая невербальная, образная часть концепта, которая в сознании представлена единицами универсального предметного кода» [3, с. 230].

Таким образом, вслед за Е. Д. Астранян, в данном исследовании концепт определяется как «уникальный художественный опыт, который зависит от многих факторов, как объективных (культурно-историческая парадигма, ментальность эпохи, в которую данный концепт употребляется), так и субъективных (таких, как индивидуально-авторская картина мира). Степень соответствия объективных и субъективных моментов может быть сколь угодно разнообразной» [2, с. 36].

Материалы и методы

В качестве материалов для исследования была взята поэма Э. Юнга “Night thoughts” (1742-1745), её перевод на французский язык, выполненный в прозе П. Летурнером (1766), и переводы на русский, выполненные в прозе А. М. Кутузовым (1778-1785), в поэтической форме С.Н. Глинкой (1803) и П. С. Политковским (1803). Нужно отметить, что перевод П. Летурнера анализируется прежде всего как перевод-посредник для русских переводов. В исследовании использовались компонентный, контекстологический, сравнительно- сопоставительный и концептуальный методы анализа.

Результаты и обсуждение

Концепты «ночь» и «луна» в оригинале

Концепт «ночь» и «луна» являются одними из центральных и сюжетообразующих элементов, на которых построена поэма “Night thoughts”. Это произведение было создано на основе принципов поэзии предромантизма, в то время как романтическая поэзия определялась как «нечто, превосходящее любые определения. Рассматривать её как процесс, а не продукт, также означало придавать ей особую и конститутивную временность» [12, p. 108]. Нужно отметить, что одной из основных целей поэмы как предромантического и дидактического произведения являлось вызвать у читателей определённые эмоции, которые бы способствовали моральному очищению читателей. По словам С. Кин, «хотя культурные формы вызывают основные эмоции повествования посредством манипулирования универсалиями, сочетания и выражения этих универсальных стратегий зависят от культуры (иногда их называют жанрами) и имеют свою литературную историю» [15, p. 15].

По сюжету лирический герой произведения страдает от бессонницы и произносит свой монолог, поднимая экзистенциальные темы жизни, смерти, судьбы, Бога, человека, страданий, обращаясь при этом к ночи и луне. Эти два концепта неразрывно связаны, представляя собой одновременно и хронотоп произведения, его пространство и время, и собеседников героя. В начале поэмы луна

является частью структуры концепта «ночь», в процессе развития поэмы становится отдельным концептом, воплощая хоть и схожие, но иные особенности. Хотя культурные формы вызывают основные эмоции повествования посредством манипулирования универсалиями, сочетания и выражения этих универсальных стратегий зависят от культуры (иногда их называют жанрами) и имеют свою литературную историю. Используя разнообразные художественные средства, Юнг делает эти два концепта аттракторами внимания читателя, которые «объединяются по ходу текста, чтобы направить внимание читателя на структурные и тематические закономерности, хотя ими можно пренебречь по-разному, и в этом случае внимание перенаправляется на новые важные значения» [14, р. 329].

Вербализация концепта «ночь» в поэме происходит через разнообразные стилистические тропы: персонификацию, эпитеты, сравнения, метафоры: *Night, sable goddess* (Ночь, тёмная богиня); *her dark domain* (её тёмное царство); *ebon throne* (мрачный/чёрный трон); *rayless majesty* (букв. не испускающее лучей величие); *her leaden scepter* (её свинцовый скипетр); *Silence and darkness: solemn sisters! Twins From ancient Night; Assist me* (тишина и тьма: священные сёстры! Близнецы от древней ночи; помогите мне); *the grave, your kingdom* (могила, твоё королевство); *perpetual night* (вечная ночь); *double night* (букв. двойная ночь). Из приведённых цитат можно спроектировать структуру концепта «ночь» у Юнга, ей присущи следующие характеристики: темнота, мрачность, тишина, древняя природа, вечность (у протяжённости ночи нет конца), ночь связана не просто с женским началом, ночь – это богиня и царица, её власть непоколебима.

Концепт луны, как уже было упомянуто, очень тесно связан с концептом ночи, но не равен ему. В поэме он представлен в следующих цитатах: *O Cynthia! why so pale?* (О Цинтия, почему так бледна?) *A theme that rose all pale* (Тема, которая поднялась такая бледная); *Cynthia patroness of song* (Цинтия, покровительница песни); *thou silver Queen of Heaven! And kind thou wilt be* (ты серебряная Королева Небес); *a quite lunar theme* (тихая лунная тема); *Soft,*

modest, melancholy, female, fair! (мягкая, скромная, меланхоличная, женственная, светлая!) What title, or what name, endears thee most? Cynthia! Cyllene! Phœbe! (Какой титул, или имя нравятся тебе больше? Цинтия? Силен? Феб?). Очевидно, что с луной связаны такие характеристики как бледность, мягкость, тихость (но не полная тишина, как у ночи), женственность, с ней автор связывает греческих богинь, олицетворяющих луну, но не называет её напрямую богиней, как ночь.

Таким образом в английской поэме объединяющими эти два концепта аспектами являются персонификация обоих образов, выраженная через обращение лирического героя и использование личных местоимений, а также восприятие ночи и луны через женский гендер, о чём свидетельствуют местоимения женского рода (she, her). Оба концепта репрезентированы через образ царицы, правящей «с небес», но при этом прослеживаются явные различия: в то время как ночь представлена как сила, с которой связаны абсолютные тьма и тишина, тяжёлая (свинцовая) власть, луна предписана светлая, скромная, женственная суть, её бледность является отражением сопереживания главному герою, она бледна, когда герой страдает, то есть луне придаётся свойство эмпатии, при этом эмпатия относится к так называемым «моральным» эмоциям, именно эмпатия наряду с сочувствием является целевой эмоцией, которую автор поэму предполагает вызвать у читателей для их духовного роста.

Концепты «ночь» и «луна» в переводе А. М. Кутузова.

Перевод А. М. Кутузова стал первым полным переводом поэмы на русский язык, до этого переводились только фрагменты (например перевод М.В. Сушковой 1772-го года). Необходимо отметить, что в связи с тем, что поэма воспринималась скорее как дидактическое произведение, переводились в основном части, сосредоточенные на экзистенциальных размышлениях героя, концепты «ночь» и «луна» включались в перевод больше как неотъемлемые элементы хронотопа поэмы. В связи с тем, что английский язык в конце XVIII-начале XIX века был мало известен в России, перевод Кутузова был сделан при помощи очень точного, порой буквального, не-

мецкого прозаического перевода-посредника (1760-1771), автором которого являлся Арнольд Эберт. Кутузов снабдил текст своего перевода подробными комментариями, в которых он, являясь членом масонской ложи, характерно интерпретировал концепты поэмы.

Одним из способов выделить особенно значимые элементы (концепты) текста в переводе является выделение их курсивом. Например, в этом отрывке поэмы в оригинале:

Silence and Darkness! solemn sisters! Twins
From ancient night...

У Кутузова: «*Тишина и тма*, пасмурные сестры! о вы, близнецы престарелых ночи!» Данные характеристики, связанные с концептом «ночь», выделяются как главные переводчиком, сохраняя таким образом одни из основных характеристик концептов «ночь» в русском варианте поэмы.

В то время как концепт «ночь» сохраняется достаточно точно в переводе, лишь некоторые особенности подчёркиваются графически в русском варианте, концепту «луна» переводчик даёт особый комментарий. В оригинале этот отрывок выглядит так:

O Cynthia! Why so pale? dost thou lament
Thy wretched neighbour?...

У Кутузова: «О Цинтия! почто ты так бледна? Не уже ли оплакиваешь несчастного твоего соседа?» Русский перевод достаточно точно передаёт диалог-обращение лирического героя к луне. Развитием этого концепта можно считать комментарий, который переводчик даёт к этому эпизоду: «Исключая Священного Писания, нет кажется лучшего примера стихотворческого *Энтузиасма*, как сии ночи». Кутузов связывает концепт «Луна» со священным писанием, наделяя этот отрывок религиозно-просветительской функцией, подобное восприятие поэмы, как уже было упомянуто, сложилось как своего рода традиция на данном этапе её рецепции в России. Однако в дальнейшем своём комментарии Кутузов развивает этот концепт в совершенно ином направлении: «Луна есть лучший друг стихотворца нашего; при начале третьей ночи призывает он ее, яко своего Феба: ибо между ею и печальным содержанием ночи сея находит великое

сходство. Подобно как бледный блеск луны, соединенный с мрачностью и тишиною ночи, в душе глубокомыслящей удобны произвести и продолжить на долгое время важныя и унылыя мысли: то таким же образом может она почесться яко действие и знак симпатических чувствований. И сие некоторым образом может казаться очень вероятным в разсуждении беспрестанного сообщения луны с землею и взаимнаго их одной на другую влияния».

В этом комментарии русский переводчик конструирует концепт «луна» в независимости от дидактического восприятия поэмы в России. Кутузов усиливает взаимосвязь лирического героя и луны, называя луну лучшим другом, сохраняет отсылку к греческим богам, используя имя «Феб», вновь подчеркивает её характеристику “pale” «бледный блеск луны». В то же время Кутузов пытается в своём комментарии объединить оба концепта: он использует эпитеты «мрачность и тишина ночи», и слова «блеск луны, соединенный», что свидетельствует с одной стороны, о том, что в сознании переводчика оба эти концепта неразделимы, с другой стороны, что именно в соединении концепты «ночь» и «луна» порождают у героя «важныя и унылыя мысли», «симпатические чувствования». Пробуждение подобных чувств являлось главной целью литературы направления сентиментализма/предромантизма романтизма и в Великобритании, и в России. Вводя слова «сообщения луны с землею и взаимнаго их одной на другую влияния» русский переводчик вносит новую интерпретацию концепта «луна», он может восприниматься как не просто собеседника, но проводника в диалоге с небесными силами.

Таким образом А. М. Кутузов несмотря на общее восприятие поэмы Юнга как дидактического произведения в своём переводе и в своих комментариях придаёт особое значение обоим концептам, и, более того, развивает их взаимосвязь, а также переосмысливает значение концепта «луна».

Концепты «ночь» и «луна» в переводах П. Летурнера и С. Н. Глинки.

В связи с тем, что английский язык не был широко распространён в России в указанный период времени, популярные англоя-

зычные произведения переводились с использованием языков-посредников. Вторым по популярности после немецкого перевода Арнольда Эберта был французский прозаический перевод П. Летурнера. В отличие от немецкой традиции переводов, для которых главным принципом была точность и почти дословная близость оригиналу, французская традиция отражала подход к переводу, принятый в период классицизма, в котором главной задачей перевода считалось не точная передача оригинала, а приближение при переводе оригинала к эстетическому идеалу, для этого допускались опущения, добавления и практически любые изменения оригинала. Нужно отметить, что при этом перевод на французский язык был выполнен в прозе.

На основе французского прозаического перевода С. Н. Глинка делает первый поэтический перевод поэмы на русский язык. Выбор другой формы повествования свидетельствует об изменении восприятия самого произведения, дидактическая составляющая уходит на второй план, эмоционально-художественная, включающая концепты «ночь» и «луна», становится наиболее значимой.

Как уже было упомянуто, в поэме Юнга ночь является значимым концептом, который он представляет в самом начале произведения как богиню, правящую миром при помощи свинцового скипетра:

Night, sable goddess! from her ebon throne,
In rayless majesty, now stretches forth
Her leaden scepter o'er a slumb'ring world

Летурнер переводит этот фрагмент следующим образом: “Maintenant arrivée au milieu de son cercle, assise au haut des air sur son trône d'ébène, la nuit, comme un Dieu dans une majesté voilée et sans rayons, étend son scepter de plomb sur un monde assoupi”. Летурнер иначе интерпретирует концепт «ночь», используя слова “au milieu de son cercle” (в середине своего круга/круговорота), он вводит представление о ночи как о цикличном процессе, герой находится на его пике, в английском варианте перманентность ночи описана при помощи эпитета (perpetual night (вечная ночь)). Тем не менее у Летурнера концепт ночи получает интерпретацию времен-

ной протяжённости, в то время как в оригинале ночь – это скорее состояние, чем какой-то временной промежуток.

Стоит также отметить, что в оригинале при описании концепта ночи используются прилагательные, которые имеют несколько значений (*sable*: having a dark brown or black colour: used to describe something on a coat of arms a special shield or shield-shaped pattern that is the sign of a family, university, or city that is black, *leaden*: dark grey; without energy or feeling; like lead in colour or weight; grey or heavy), Летуэрнер в своём переводе выбирает словосочетание, “*de plomb*” (буквальный перевод «из свинца»), что с одной стороны ограничивает восприятие концепта «ночь», с другой стороны подчеркивает властную силу богини.

В русском переводе этого фрагмента происходит соединение концептов «ночь» и «луна»:

Уже она в сей час, в час общей тишины,
Когда страны небес луной осребрены,
Стопою медленной на мрачный трон вступает;
Простерла жезл, - и ход природа прекращает.

В первом же фрагменте Глинка вводит характеристики, связанные с концептом «ночь»: тишина, медленная стопа, мрачный трон. При этом в отличие от оригинала и французского перевода Глинка не даёт определения «свинцовый/тяжёлый» слову «жезл», что уменьшает ощущение тяжести, связанной с концептом «ночь» в английском и французском вариантах. Глинка также вводит метафору «страны небес луной осребрены», что с одной стороны, создаёт более светлое восприятие концепта ночи, и с другой стороны в большей степени соединяет концепты «ночь» и «луна».

Как уже было сказано, для французской традиции перевода было вполне обычно привносить добавления в текст перевода, Летуэрнер, следуя этим принципам, вводит новый отрывок текста, который отсутствуют в оригинале и который придаёт дальнейшее развитие концепта «луна» в переводе поэмы:

“O lune, notre malheureux globe est encore plus changeant que le tien! Je te vois pâle et triste; serais-tu un témoin sensible des malheurs de l’espèce humaine?”

Во французском переводе у концепта «луна» появляются эпитеты «бледная и грустная» (*pâle et triste*), подобное состояние «луны» переводчик объясняет тем, что она является свидетелем не только несчастий главного героя, как в оригинале, но всей планеты, в описании луны в этом отрывке Летуэрнер дважды использует слова с корнем “*malheur*” (несчастье, бедствие, горе): “*malheurs*” и “*malheureux*” (несчастья и несчастные), усиливая идею о глобальности страданий, которым сопереживает луна.

Глинка вслед за Летуэрнером также вводит эту часть в свой перевод:

Светило ночи! Твой не столь пременен зрак,
Сколь в нашем бедственном жилище все превратно!
Что зрю! бледнеешь ты! Уже ли стало внятно,
Луна! страдание души моей тебе?

В русском переводе концепт «луна» получает новую вербализацию «светило ночи», Глинка несколько меняет свойство луны «бледная», которое ввёл Летуэрнер, выражая это при помощи глагола «бледнеешь ты», таким образом ещё раз подчёркивая, что бледность луны – это реакция её на страдания, свидетелем которых она является, то есть эмпатия, которой луна наделена и в оригинале и во всех переводах, получает здесь новое развитие, то есть ей предписывается роль «взаимодействия между определенными текстовыми и читательскими факторами в эмпатическом (или ином) взаимодействии читателей с персонажами повествования» [13, р. 125].

Стоит отметить также, что Глинка луна сопереживает не страданиям всего мира, а страданиям именно лирического героя, что делает связь между ним и лунной как его «слушательницей» более близкой и личной.

Резюмируя, можно сделать вывод, что Летуэрнер, а вслед за ним и Глинка, используя принципы французской переводческой традиции XVIII века вносит изменения в концепты «луна» и «ночь», усиливая эмоциональные составляющие такие, как мрачность и властность у концепта «ночь», грусть и сопереживание/эмпатию у «луны», а также акцентирует персонификацию обоих концептов. При этом

Глинка также делает некоторые изменения в своём переводе, отступая от французского перевода-посредника, в результате чего концепт «луна» приобретает большую значимость, и отношение к ней героя представлено как более личное.

Концепты «ночь» и «луна» в переводе П. Летурнера и П. С. Политковского.

П. Политковский выбирает для своего поэтического перевода только одну часть поэмы Юнга, IV ночь, которая называется «Нарцисса», в этой части повествуется о смерти дочери героя. Он также использует французский перевод-посредник, выполненный П. Летурнером, и, следуя принципам французской переводческой традиции вносит изменения в свою версию поэмы, в результате чего концепты «ночь» и «луна» получают несколько иную интерпретацию.

В самом начале своего перевода Политковский значительно усиливает концепт «ночь», используя слова «ночь» и «тьма» восемь раз уже на первой странице, вербализирует его в следующих словосочетаниях: «царица мрака – ночь», «я один во тьме ночной», «царица ночи».

Нужно отметить, что концепт «луна» в этой части английской поэмы получает максимальное развитие, что находит отражение в обоих переводах.

She, with the spheres harmonious, nightly leads
The mazy dance, and hears their matchless strain;
A strain for gods, denied to mortal ear.
Transmit it heard, thou silver queen of heaven!

С концептом «луна» связывают такие определения как “harmonious” (гармоничный), “silver queen of heaven” (серебряная королева небес), луна наделяется действиями “leads” (ведёт) и “hears” (слышит). Очевидно, что персонификация этого концепта усиливается, он приобретает новые черты, как и ночь луну называют «королева», в этом отрывке луна уже не только собеседница героя, но полноценная часть ночного пейзажа, оба концепта здесь становятся максимально близки.

Летурнер вносит значительные изменения при переводе этого отрывка: “Devinité des ames sensibles, ô lune, ô toi qui, dans les

heures de silence, règues en paix et seule sur la foule des astres, descends de ton trône d'argent ; quittes les airs, et viens m'inspirer des chantes dignes des cieux ...Daignes, dans un songe favorable, répéter à mon ame leurs célestes accords...Ah! je sens déjà ta mélancolique influence ; elle pénètre mon ame attendrie”. Во французском переводе очевидно усилена часть, представляющая луну как королеву, Летурнер добавляет глагол “règner” (царствовать, править), а также словосочетание “trône d'argent” (трон из серебра). Одновременно с этим переводчик развивает тему взаимосвязи героя и луны, она представлена не только как его слушатель, как указано в оригинале, Летурнер присваивает этому концепту свойство “mélancolique influence” (меланхоличное влияние), а также действие “pénètre mon ame” (проникает в мою душу), таким образом луна становится способной влиять на героя и менять его.

В русском переводе этот отрывок отличается и от оригинала, и от перевода-посредника:

О ты, что между звезд в величии сияешь,
И с кроткой важностью мир спящий обтекаешь,
Царица ночи! – будь моих свидетель слез,
Дай гласу моему гармонию небес и томный!
Пусть песни все мои одни лишь будут стоны!

Важно отметить, что Политковский называет луну «царица ночи», сближая эти два концепта, как и в оригинале, но, в отличие от Юнга она не просто часть ночного хронотопа, а представлена как сила, управляющая ночью. Отношения между героем и луной переводчик также меняет, она не только его слушатель «моих свидетель слез», но и наделяется функцией, которую в классической поэзии как правило исполняют музы: помочь герою в его творчестве «дай гласу моему... пусть песни все мои».

Наряду с добавлением новых характеристик французский переводчик, и вслед за ним и русский, сокращают и меняют характеристики концепта «луна», которые вводит Э. Юнг. Эпитеты “soft, modest, melancholy, female, fair” (мягкая, скромная, меланхоличная, женственная/женская, светлая/справедливая) у Летурнера переданы

как “*beauté modeste et touchante*” (красота скромная и трогательная), то есть он оставляет только одно из определений и добавляет своё “*touchante*”, которое, хоть и связано с понятием «меланхолия», но не равно ему. Политковский отказывается от этих эпитетов и вместо этого использует предложение: «Ты скорбью тронута и жалобой унылой», таким образом он переводит фокус на отношения героя и луны.

Из данного анализа можно заключить, что во французском переводе больший акцент делается не на образном описании концепта «луна» в данной части, а на воздействии луны на героя, концепты «луна» и «ночь» не настолько тесно связаны, как это представлено в оригинале. В русском переводе усиливается концепт «ночи» за счёт повторения самого слова «ночь» и добавления связанных с ним характеристик «тьма», «ночной», «тёмный». В представлении концепта «луна», как и во французском переводе, внимание сфокусировано на отношениях лирического героя и луны, но при этом луна приобретает новую роль музы героя.

Заключение

Концепты «луна» и «ночь» в поэме Э. Юнга тесно взаимосвязаны, для обоих концептов характерны персонификация, они представлены через женский гендер. Концепт «ночь» развивается как ведущая сила поэмы, ей приписываются характеристики королевы, богини, она – главный организующий элемент хронотопа поэмы. Концепт «луна» представлен как собеседница героя, способная ему сопереживать, наделена таким образом эмпатией.

В прозаическом переводе А. М. Кутузова подчеркивается взаимосвязь этих концептов. В поэтическом переводе на французский язык П. Летурнера благодаря использованию принципов вольного перевода усиливается персонификация обоих концептов, отношение героя с концептом «луна», а также связь концепта «луна» с меланхолией и сентиментализмом. В поэтическом переводе С. Глинки на русский язык сохраняются основные изменения в представлении концептов, сделанные П. Летурнером, интенсифицируется эмоциональная составляющая концептов, а также связь героя и концеп-

та «луна». В переводе П. Политковского концепт «ночь» получает расширенную интерпретацию, концепт «луна» переосмыслен как муза лирического героя.

Список литературы

1. Ангелова М.М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. М.: Прометей, 2004. Выпуск 3. С. 3-10.
2. Астранян З.М. Концепт в художественном произведении // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 3А. С. 35-42.
3. Балалыкина Э.А., Егоров Д.С. Концепт «Человек» в поэзии И. Бродского // Гуманитарные науки. Т. 149, кн. 2. 2007. С. 228-236.
4. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
5. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. [Пер. с англ.] М.: Языки русской культуры, 1999. 293 с.
6. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 115-124.
7. Зиновьева Е.И. Понятие «концепт» в отечественном языкознании: основные подходы и направления исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2003. № 10. С. 35-37.
8. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. С. 3-16.
9. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3-17.
10. Красавский Н.А. Концепт “Zorn” в пословично-поговорочном фонде немецкого языка. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2000. Выпуск 2. С. 78-89.
11. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. 493 с.
12. Canuel M. The Fate of Progress in British Romanticism. Oxford: Oxford University Press, 2022. 238 p. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/727290> (дата обращения: 28.03.2024)

13. Fernandez-Quintanilla C. Textual and reader factors in narrative empathy: An empirical reader response study using focus groups // *Language and Literature: International Journal of Stylistics*. 2020. Vol. 29, Is. 2. P. 124-146. URL:<https://doi.org/10.1177/096394702092> (дата обращения: 28.03.2024)
14. Gunn N. The poetics of attention in Old English verse: A cognitive stylistic approach to the depiction of Grendel in Beowulf // *Language and Literature: International Journal of Stylistics*. 2023. Vol. 32, Is. 3. P. 329-354. URL:<https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/09639470231177583> (дата обращения: 27.03.2024)
15. Keen S. Introduction: Narrative and the Emotions // *Poetics Today*. 2011. Vol. 32, Is. 1. P. 1-53. URL: <https://read.dukeupress.edu/poetics-today/article/32/1/1/21031/Introduction-Narrative-and-the-Emotions> (дата обращения: 27.03.2024)
16. Maat H.P., Sanders T. Subjectivity in causal connectives: An empirical study of language in use // *Cognitive Linguistics*. 2002. Vol. 12, Is. 3. P. 247-273. URL:https://www.researchgate.net/publication/46613766_Subjectivity_in_causal_connectives_An_empirical_study_of_language_in_use (дата обращения: 26.03.2024)

References

1. Angelova M.M. Concept in modern lingua culture. *Current problems of English linguistics and linguodidactics: collection of scientific papers*. Moscow: Prometey Publ., 2004, Is. 3, pp. 3-10.
2. Astranyan Z.M. Concept in the artwork. *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and civilization], 2017, vol. 7, no. 3A, pp. 35-42.
3. Balalykina E.A., Egorov D.S. The concept of «Man» in I. Brodskiy's poetry. *Gumanitarnye nauki* [Humanities], 2007, vol. 149, book 2, pp. 228-236.
4. Valgina N.S. *Theory of the text*. Moscow: Logos Publ., 2003, 173 p.
5. Vezhbickaya A. *Semantic universals and the description of the language*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, 293 p.
6. Vorkachev S.G. Indifference as an ethnosemantic characteristic of personality: experience of co-comparative paremiology. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 1997, no. 4, pp.115-124.

7. Zinov'eva E.I. The notion of "concept" in Russian linguistics: main approaches and directions of research. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University], 2003, no. 10, pp. 35-37.
8. Karasik V.I. *Cultural dominants in language. Language personality: cultural concepts*. Volgograd-Arkhangelsk: Peremena Publ., 1996, pp. 3-16.
9. Karasik V.I. *On the categories of linguoculturology. Linguistic personality: problems of communicative activity*. Volgograd: Peremena Publ., 2001, pp. 3-17.
10. Krasavskii N.A. The concept "Zorn" in the proverbial fund of the German language. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and applied linguistics], 2000, is. 2, pp. 78-89.
11. Krasavskii N.A. *Emotional concepts in German and Russian linguistic cultures*. Monograph. Volgograd: Peremena Publ., 2001, pp. 40-59.
12. Canuel M. *The Fate of Progress in British Romanticism*. Oxford: Oxford University Press, 2022, 238 p. URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/727290> (accessed March 28, 2024)
13. Fernandez-Quintanilla C. Textual and reader factors in narrative empathy: An empirical reader response study using focus groups. *Language and Literature: International Journal of Stylistics*, 2020, vol. 29, no. 2, pp. 124-1467 URL: <https://doi.org/10.1177/096394702092> (accessed March 28, 2024)
14. Gunn N. The poetics of attention in Old English verse: A cognitive stylistic approach to the depiction of Grendel in Beowulf. *Language and Literature: International Journal of Stylistics*, 2023, vol. 32, no. 3, pp. 329-354. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/09639470231177583> (accessed March 27, 2024)
15. Keen S. Introduction: Narrative and the Emotions. *Poetics Today*, 2011, vol. 32, no. 1, pp. 1-53. URL: <https://read.dukeupress.edu/poetics-today/article/32/1/1/21031/Introduction-Narrative-and-the-Emotions> (accessed March 27, 2024)
16. Maat H.P., Sanders T. Subjectivity in causal connectives: An empirical study of language in use. *Cognitive Linguistics*, 2002, vol. 12, is. 3, pp. 247-273. URL: https://www.researchgate.net/publication/46613766_

Subjectivity_in_causal_connectives_An_empirical_study_of_language_in_use (accessed March 26, 2024)

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Строилова Алевтина Георгиевна, кандидат филологических наук,
доцент
*Национальный Исследовательский Ядерный Университет
МИФИ
Каширское ш., 31, г. Москва, 115409, Российская Федерация
310061@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alevtina G. Stroilova, PhD in Philology, Associate Professor
*National Research Nuclear University MEPHI
31, Kashirskoe sh., Moscow, 115409, Russian Federation
310061@mail.ru*

Поступила 02.04.2024
После рецензирования 30.05.2024
Принята 20.06.2024

Received 02.04.2024
Revised 30.05.2024
Accepted 20.06.2024

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-428

УДК 130.2:7.034

Научная статья | Философия религии и религиоведение

**ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕАЛЬНОГО
ОБРАЗА В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ****Т.Г. Йованович**

В статье дается анализ эстетических аспектов идеального в качестве отражения субъективного понятия в рамках философских концепций мыслителей эпохи Возрождения Н. Кузанского, М. Фичино, Л. Альберти, Л. да Винчи. Автор рассмотрел определенные эстетические аспекты в контексте категориального триединства «идеальное-прекрасное-красивое». Данное исследование может стать основой для изучения индивида эпохи Возрождения с точки зрения его активного мировосприятия сущностной и прагматической основы существования, имеющего абсолютное зрение, способного к созданию идеальных образов.

***Актуальность работы** обусловлена интересом к изучению данного аспекта прикладной эстетики как в нашей стране, так и за рубежом в связи с научным развитием изучения возможностей человека.*

***Цель** – анализ и изучение концепций философов эпохи Возрождения для выявления значения триединства «идеальное-прекрасное-красивое» в контексте актуализации исследования идеального образа при субъективно-индивидуальном зрительном восприятии.*

***Материалы и методы.** Методом исследования является сопоставительный анализ; метод интерпретации научных философских работ; метод синтеза и аналогии.*

Результаты. *Изучены работы мыслителей эпохи Возрождения с целью уточнения понятия идеального образа. Показано, что идеальные образы материализуются в субъективном пространстве индивида в предметах, так как их прагматическая ценностно-ориентированная составляющая выделяется в ряде подобных ему объектов. Проанализированы признаки идеального или абсолютного в объекте, которые стали частью сущностной основы объективной действительности в эпоху Возрождения, выделены качества человека данной эпохи, определена его идеальность в субъективном пространстве.*

Ключевые слова: *идеальная реальность; зрительное субъективно-индивидуальное восприятие; совершенное видение; внутренняя и внешняя красота; прагматическая сущность образа; субъективное пространство*

Для цитирования. *Йованович Т.Г. Эстетические аспекты идеального образа в философских концепциях эпохи Возрождения // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 2. С. 156-172. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-428*

Original article | Philosophy of Religion and Religious Studies

AESTHETIC ASPECTS OF IDEAL IMAGE IN THE PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF RENAISSANCE

T.G. Yovanovich

The article analyzes the aesthetic aspects of the ideal as a reflection of the subjective concept within the philosophical concepts of Renaissance thinkers N. Kuzansky, M. Ficino, L. Alberti, L. da Vinci. The author considered certain aesthetic aspects in the context of the categorical trinity “ideal-beautiful-beautiful”. This study can become the basis for the study of the Renaissance individual in terms of his active world-view of the essential and pragmatic basis of existence, having absolute vision, capable of creating ideal images.

*The **relevance of the work** is due to the interest in the study of this aspect of applied aesthetics both in our country and abroad in connection with the scientific development of the study of human capabilities.*

*The **purpose** is to analyze and study the concepts of Renaissance philosophers to reveal the meaning of the trinity “ideal-beautiful-beautiful” in the context of actualization of the study of the ideal image at subjective-individual visual perception.*

***Materials and methods.** The method of research is comparative analysis; method of interpretation of scientific philosophical works; method of synthesis and analogy.*

***Results.** The works of Renaissance thinkers were studied in order to clarify the concept of ideal image. It is shown that ideal images materialize in the subjective space of an individual in objects, as their pragmatic value-oriented component is highlighted in a number of objects similar to it. The signs of the ideal or absolute in the object, which became part of the essential basis of objective reality in the Renaissance, are analyzed, the qualities of the person of this era are highlighted, and his ideality in the subjective space is defined.*

***Keywords:** ideal reality; visual subjective- individual perception; absolute vision; internal and external beauty; pragmatic image essence; subjective space*

***For citation.** Yovanovich T.G. Aesthetic Aspects of Ideal Image in the Philosophical Concepts of Renaissance. *Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues]*, 2024, vol. 16, no. 2, pp. 156-172. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-428*

Актуальность работы обусловлена интересом к изучению аспекта прикладной эстетики как в нашей стране, так и за рубежом в связи с научным развитием изучения возможностей человека.

Цель настоящей статьи состоит в изучении концепций философов эпохи Возрождения для выявления значения триединства «идеальное-прекрасное-красивое» в контексте актуализации исследования идеального образа при субъективно-индивидуальном зрительном восприятии. В соответствии с целью были сформули-

рованы следующие **задачи**: изучить генезис триединства «идеальное-прекрасное-красивое» в контексте идеального образа в концепциях философов эпохи Возрождения; определить способы видения мира во внутреннем и внешнем проявлении сознания личности; изучить эстетические концепции о гармонично развитой личности в философских работах исследуемого периода.

Новизна исследования заключается в уточнении признаков триединства «идеальное-прекрасное-красивое», которые сосредоточены не только в материальном образе созерцаемого предмета, но и в особенности его восприятия и познания. Обсуждаются возможности человека в эпоху Возрождения, который становится объектом познания, как творец своей личности, мыслящий и чувствующий, создатель шедевров в искусстве и природе. Отмечено, что идеальные образы создавались в результате мыслительной деятельности индивида при его созерцании объектов материального мира, преломляясь через его внутреннее мировосприятие действительности. В связи с этим, определена парадигма изучения индивида эпохи Возрождения, как органично взаимодействующего в пространстве, наполняющего окружающие его образы категорией прагматической сущности и внутренней красотой.

Объектом исследования является соотношение внутреннего и внешнего мировосприятия идеальных образов в контексте индивидуального отражения действительности.

Материалом для исследования послужили концепции философов эпохи Возрождения, а также научные публикации отечественных и зарубежных авторов по теме исследования.

Методом исследования является сопоставительный анализ, позволяющий рассмотреть концептуальные основы философской мысли изучаемой эпохи; метод интерпретации научных философских работ; метод синтеза и аналогии для систематизации изученных аспектов в исследовании идей мыслителей эпохи Возрождения.

Результаты и обсуждение

Период эпохи Возрождения представляет собой новационный этап в областях знаний культуры, политики, науки, эстетической

мысли в конце XIV - первой четверти XVI века. Произошло расширение городов за счет постоянного развития промышленности, что в свою очередь потребовало более совершенного оборудования, углубления знаний в области естественных и технических наук. К нововведениям этого времени относят изобретение и развитие книгопечатания в 1425 году в Германии Иоганном Гутенбергом, что в значительной степени способствовало распространению трактатов, учебников, научных идей мыслителей того времени. Весь полученный инновационный опыт того времени приводит к дальнейшей и устойчивой тенденции распространения прогрессивных научных учений [6].

Меняется менталитет человека эпохи Ренессанса, выявлен постепенный отказ от аскетичного толкования в отношении своих субъективных потребностей и жизненных предпочтений, отрицание индивидуального отражения реальности, как творческого и исключительно индивидуального потенциала личности, доминирующее мнение о божественном влиянии на бихевиаристические и когнитивные предпочтений личности, распространенное в античной и средневековой философии. В эпоху Возрождения отмечено колоссальное переосмысление мироустройства в связи с активным интересом к восприятию реальной жизни личности, проявлении триединства «идеальное – прекрасное – красивое» во внутреннем и внешнем сознании личности.

Данный период отмечен рядом имен, заслуженно считающимися лидерами философской и творческой мысли, это Н. Кузанский, М. Фичино, Л. Альберти, Л. да Винчи, Микеланджело Б. Особое значение в это время уделялось изучению гармонично развитой личности, соотношению внутреннего и внешнего мировосприятия индивида, осознающего свою индивидуальность независимо от божественного начала.

Однако, в выдающемся трактате «О видении бога» [4, с. 45] немецкий философ Николай Кузанский отождествляет красоту индивида с божественным началом. В его концепции признается триединство совершенства, воплощенное в предмете любования,

предмете желания, связи того и другого. Эти составляющие не находятся в иерархической зависимости, соотносятся друг с другом по принципу единения и проникновения одного в другое.

Н. Кузанский, отходя от концепций философов-гуманистов, обожествляет окружающую действительность, связь с Богом пронзает в его трактатах все мысли и желания человека, поэтому красота содержится во всех проявлениях бытия. Он считает, что «в мире существует только красота, как универсальное свойство природы и бытия вообще» [4, с. 47].

Божественное начало в индивиду он наделяет совершенным качеством - абсолютным зрением, которое способно проникнуть в самую суть созерцаемого, понять первопричину происходящего, увидеть мир всевидящим зрением. Он считал, что зрение неотделимо от разума, настроения и целеполагания смотрящего, поэтому один и тот же предмет можно рассмотреть с разными субъективными эмоциями, присущими реципиенту в определенный момент.

Однако, возможность смотреть на предметы, исключая субъективное отношение, наделяет абсолютное зрение «возможностью ощутить истиннейший прообраз (exemplar)» [4, с. 218]. Оно вбирает в себя все способы видения мира, причем, они остаются независимы друг от друга. Совершенное видение присутствует, когда созерцаемое необходимо конкретизировать особыми признаками, следовательно, без него предмет не будет обладать особыми, персонифицированными чертами.

Кузанский считал, что именно Бог управляет направлением нашего зрения, указывая на предметы нужные индивиду для создания его мировоззренческого пространства в соответствии с субъективным мировосприятием. Глубина внутреннего видения и охват созерцаемых предметов зависит от субъективных возможностей индивиду к познанию, а также желанием Бога наделить его даром абсолютного видения. Определить божественное начало в предмете способен только индивид, противостоящий осмыслению образа через обычное объективное восприятие и использующий наполненность предмета без внутреннего содержания. Божественное начало

способно проявить себя в индивиде через красоту, которая становится видимый именно благодаря внутреннему содержанию [7].

Свершение нравственных поступков зависит от присутствия в индивиде абсолютного начала, которое, по мнению Кузанского, защищает его от неверных действий, помыслов и слов. Следовательно, подчинение чувственного восприятия разумному осмыслению дает возможность достигнуть предельного максимума своих внутренних способностей при постижении возможностей абсолютно зрения.

На достижение понимания внутреннего значения видимости, выраженного внешним обликом предмета, способен человек с абсолютным видением под надежным руководством «божественной силы». Такой индивид смог преодолеть «преграду невозможности» [4, с. 39], состоящую из субъективных нравственных качеств личности, которые он смог исправить, несмотря на обстоятельства, препятствующие данной форме постижения видимой реальности.

Н. Кузанский считал, что индивид поставлен обстоятельствами в ситуации решающего выбора, когда необходимо принять верные нравственные решения, которые определены субъективными качествами личности и внешнем разумным поведением. Индивид совершает необходимые в определенной ситуации морально-нравственные поступки, которые невозможно выполнить без обретения разумного начала абсолютного зрения [9]. Разумным интеллектом абсолютного зрения способен обладать только человек, способный к постижению эстетических аспектов устройства мироздания.

Н. Кузанский в своей работе «О видении Бога» выделяет божественное начало в человеке, как «интеллектуальную природу» [4, с. 345], которое наполняет тело разумным животворящим действием. Следовательно, внутренняя красота всегда сопровождается проявлением внешних абсолютных качеств индивида.

Одним из последователей эстетической мысли Платона об абсолютной реальности идей стал итальянский философ-гуманист Марсилио Фичино (1433-1499). В его философских работах понятие о божественном начале человека, разделено на божественную, духов-

ную и телесную красоту. По мнению М. Фичино, ментальная красота преобладает и является более важной, чем телесная. Однако, когда происходит слияние двух начал в человеке, прекрасная душа делает красивым и тело, наполняя его божественным сиянием [3].

Философ признает триединство познания красоты - через разум, зрение и слух. Для более устойчивого и надежного зрения недостаточно просто сделать глаза зоркими, а тело гармонично сложенным. М. Фичино признает наличие определенного дара, трактуя его «божественным светом» [11], который помогает видеть предметы яснее, оберегает и хранит от негативного совершения действий. Полагается, что человеку легче увидеть, и распознать красоту души, если она находится в реальном телесном облике, красота проникает во все: в сознание, душу, природу, тело, являясь определенным «божественным лучом» [11, с. 78]. При таком взаимодействии происходит усиление и насыщение предмета созерцания «ярким светом» [11, с. 45]. Это проникновение отражается во всем, что находится в поле зрения человека, который обладает божественным внутренним светом красивой души, а также придает онтологический статус образу. М. Фичино считал, что «красота же души есть сверкание, проявляющееся в согласии учености и нравов. Этот свет тела не воспринимает ни слух, ни обоняние, ни вкус, ни осязание, но только зрение. А коль скоро одно лишь зрение воспринимает его, то одно оно и наслаждается им» [14, с. 125].

По мнению философа, человеку важно обладать приобретаемыми качествами в определенной пропорции: благоразумием, храбростью, справедливостью и умеренностью. Каждый обладает какой-то чертой характера в большей или меньшей степени. Однако, благоразумие является важнейшим качеством, которое поможет обрести гармонию и добиться самодостаточности через осмысление и приращение в реальном опыте [14, с. 57].

Красота постижима в формах свершения сбалансированных поступков, ментального сознания в процессе созерцания образа предмета, а не балансирует в сторону его физической оболочки. Таким образом, красота предмета созерцания не детерминируется в об-

разе физического совершенства, а представляет собой гармонию и с внутренней материей. Следовательно, необходимо учитывать, что красота представляет собой общее, а именно, реальное и ментальное.

М. Фичино использует понятие «божественная красота» для определения света, исходящего от объекта или индивида, «рассматривая в них то, что ему родственно» [14, с. 235]. Реальные первообразы он считает родственными и узнаваемыми на ментальном уровне, мы постигаем душу через форму телесного образа, так внешнее распознается на субъективном уровне.

М. Фичино, соглашаясь с Платоном, писал о «божественной красоте», как о высшей истине, проникающей в ментальный и телесный образ. Красоту души он определял «как сверкание, проявляющееся в согласии учености и нравов. Этот свет тела не воспринимает ни слух, ни обоняние» [14, с. 40].

Из данного высказывания следует, что красоте свойственна гармония в корреляции с онтологическим статусом, который она занимает в определенном образе.

Эти суждения привели Фичино к пониманию дефиниции красоты, как гармонии реального телесного образа, рассматриваемого параллельно с морально-нравственным статусом ментальной составляющей индивида, именно так представляется всеохватность в зримом восприятии [8].

Красота внутреннего образа индивида, балансирование реального и ментального, проявляется в поведении и суждениях, тем самым обеспечивая гармоничную идейную сущность внешнего облика [10, с.108].

М. Фичино определяет внутреннее совершенство души как данное благо, которое, в свою очередь, порождает совершенство внешнее, то есть красоту телесного образа. Самое прекрасное или высшая красота содержит в себе всеобщее желание, оно «приятно, совершенно и блаженно» [10, с. 56] Если эта красота привлекла и озарила внутренний мир смотрящего, то он сам становится совершеннее. На основании красоты реального образа, мы предполагаем, что в нем и красивая душа. Фичино предлагает убраться с теле-

сной формы «тягость материи», раздвинуть пространственные и временные рамки, тогда можно увидеть красоту души. «Конечно, саму душу мы не воспринимаем зрением и потому не воспринимаем зрением ее красоту. Видим же мы тело, которое есть тень и образ души. И, догадываясь на основании ее образа, мы предполагаем, что в красивом теле существует прекрасная душа» [10, с. 79].

М.Фичино описывает красоту, как «некое сияние», исходящее от чистой, свободной от тяжелых образов и поступков души. Это сияние, по мнению философа, привлекает к себе другие души, которые распознав красоту, тянутся друг к другу.

Особый вклад в развитие эстетической мысли эпохи Возрождения и рассмотрение генезиса триединства «идеальное-прекрасное-красивое» внес итальянский мыслитель Леон Баттиста Альберти (1404-1472). Свойственная этому философу многосторонность интересов нашла отражение в его трактатах «О зодчестве», «О живописи», «О статуе».

Областью познания и развития его философской мысли стала архитектура, живопись, искусство. Альберти в своих трактатах ставил ориентир на античную архитектуру, считая ее основополагающей и идеальной основой для создания новых образов, однако, не подражая полностью художникам античности. Определенное место в его творчестве занимает понятие «красота». Альберти популяризировал концепцию реалистичного стиля изображения, считая, что создателю следует изображать объекты красивыми, но точными, выявляя самые лучшие и гармоничные образы. Теория о гармонии предметов окружающей действительности [1, с. 83] подчинена общему закону о создании всех окружающих предметов. Красота является идеальной моделью эстетически совершенных свойств предмета.

Красота образа состоит в гармоничном сочетании пропорций внутреннего и внешнего облика. Красота воспринимается через зрительные образы и становится доступна для понимания, через разумное и чувственное восприятие познающего ее. Различать красоту помогает особое чувство «врожденное душам знание». В трактате «О зодчестве» Альберти рассуждает о красоте и украшении для зданий

и сооружений, высказывается, что «настоящая красота архитектуры может быть распознана и зрительно (внешне), а также разумом человека (внутренним чувством)» [1, с. 59]. Таким образом, гармоничный образ содержит красоту стиля, его благородство в украшениях и расположении форм. В трактатах Альберти красота рассматривается применительно к великим или божественным вещам, поскольку «редко, когда самой природе дано произвести на свет что-нибудь законченное и во всех отношениях совершенное» [1, с. 137].

Величайший итальянский просветитель эпохи Возрождения Леонардо да Винчи (1452-1519) воплотил в своих произведениях идею всесторонне развитой гармоничной личности. Он считал, что именно зрение имеет особое сущностное значение для человека в осознании окружающей действительности, чувственно воспринимаемой реальности, ведущей к гармоничному слиянию с природой и искусством «во благо мировой гармонии» [5].

Именно поэтому, Да Винчи уделяет особое внимание живописи, обозначив природные наклонности творца к изображению действительности через личное восприятие, внося в произведение искусства личный отпечаток, добиваясь идеального гармоничного образа. Он использовал субъективный подход в концепции зрительного выражения реальности окружающей действительности через призму индивидуальности и осознанного выбора в приемах воплощения предметов материального мира [17]. Таким образом, смотрящий видит изображение действительности, отраженное от личного восприятия художника.

Да Винчи познавал мир в гранях его противоположностей, реализуя в своем творчестве как гармоничные образы, так и стремящиеся к совершенству через познание и мудрость личности. Красота, по его мнению, постигается через гармонию отдельных граней, также задействовано познание внутреннего мира человека в контексте сущностных активных функций индивида [18, с. 206]. Не всегда красота представлена внешними проявлениями, а показывает богатство внутреннего мира, а также субъективное отношение и видение смотрящего. Метаморфозу образа через гиперболизированное украшение

считал не достоинством, а чрезмерным увлечением творца, неверным толкованием красоты, излишним действием для разумной личности, а именно, «среди человеческих красот красивейшее лицо останавливает проходящих, а не богатая вещная форма» [18, с.180].

Мыслители эпохи Возрождения выделяли концептуальные основы идеального в качестве отражения субъективного понятия объективной действительности. Все материальные объекты визуальной действительности имеют определенное ценностное значение для субъективного мировосприятия в определенной ценностно-познавательной среде индивида.

Различия внутреннего ценностного значения в определенном субъективном пространстве материализуется в предметах, как их прагматическая ценностно-ориентированная составляющая, выделяя его в ряде подобных ему объектов, Внутренняя наполненность предмета имеет важное воплощение в материальной структуре, представляющей ценностное наполнение данного объекта и выделяя его по признакам, которые присущи только данному предмету, причем в абсолютной форме [20]. Индивид, выбирая определенный предмет из ряда подобных, определяет его идеальность в своем субъективном пространстве. Общественное окружение и мнение во многом определяет его выбор и подталкивает в принятие решения по идеализации предмета. Признаки идеального или абсолютного в предмете становятся частью общего сознания мировосприятия человека периода эпохи Возрождения.

Следовательно, признак идеальности находится не только в материально-внутреннем образе созерцаемого предмета, а также в индивидуальном отношении и внутреннем восприятии реципиента [19].

В силу того, что человек в эпоху Возрождения становится объектом познания, как творец своей личности, мыслящий и чувствующий, создатель шедевров в искусстве и природе. Создание идеального образа происходило в результате мыслительной деятельности индивида, от созерцания объектов материального мира и их отражения во внутреннем мировосприятии действительности. Идеальное является абсолютно гармоничным с внешним миром, отождествляется реальный предмет с абсолютной красотой [15].

В эту эпоху индивид органично взаимодействует в идеальном пространстве, наполняя окружающие образы категорией прагматической сущности и внутренней красотой. Идеальное не существует отдельно от индивида во внешнем мире, оно представляет собой особую форму созерцательного образа, воплощенного в материальном облике сознания.

Абсолютную материальную форму идеальное приобретает за счет наполнения внутреннего содержания особыми отличительными признаками, представляющие особую ценность для индивида и воплощенных в конкретный материальный образ.

Следовательно, мыслительный первообраз идеального возникает в разумной структурированной форме активности индивида [2]. Чувственно воспринимаемая материя реализуется во внешней форме, становится идентичной внешнему миру, наполняется внутренним содержанием абсолютной красоты.

Исходя из того, что идеальное становится частью материального мира, индивид, имеющий абсолютное зрение, способен воплощать его в формы, исходя из активной способности к мировосприятию сущностной и прагматической основы существования идеального предмета созерцания.

Критериями для обоснования признания предмета идеальным являются такие, как всеобъемлемость индивидуальности, единственность, самодостаточность, корреляция, инклюзивность, гармоничность.

Уровень максимальной наполненности истинными качествами содержится в точке Абсолют, достижение которой требует значительных внутренних и внешних качеств индивида в области свершения его преднамеренно разумных действий в ходе активного взаимодействия с окружающими реалиями [12].

Существует качество совершенства, оно достигается за счет преодоления всех признаков, которые имеются в реальности с учетом критериев их улучшения в пределах одного созерцаемого предмета, что указывает на его валидность [13].

Таким образом, все идеальные образы появляются, когда индивид, наделенный абсолютным зрением, создает предмет, наполняя

его внутренним содержанием, а общество имеет прагматический интерес использования этого объекта [21].

Заключение

Как видно из проведенного исследования, эпоха Возрождения стала основой для развития философских концепций мыслителей разных стран. Отмечено единство в стремлении показать красоту внешнего и внутреннего облика человека через взаимодействие с окружающим миром. Личностно-материальная эстетическая концепция соотносит абсолютную красоту разумной деятельности индивида и его интеллектуальный потенциал, не соотнося при этом его возможности с влиянием божественного начала. Следовательно, человека в эпоху Возрождения наделяли качествами абсолютного разума и чувственной наполненности, отождествляя его со свободной внутренне наполненной личностью с безграничными интеллектуальными и творческими возможностями, идеальным внешним образом. Эстетическая основа философских концепций впервые связана с разумным восприятием действительности, которое преобладает над чувственным мировосприятием. Для данной эпохи характерен также субъективный подход к познанию сущности жизненного мироустройства, получению знаний и творческих навыков, независимо от их религиозной и морально-нравственной наполненности.

Список литературы

1. Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве: В двух томах. М., 1935-1937. 437 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М.: Мысль, 1977. 471 с.
3. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М.: Канон+, 2002. 368 с.
4. Кузанский Н. О видении Бога. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1980. 471 с.
5. Кули Ч. Человеческая природа и социальный порядок. 320 с. URL: https://royallib.com/book/kuli_charlz/chelovecheskaya_priroda_i_sotsialniy_poryadok.html

6. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М.: Мысль, 1998. 750 с.
7. Нагель Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 107.
8. Платон. Собрание сочинений в 4 т. / Пер. с древнегреческого. М.: Мысль, 1991-1994.
9. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2022. 72 с. URL: <https://fictionbook.ru/static/trials/03/93/30/03933075.a4.pdf>
10. Столович Л.Н. Философия красоты. М.: Политиздат, 1978. 118 с.
11. Фичино М. Платоновская теология о бессмертии души в XVIII книгах. СПб.: Владимир Даль, 2020. 832 с.
12. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. М.: Идея – Пресс, 1999. 240 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_nauki/flek_ljudvik_vozniknovenie_i_razvitie_nauchnogo_fakta/51-1-0-762
13. Шохин В.К. Опыт стратификации реальности у Френсиса Брэдли, его критики и персоналистическая альтернатива // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 1. С. 54-71.
14. Bradley F. Appearance and Reality: A Metaphysical Essay. L.: George Allen and Unwin, 1893. 570 p.
15. Butler R. «Brains and Behavior». Analytical Philosophy. Oxford: Basil Blackwell. Putnam, H., 1967. 257 p.
16. McGinn C. The Problem of Consciousness. Oxford: Basil Blackwell, 1991. 216 p.
17. Muscio B. Degrees of Reality // The Philosophical Review. 1913. Vol. 22. No. 6. P. 583-605.
18. Searle John. The Rediscovery of the Mind. Bradford Books. The MIT Press, Camb., Mass, London, England, 1992. 242 p.
19. Searle J.R. Minds, Brains, and Science: The 1984 Reith Lectures. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 290 p.
20. The Mind's New Science: A History of the Cognitive Revolution. New York: Basic Books. Gazzaniga, M. S., 1970. 416 p.
21. The Mental Life of Some Machines // Philosophical Papers, 1975. P. 408-428. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/philosophical->

papers/mental-life-of-some-machines/9385B3E3B44C09C9710270FD5AD84B91

References

1. Alberti L.-B. *Ten books on architecture*: In two volumes. M., 1935-1937, 437 p.
2. Hegel G.W.F. *Encyclopedia of Philosophical Sciences*. Vol. 3: *Philosophy of Spirit*. Moscow: Mysl Publ., 1977, 471 p.
3. Dubrovsky D.I. *Problem of the Ideal. Subjective Reality*. Moscow: Canon+ Publ., 2002, 368 p.
4. Kuzansky N. *On the Vision of God*. Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl Publ., 1980, 471 p.
5. Cooley C. *Human Nature and Social Order*. 320 c. URL: https://royallib.com/book/kuli_charlz/chelovecheskaya_priroda_i_sotsialniy_poryadok.html
6. Losev A.F. *Aesthetics of the Renaissance. The Historical Meaning of the Aesthetics of the Renaissance*. Moscow: Mysl Publ., 1998, 750 p.
7. Nagel T. The Thinkability of the Impossible and the Problem of Spirit and Body. *Voprosy filosofii*, 2001, no. 8, p. 107.
8. Plato. *Collected Works in 4 vols*. Moscow: Mysl Publ., 1991-1994.
9. Rubinstein S.L. *Being and Consciousness*. SPb.: Peter Publ., 2022, 72 p. URL: <https://fictionbook.ru/static/trials/03/93/30/03933075.a4.pdf>
10. Stolovich L.N. *Philosophy of Beauty*. Moscow: Politizdat Publ., 1978, 118 p.
11. Ficino M. *Plato's Theology on the Immortality of the Soul in XVIII books*. SPb.: Vladimir Dahl Publ., 2020, 832 p.
12. Fleck L. *The emergence and development of scientific fact*. M.: Idea-Press Publ., 1999, 240 p. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_nauki/flek_ljudvik_vozniknovenie_i_razvitie_nauchnogo_fakta/51-1-0-762
13. Shokhin V.K. Experience of reality stratification in Francis Bradley, his critics and personalistic alternative. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophical Journal], 2023, vol. 16, no. 1, pp. 54-71.
14. Bradley F. *Appearance and Reality: A Metaphysical Essay*. L.: George Allen and Unwin, 1893, 570 p.

15. Butler R. *"Brains and Behavior."* *Analytical Philosophy*. Oxford: Basil Blackwell. Putnam, H., 1967, 257 p.
16. McGinn S. *The Problem of Consciousness*. Oxford: Basil Blackwell, 1991, 216 p.
17. Muscio B. Degrees of Reality. *The Philosophical Review*, 1913, vol. 22, no. 6, pp. 583-605.
18. Searle John. *The Rediscovery of the Mind*. Bradford Books. The MIT Press, Camb., Mass, London, England, 1992, 242 p.
19. Searle J.R. *Minds, Brains, and Science: The 1984 Reith Lectures*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984, 290 p.
20. *The Mind's New Science: A History of the Cognitive Revolution*. New York: Basic Books. Gazzaniga, M. S., 1970, 416 p.
21. The Mental Life of Some Machines. *Philosophical Papers*, 1975, pp. 408-428. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/philosophical-papers/mental-life-of-some-machines/9385B3E3B44C-09C9710270FD5AD84B91>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Йованович Тамара Георгиевна, к.п.н., доцент кафедры «Иностранные языки»
*Волгоградский государственный технический университет
пр-т Ленина, 28, , г. Волгоград, 400005, Российская Федерация*
jovanovic.tamara5@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Tamara G. Yovanovich, PhD, Associate Professor of Foreign Languages Department
*Volgograd State Technical University
28, Lenin Ave., 400005, Volgograd, Russian Federation*
jovanovic.tamara5@yandex.ru

Поступила 27.03.2024

После рецензирования 15.04.2024

Принята 03.05.2024

Received 27.03.2024

Revised 15.04.2024

Accepted 03.05.2024

DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-402

УДК 321.01

Научная статья | Социальная и политическая философия

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ТЕОРИИ ПРАВА Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО

А.К. Ерохин

Статья посвящена масштабной теории права Л. И. Петражицкого, чьи работы наполнены новыми идеями в методологии, психологии и философии права.

Основная цель статьи – исследовать разработанную Петражицким ментальную структуру сознания, адаптируемую к широкому диапазону правовых норм и субъективных оценок содержания правового опыта.

Методология и методы. Использован диалектический метод обсуждения работ Л. И. Петражицкого, дополненный методами дедукции и критического анализа.

Результаты. По мнению Петражицкого – право в самом себе содержит дихотомию индивидуального должностования и внешних предписаний для выполнения обязанностей. Понимание внутренних императивов формируется в сознании под влиянием правового опыта, получаемого в обыденной жизни. На этой базе формируется интуитивное право, определяющее отношение человека к общественной деятельности и личному поведению. Идея интуитивного права проходит через все произведения Петражицкого, что дает ему возможность выстроить концепцию исторически неразрывной связи морали и права. В результате такой связи происходит правильное формирование правовых норм, изменение общественной жизни, движение к общему благу и справедливости. Делается вывод о том, что главный вклад Л. И. Петражицкого в теорию и философию права заключается в его твердом убеждении единства права, морали и психологии, как отличительной характеристики интуитивного права от позитивного права.

Практическое применение результатов исследования. Результаты работы могут быть использованы для дальнейших исследований плодотворных идей Л. И. Петражицкого в сфере философии и теории права.

Ключевые слова: интуитивное право; мораль; интроспекция; справедливость; долг; императив; психологический импульс; позитивное право

Для цитирования. Ерохин А.К. Философско-этическая методология теории права Л.И. Петражицкого // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 2. С. 173-195. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-402

Original article | Social and Political Philosophy

PHILOSOPHICAL AND ETHICAL METHODOLOGY OF L.I. PETRAZYSKI'S LAW THEORY

A.K. Erokhin

The article is devoted to the large-scale L. I. Petrazyski's theory of law, which is filled with new ideas that introduced into methodology, psychology and philosophy of law.

The article is targeted to explore the mental structure of consciousness developed by Petrazyski, which is adaptable to a wide range of legal norms and subjective standards for assessing the content of legal experience.

Methodology and methods. The dialectical method of discussion was used, supplemented by the deductive method and the method of critical analysis.

Results. According to Petrazyski, law itself contains a dichotomy of individual imperative and external instructions for fulfilling duties. Understanding of internal imperative is formed in the mind under the influence of legal experience gained in everyday life. On this basis, an intuitive right is formed that determines a person's attitude to social ac-

tivities and personal behavior. The idea of intuitive law runs through all of Petrazyski's works, which gives him the opportunity to build the concept of a historically inextricable connection between morality and law, resulting in the correct formation of legal norms, changes in social life, and movement towards the common good and justice. It is concluded that Petrazyski's main contribution to the theory and philosophy of law lies in his firm belief in the unity of law, morality and psychology, as a distinctive characteristic of intuitive law from positive law.

Practical implication. *The results of the work can be used for further research into Petrazyski's philosophical and legal ideas of law.*

Keywords: *intuitive law; morality; introspection; justice; duty; imperative; psychological impulse; positive law*

For citation. *Erokhin A.K. Philosophical and Ethical Methodology of L.I. Petrazyski's Law Theory. Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 2024, vol. 16, no. 2, pp. 173-195. DOI: 10.12731/2077-1770-2024-16-2-402*

Введение

Лев Иосифович Петражицкий (1867-1931), русско-польский юрист, правовед первых десятилетий XX века привлекает внимание исследователей его творчества новыми идеями, внесенными им в изучение философии и психологии права. Его называют одним из основоположников правового реализма, учения, акцентирующего внимание не на метафизике права, а на реальном функционировании правовой системы и ее влиянии на общество [22; 23]. Для обоснования своих взглядов, Петражицкий предложил концепцию «права как ценности», основной посыл которой заключается в том, что право и закон должны быть основаны на высших ценностях и принципах морали [13; 14; 15; 16]. Он был уверен, что предложенный им подход к трактовке феномена права, учитывающий исторический контекст и духовные ценности общества, послужит методологической основой для понимания права. Точнее речь в его теории идет о способах и условиях формирования и функционирования правовой системы в конкретной культурной среде с учетом ценно-

стей, господствующих в моральном сознании индивидов, отраженных в справедливом и этически обоснованном законодательстве.

Петражицкий придает этической стороне законодательства особый статус. Вопреки базовым принципам юридического позитивизма, он утверждает, что моральные ценности и нормы играют ключевую роль в формировании правовой системы и определяют ее содержание. Понимание требований моральных норм и их взаимодействие с правом помогает глубже вникнуть в этические дилеммы и конфликты, неизбежно возникающие при столкновении безличного юридического закона и интуитивного морального чувства справедливости. Поэтому изучение моральных аспектов в праве необходимо для разработки эффективных и справедливых правовых решений.

В то же время оригинальная философия права Л.И. Петражицкого вызывает дискуссии среди юристов из-за своей контroversиальности и нестандартного требования преобладания «духа права» над «буквой закона», что, в свою очередь, предполагает постоянное изменение правовых норм и развитие правовой системы на основе новых социокультурных реалий.

Многие юристы считают, что философия права Петражицкого слишком радикальна и несовместима с традиционными представлениями о праве, в том числе с понятием нормативности и стабильности правовой системы [4; 9; 17; 26]. Однако ученики Петражицкого, такие как П. Сорокин, Г. Гинс, Г. Гурвич, К. Соколов, А. Круглевский, Н. Тимашев и другие, а также современные исследователи считают, что идеи Петражицкого могут быть полезными для развития современного юридического мышления и помочь адаптировать правовую систему к изменяющимся условиям общества [1; 6; 20; 27].

Именно в силу дискуссионности и провокативности идей Л. И. Петражицкого интерес к его работам не угасает. Обращение к базе Google Academia выявило около 2300 работ разных периодов, посвященных его творчеству. Исследовательские работы охватывают широчайший спектр вопросов из разных областей гуманитарных,

социальных, юридических и экономических наук. В основном исследователи сосредоточены на юридических, правовых психологических выводах теории Л. И. Петражицкого. Что же касается этических взглядов, то, исследований на эту тему не так уж много. А между тем его радикальная правовая теория предоставляет новые возможности для переосмысления вопросов о роли морали в концепции права и о значении права как выражения культуры. В основном, на эту часть теории Петражицкого обращают внимание философы, культурологи, иногда религиоведы. В круг их интересов входят такие проблемы как различие между моралью и правом [2; 7; 8; 12; 21]; полемика с современниками Петражицкого о естественном и позитивном праве в соотношении с обычаями и моральными нормами [3; 11]; развитие морально-правовых принципов в истории философии [19; 22]; этическая трактовка справедливости [18; 21].

Интерес к теории Л.И. Петражицкого проявляют ученые и других стран, в первую очередь польские ученые, хотя и в этом случае основная часть работ сосредоточена на обсуждении политики и социологии права и сравнении его теории с теориями других правоведов, в частности Р. Паунда [5; 10; 25; 28; 29; 30].

Цель настоящей статьи – представить правовую теорию Л. И. Петражицкого как ресурс для переосмысления вопросов о значении взаимосвязи права и морали.

Методы

В качестве исследовательской базы использованы важнейшие труды Л. И. Петражицкого, написанные им в конце XIX - начале XX столетия. Для исследования его философских взглядов на мораль и право использован диалектический метод, предполагающий поиск ответов на поставленные вопросы. Диалектический метод дополняется дедуктивным методом, позволяющим с помощью логических выводов перейти от общих идей к конкретным умозаключениям. Кроме того, применяется метод критического анализа, позволяющий погрузиться в тексты изучаемых произведений и оценить отношение Л. И. Петражицкого как к традиционным правовым теориям,

так и к новым понятиям и категориям, требующим дальнейшего изучения содержащихся в них идей.

Обсуждение

Стартовая идея Л. И. Петражицкого заключается в пересмотре традиционных концепций, которые, по его мнению, не могут адекватно объяснить, что такое правовые явления. Прежде всего потому, что «в области ученой юриспруденции проявляется (более или менее сознательное или инстинктивное) стремление игнорировать изменчивые и разнообразные правовые взгляды отдельных индивидов в пользу единой и однообразной для всех системы позитивного права» [14, с. 45]. Как известно, законодатели и судьи признают только определенную единую систему правовых норм, «а все прочие нормы (и те, которые с точки зрения нашей теории являются тоже юридическими нормами) они правом не считают и не называют, относя их к области нравственности, правил приличия, «нравов» и т. п.» [14, с. 45].

В этом нежелании философов права, правоведов, юристов видеть другие возможности и других субъектов права в изменяющихся условиях, Петражицкий усматривает серьезное препятствие для развития самого права. Его собственное представление о праве базируется на диалектических противоположностях трактовки права. Во-первых, право – это психологический опыт человека, реагирующего на конкретный набор фактов и чувствующего себя при этом внутренне и добровольно обязанным исполнить в установленном порядке свой долг перед другим лицом. Во-вторых, право – это внешнее требование, предписываемое тому же лицу для исполнения. «Основными, вполне достоверными и непосредственно нами данными материалами для познания существа права являются наши внутренние психические акты. Дело в том, что право есть (этого никто не отрицает) явление не внешнего, материального мира, как, например, камень, дерево, а явление духовного мира, психическое явление, явление нашей души» [14, с. 9].

По сути, речь идет о платоновской картине «идей» прав и обязанностей, априорно существующих в душе индивида. Его теория

напоминает о том, что право не должно быть только набором правил и норм, оно должно быть выражением высших идеалов и ценностей, которыми самостоятельно руководствуется каждый индивид по мере их осознания. В случае рассогласования индивидуальных и общественных норм права, добавляет Петражицкий, можно прибегнуть к закону для урегулирования ситуации. Но закон только «нормативный факт», часть внешних данных, к которым разум человека, находящегося с кем-либо в правоотношениях, может апеллировать сознательно или неосознанно.

Петражицкий особенно критично относится к тем правоведам, которые рассматривают законы как односторонние приказы государства и правительства, исполняемые под угрозой санкций. Он решительно осуждает философские школы права, настаивающие на догматическом восприятии права как принуждения. Принуждение – говорит Петражицкий, – не является составной частью того, что мы называем правом; государство может использовать его для обеспечения соблюдения своего правопорядка, однако ошибаются те, кто объясняют юридические явления с точки зрения чисто внешних ограничений и запретов. Применение силы может быть следствием нарушения юридической обязанности, но, по существу, к праву такой подход не имеет отношения. «Теоретики (сами того не замечая), вместо того, чтобы стать на научно-теоретическую точку зрения и изучать правовые явления по их существу, не зависящему от того случайного обстоятельства, взята ли данная норма под покровительство и защиту со стороны судов, вообще органов власти и т. п., инстинктивно становятся на официальную практическо-догматическую точку зрения и отождествляют те нормы, которые удостоиваются официального признания и защиты, с правом, а все прочее считают не-правом» [14, с. 46].

В этом пассаже выражается убежденность Петражицкого в том, что право и мораль тесно связаны. Правовой и моральной опыты рассматриваются им как две отрасли этики, и в этой неортодоксальной классификации проявляется новизна его взглядов, экстраполируемая на все наблюдаемые факты. Правовые явления внешнего

мира Петражицкий свел, как следует из вышесказанного, к внутреннему опыту каждого человека. Говоря другими словами, сущность права так же, как и сущность морали заключается в убеждении людей в том, что у них есть некоторые обязательства по отношению к другим людям, но и у других субъектов права есть определенные обязательства по отношению к ним. Такой подход предполагает сведение морали и права к психологической основе. «Право есть психический фактор общественной жизни и он действует психически. Его действие состоит, во-первых, в возбуждении или подавлении мотивов к разным действиям и воздержаниям (мотивационное или импульсивное действие права), во-вторых, в укреплении и развитии одних склонностей и черт человеческого характера, в ослаблении и искоренении других, вообще в воспитании народной психики в соответствующем характеру и содержанию действующих правовых норм...» [13, с. VII].

Для обоснования своей идеи Петражицкий вводит понятие «импульса», т. е. двустороннего пассивно-активного опыта, приобретенного в ходе осознания конкретной ситуации, побуждающего индивида к действию, в соответствии со сложившейся ситуацией, которую он называет «ситуацией познания». Примером подобной ситуации может служить испытываемое человеком состояние голода [13, с. 215-220]. Но при этом Петражицкий оставляет без ответа вопрос о том, какова природа «импульсов». Ясно лишь одно, – эти импульсы нельзя приравнивать к инстинктам. Процессы, происходящие глубоко в сознании людей, необходимо тщательно анализировать, особенно в случаях рождения таких абстрактных и общих порывов как долг. Как только признается существование долга, возникает моральное побуждение, т. е. «этический импульс» («императив»).

Правомерно, что в императиве обнаруживается и атрибутивный аспект, выраженный не только в ощущении свободного долга (подать милостыню нуждающемуся), но и в исполнении обязательств, возложенных на субъекта правоотношений (например, необходимость заплатить деньги за оказание ценных услуг).

Но тогда в чем разница между правом и моралью? Из рассуждений Петражицкого следует, что это различие состоит в свободе. Моральные обязательства свободны и односторонни, они не рожают соответствующих претензий со стороны тех, кому оказывается помощь. «Такие обязанности, которые признаются свободными по отношению к другим, по которым другим ничего не принадлежит, не причитается со стороны обязанных, мы назовем нравственными обязанностями» [13, с. 50]. Другими словами, этические явления – это чисто императивные явления, и они относятся к сфере морали.

Что же касается права, то оно представляет собою обязательство с соответствующими требованиями. «Такие обязанности, которые признаются несвободными по отношению к другим, закрепленными за другими, по которым то, к чему обязана одна сторона, причитается другой стороне, как нечто ей должное, мы будем называть правовыми или юридическими обязанностями» [13, с. 50].

Значит, право есть не что иное, как «императивно-атрибутивные этические нормы феноменов». Излишне добавлять, что моральный и правовой опыт часто совпадают. Но тогда возникает закономерный вопрос, а чем они отличаются? Ответ на этот вопрос можно найти в мотивации поступков индивида.

Мотивация рассматривается Петражицким как эмоциональный процесс, возникающий на основе опыта и психологического процесса (импульса). Импульсы играют важнейшую роль в человеческом поведении в целом, а моральные импульсы, особенно. И неважно, будут ли это императивные или атрибутивные импульсы, но именно они задают индивиду определенный вектор выбора вариантов поведения, корректируемых предшествующим жизненным культурным опытом. Следует также заметить, что эмоции индивидуальны, возникают всегда «здесь и сейчас», а, значит и ощущение и понимание права ситуативно и субъективно.

Такая трактовка придает моральному обоснованию права некоторый мистический характер, в чем и видят представители юридического позитивизма противоречие концепции права Петражицкого. Речь идет о том, что благодаря такому разбросу представлений о

праве, его сфера трансформируется в «этический солипсизм» [29, р. 449], с одной стороны, а, с другой – ущемляет права всех субъектов, подчиняющихся не закреплённому юридическому праву, а праву интуитивному.

Действительно, теория Петражицкого не ограничивает психический опыт политическими, экономическими и другими рамками. Однако он постоянно повторяет, что, со временем, возникают фиксированные социальные нормы, согласовывающие различные мнения по поводу права. Тем самым с помощью культуры исключаются проявления неправового поведения. Постепенно неправовые нормы трансформируются в нормы доказательного юридического права, превращающие субъекта «реального права» в субъекта «закрепленного юридического права». При таких обстоятельствах любое право, основанное на доказательствах, вряд ли будет способствовать решимости действовать сообразно обязательствам. Только путем коллективного признания фактов социально ценными, возможно установить тесную взаимосвязь между требованиями и обязательствами. Такие «факты» известны давно, они встречаются повсеместно, оформляясь, благодаря всеобщему признанию, в кодексы, обычаи или прецедентное право. В подавляющем большинстве случаев люди не знакомы с кодексами и уставами; тем не менее, они осознают существование прав и обязанностей. Согласно этой широкой концепции права, законны даже правила игры или стремление человека получать удовольствие от жизни. Благодаря наполненности социально значимыми ценностями эти факты поддерживают существование права даже там, где нет юридических норм, и где ни один юрист традиционной школы не признал бы наличие права, хотя оно в этих ситуациях и появляется. «С точки зрения содержания юридических правил (предписываемого ими поведения) их нельзя отличить от правил иных категорий, например, правил морали, эстетики (например, правил приличия), правил техники, политики, гигиены (вообще правил целесообразности) и т. п. – просто потому, что в разных областях необязательных и обязательных, но не юридических правил, которыми руководствуются

люди, встречаются правила, по содержанию своему вполне тождественные с юридическими нормами» [13, с. 106].

Доказательства укорененности морального опыта Петражицкий находит в жизни племенных обществ и закрытых религиозных общин. И в одном, и в другом случае моральные нормы права прочно закреплены в сознании членов этих групп. В выборе своих действий они руководствуются веками выработанными «архетипами» интуитивного понимания справедливого и несправедливого, правильного и неправильного, должного и недолжного и т. д. Определяющую роль в объяснении этической стороны жизни на ранних стадиях общественного развития играли духи, божества и «антропоморфные представления» людей о природных явлениях, действия которых приобретали силу неформального закона, отклонение от которого влияло на поощрение и наказание реальных субъектов. Особенно привлекают внимание размышления Петражицкого о влиянии обычаев сохранения памяти об умерших на моральные нормы. Такого рода обычаи приобретают разнообразные формы: жертвоприношения, поминальные мотивы, выполнение завещаний, завершение потомками незавершенных дел покойного и т. п. Тем самым не только сохраняется память, но формируется уважение к предшественникам, к их историческим деяниям. В свою очередь, историческая память влияет на моральные критерии оценки, не вызывая у современников сомнений в их правильности [15, с. 119-120]. Поддерживаемые традициями, обычаями «естественные права», диктуемые сверхъестественными силами, приобретают над субъектами права власть более устойчивую, чем юридические законы. Поэтому сложно прервать действие «закона силы», «закона кровной мести» или дискриминации «чужого» пока действует психологическое чувство собственной правоты, соответствующее правовой норме определенной группы.

Примеры, на которых Петражицкий строит свою концепцию права, входят в противоречие, как с теориями естественного права, так и с теориями юридического позитивизма. Его метод, названный им интроспекцией [13, с. 10], отличался от официально признанных

методов изучения права. «Интроспективный метод, простое и экспериментальное "самопознание", является не только единственным средством наблюдения и непосредственного и достоверного познания и изучения правовых (как и нравственных) явлений, но и таким средством, без которого вообще исключена всякая возможность какого бы то ни было познания правовых (и нравственных) явлений» [13, с. 13]. Синтетическое сочетание внутреннего и внешнего наблюдения, характеризующее интроспекцию, позволило представить право не как итог кропотливой работы группы правоведов, изучающих и следующих академическим (позитивным) юридическим законам, а как внутренний акт понимания индивидом «что есть право» и чем оно подкрепляется. Так рождается представление об интуитивном праве как особом типе права, присутствующем в сознании индивидов независимо от эпох или культурных различий. Поэтому легко представить, что интуитивное право может иметь место и в современном обществе, совпадая или конфликтуя с позитивным правом в зависимости от обстоятельств [15, с. 261]. Но в любом случае, поскольку правовые явления содержатся в сознании отдельных людей, интуитивное право остается индивидуальным. Можно сказать, что существует столько же интуитивных прав, сколько существует индивидуумов, руководствующихся в своих поступках и поведении нравственным чувством долга.

Даже когда субъектами права выступают большие социальные группы, и в этих случаях в групповом праве находят выражение интуитивные права и решения отдельных индивидов, основанные на действии индивидуальных нравственно-психологических импульсов. Например, при рассмотрении такого общего понятия как права собственности, приходится признать, что «явление собственности, как реальный феномен, имеется не где-то в пространстве, в виде связей между людьми и вещами или между людьми, а в психике собственников и других, приписывающих кому-либо права собственности» [15, с. 192].

Конечно, идеальным вариантом отношений позитивного и интуитивного права является их согласованность. Но не исключен и

риск столкновения, в результате чего статутное право может не соблюдаться и даже потерпеть полное поражение. Другими словами, чем сильнее развито интуитивное право, тем быстрее законы, ранее действовавшие безукоризненно, могут утратить свою эффективность и власть, как несоответствующие моральным ценностям. В истории, указывает Петражицкий, можно найти множество примеров жестоких карательных законов, изменившихся или исчезнувших под влиянием более мягкого и гуманного интуитивного права. Он искренне верит, что человечество совершенствуется в ходе своего взросления, но, в то же время, опасается создания ситуации несоответствия существующих законов и норм представлениям людей о справедливости и праве. Когда существующее законодательство не может удовлетворить запросы интуитивного права, выражающего потребности и ожидания общества, тогда массы начинают воспринимать действующее право как несправедливое и неприемлемое, что вполне вероятно может привести к социальной напряженности, нарушению общественного порядка и даже к революциям и государственным переворотам. Революция является выражением глубокого социального кризиса, в таких случаях происходит переосмысление и перестройка правовых норм и институтов, для того, чтобы они соответствовали интуитивному праву.

Парадоксально, но именно благодаря кризису складывается ситуация верховенства позитивного права над интуитивным. Позитивное право представляет собой систему норм, установленных и оформленных государством для урегулирования социальной напряженности. Государство, – вынужден признать Петражицкий, – имеет право использовать свою власть и позитивные законы для того, чтобы упорядочить и стабилизировать общественные отношения. И часто в таких случаях, позитивное и интуитивное право вступают в конфликт друг с другом.

Однако, по мнению Петражицкого, это не обязательно означает, что позитивное право полностью отвергает интуитивное право. Позитивное право должно стремиться к гармонизации с интуитивным правом, поскольку у них есть одна общая цель – обеспечение об-

щественной справедливости и законности. Во все времена «в справедливости люди усматривают высший руководящий свет; в вере в существование справедливости они находят успокоение и утешение в бедствиях и страданиях жизни» [16, с. 500]. Неудивительно, что в своей теории права Петражицкий стремился установить связь между правом и справедливостью, основанной на этическом подходе к праву. Иначе говоря, справедливость, как и мораль, рождает в сознании императивно-атрибутивные переживания в духе интуитивного права. В свою очередь, они имеют принципиально нормативный характер, что делает возможным обосновывать не только нравственное, но и правовое понимание справедливости.

В понимании Петражицкого, справедливость является основой для установления и применения права, а право, в свою очередь, должно служить средством достижения справедливого социального устройства. Право должно быть справедливым, ориентироваться на удовлетворение потребностей и интересов индивидов и общества в целом, и обеспечивать равные возможности для всех членов общества. В этом смысле, связь между правом и справедливостью заключается в том, что право должно отражать и защищать справедливые принципы и ценности, способствующие благополучию и счастью людей.

Выводы

В настоящей статье была предпринята попытка очертить базовую часть философии права Л. И. Петражицкого. Его определения и трактовка «интуитивного права», «правового опыта», «юридического реализма» вызывают много споров, в первую очередь потому, что эти понятия чаще связаны с психологией и философией, чем с правом. Что, на наш взгляд, можно назвать прорывом в изучении права начала XX века – так это вывод Петражицкого о ценностных основаниях морали и права, хотя заявление о том, что мораль всегда предшествует праву вряд ли можно принять полностью. Поведение людей в обществе регулируется как при помощи морали, так и при помощи права. Обе системы норм основаны на общепринятых

стандартах, закрепленных в обычаях, традициях и других культурных формах и формируются с целью практического обеспечения принципов порядка, справедливости и благополучия общества. Некоторые моральные принципы превращаются в правовые нормы, а правовые нормы могут влиять на моральные убеждения людей.

Используя ценности в качестве доказательства схожести морали и права Петражицкий, с одной стороны, расширил границы права, а, с другой, – доказал неуместность отождествления права с государственным принуждением. Его внимание приковано к нравственно-психологическим процессам сознания, представляющим собою либо часть элементов интуитивного права, либо само право, потому что правом называется не принуждение, создаваемое властью (народом, одним лицом, группой лиц), право – это реальность, существующая в сознании каждого человека.

Идея права, интуитивно возникающая в сознании, служит, по мнению Петражицкого, универсальной основой философии права, которая может служить фундаментом для развития универсальной теории человеческих прав и юриспруденции.

В частной жизни интуитивное право способствует раскрытию в людях таких необходимых качеств как долг, мужество, достоинство, решимость, твердость убеждений, инициативность, справедливость. Эти качества были бы важны и для юристов, принимая во внимание необходимость учета моральных и психологических аспектов при принятии юридических решений.

Таким образом, и право долженствования, и право обязательства служат одним и тем же целям: сформировать социально приемлемое поведение и обеспечить общественный порядок. Правовое сознание укрепляет моральные ценности и способствует их распространению. А закон может быть мощной воспитательной и мотивирующей силой, устанавливающей границы допустимого поведения и налагающей санкции за нарушение моральных норм. Тем самым право может привести к изменению моральных представлений и ценностей в обществе. Взаимодействие права и морали может стимулировать моральное развитие индивидов и общества в

целом, способствуя формированию новых моральных и правовых норм. Петражицкий предполагает, что закон действительно может повысить моральный уровень каждого человека.

Однако возникает важный вопрос, на который нельзя не обратить внимание: как быть в случае, когда требуется применение насилия или принуждения? В частности, если речь пойдет о силовом противодействии терроризму, агрессии, насилию? Закон придает таким противодействиям легитимность, но с моральной точки зрения вопрос остается открытым – равны ли противодействующие субъекты в моральных статусах, если оба применяют насилие? Если признать равенство, то воспитательный аспект правовых норм сомнителен, а кроме того, придется искать критерий нравственности во внешних интересах. Кантовский рациональный внутренний императив и внутреннее интуитивное право не разрешают противоречие между морально-правовым идеалом и реалиями.

В то же время следует признать, что чтение трудов Л. И. Петражицкого дает возможность не только выявить проблемы, связанные с трактовкой права, но и находить в исторических концепциях прошлых веков живые современные идеи. Конечную задачу права Петражицкий видит в обеспечении «полного господства активной любви», что значит, по сути, содействие со стороны каждого человека достижению такого состояния общественной жизни, которое будет характеризоваться солидарностью, альтруизмом, активной гражданственностью и социальной ответственностью. С этой точки зрения право призвано формировать не только поведение (через стимулы и наказания), но и характер (путем привития обыденного опыта долга и права). И, в конечном итоге, задача правовой политики, полагает Петражицкий, состоит в том, чтобы сделать мораль более эффективным регулятором общественной жизни, чем официальный закон.

Таким образом, изучение философии права Л. И. Петражицкого помогает расширить понимание сущности и роли права в современном обществе, способствует развитию правовой культуры юристов и правозащитников, повышению этического уровня общества

и созданию справедливых правовых отношений. Исследования Л. И. Петражицкого могут помочь в осмыслении современных вызовов и проблем правовой системы, таких как защита прав человека, социальная безопасность, борьба с коррупцией и т. д. Его работы могут быть источником вдохновения для разработки новых подходов к решению этих проблем.

Список литературы

1. Адамянц С. Т. Духовно-нравственные ценности российского общества как объект правового обеспечения: вопросы теории и практики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1. С. 61-68.
2. Баранов В. М., Першин В. Б., Першина И.В. К вопросу о коллизии между правом и моралью // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 88-94.
3. Болдырев О. Н. От этики к психологии права: дискуссии в отечественной теории права второй половины XIX-начала XX века // Философия права. 2014. № 4. С. 124-129.
4. Васильева Н. С. Альф Росс о понятии и действительности права: реалистический подход // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2018. № 1. С. 84-77.
5. Вейманн А. Польские исследования философии Льва Петражицкого // Мысль Л. И. Петражицкого и современная наука. Материалы международной научно-практической видеоконференции. Краснодар, 2016. С. 49-73.
6. Ганиев Б. Х. Угрозы правового формализма в контексте российской правовой политики // Юрист-правоведъ. 2015. № 3. С. 20-27.
7. Гараева Г. Ф. Взаимосвязь права и нравственности как основа права в творчестве Л. И. Петражицкого // Теория и практика общественного развития. 2012. № 4. С. 355-358.
8. Гусева В. Ю. Соотношение эмоций, мотивов и нравственного поведения в работах Л.И. Петражицкого // Правовое поле современной экономики. 2013. № 11. С. 185-189.
9. Кельзен Г. Наука и политика / пер. с англ. А.Б. Дидикина и Е.А. Вакатовой [Электронный ресурс] // Труды Института государства и

- права РАН. 2020. Т. 15. № 1. С. 183-209. Режим доступа: http://www.igpran.ru/Trudi_IGP_RAN/Kelsen.pdf (дата обращения: 12.04.2024)
10. Кшиштоф М. Лев Петражицкий, Санкт-Петербургская школа и польская теория и социология права // Правоведение. 2017. № 1(30). С.205-220.
 11. Литвинов А. Н. Полемика П. И. Новгородцева и Л. И. Петражицкого о возрождении естественного права, или как теория права, направляясь в Индию, может попасть в Америку // Философия права. 2004. № 2. С. 13-19.
 12. Оссовская М. Нравственность и правовые нормы // Правоведение. 2013. № 1. С. 188-195.
 13. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. С.-Петербург. Тип. Ю.Э. Эрлих, 1905. 311 с.
 14. *Петражицкий Л. И. Очерки философии права. С.-Петербург. Тип. Ю.Э. Эрлих, 1900. 138 с.*
 15. *Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Том I. Издание 2. С.-Петербург, Тип. Т-ва «Екатерингофское Печатное Дъло», 1909. 318 с.*
 16. *Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Том II. С.-Петербург, Тип. Соб. Акц. об-ва «Слова», 1907. 350/656 с.*
 17. Полсон С. Л. Сущность идеи правового позитивизма / Пер. с англ. М.В. Антонова // Правоведение. 2011. № 4. С. 32-49.
 18. Прибыткова Е. А. Спор о справедливости // Соловьевские исследования. Журнал русской философии. 2006. № 2(13). С. 230-237. <http://solovyov-studies.ispu.ru/ru/taxonomy/term/30#.pdf> (дата обращения: 12.03.2024)
 19. Семенов В. Е. Морально-правовые принципы в истории философии права // Lex Russica. 2015. Т. 18. № 11. С. 25-46.
 20. Сорокин В. В. Формализм в праве – предпочтение буквы закона // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 1. С. 44-49.
 21. Тимошина Е. В. Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л.И. Петражицкого // Известия высших учебных заведений: правоведение. 2010. № 6. С. 179-195.

22. Тонков Е. Н. Источники права в «российском правовом реализме» // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 11. С. 96-104.
23. Тревиньо А. Х. Актуальность классиков для современной социологии права: американский контекст // Правоведение. 2013. № 5. С. 26-47.
24. Ференс-Сороцкий А. А. О некоторых вопросах взаимоотношения права и морали. Идеи Л. Петражицкого в библейском контексте // Правоведение. 2014. № 1. С. 193-202.
25. Фиттипальди Эдоардо. В защиту «строгого петражицкианства» // Правоведение. 2016. № 6(329). С. 6-73.
26. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
27. Щедровицкий П. Г. Очерки о Л. И. Петражицком [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://shchedrovitskiy.com/wp-content/uploads/petrazhitsky-lev-iosifovich.pdf> (дата обращения: 27.04.2024)
28. Cotterrell R. Leon Petrażycki and contemporary socio-legal studies // International Journal of Law in Context. 2015. Vol. 11(1). P. 1-16. <https://doi.org/10.1017/S1744552314000330>
29. Fittipaldi Edoardo. Everyday Legal Ontology: A Psychological and Linguistic Investigation within the Framework of Leon Petrażycki's Theory of Law. LED Edizioni Universitarie. 303 p.
30. Krzysztof Motyka. Law and Sociology: The Petrażyckian Perspective // Law and Sociology. Ed. by Michael Freeman, Oxford: OUP, 2006. P. 119-140.

References

1. Adamyancz S.T. Dukhovno-nravstvenny`e tsennosti rossijskogo obshchestva kak ob`ekt pravovogo obespecheniya: voprosy` teorii i praktiki [Spiritual and moral values of Russian society as an object of legal support: issues of theory and practice]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*, 2023, no. 1, pp. 61-68.
2. Baranov V.M., Pershin V.B, Pershina I.V. K voprosu o kollizii mezhdru pravom i moralju [On the issue of conflict between law and morality]. *Yuridicheskaya texnika*, 2017, no. 11, pp. 88-94.

3. Boldyrev O.N. Ot etiki k psichologii prava: diskussii v otechestvennoj teorii prava vtoroj poloviny XIX-nachala XX veka. [From ethics to the psychology of law: discussions in the domestic theory of law in the second half of the 20th and early 20th centuries]. *Filosofiya prava*, 2014, no. 4, pp. 124-129.
4. Vasilyeva N.S. Alf Ross o ponyatii i dejstvitelnosti prava: realisticeskij podhod [Alf Ross on the concept and reality of law: a realistic approach]. *Izvestiya vyshih uchebnykh zavedenij. Pravovedenie*, 2018, no. 1, pp. 84-77.
5. Vejmann A. Polskie issledovaniya filosofii Lva Petrazhiczskogo [Polish studies of the philosophy of Lev Petrazycki]. *Mysl L.I. Petrazhiczskogo i sovremennaya nauka. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy videokonferencii*. Krasnodar, 2016, pp. 49-73.
6. Ganiev B.X. Ugrozy pravovogo formalizma v kontekste rossijskoj pravovoj politiki [Threats of legal formalism in the context of Russian legal policy]. *Yurist-pravoved*, 2015, no. 3, pp. 20-27.
7. Garaeva G.F. Vzaimosvyaz prava i npravstvennosti kak osnova prava v tvorchestve L.I. Petrazhiczskogo. [Vzaimosvyaz prava i npravstvennosti kak osnova prava v tvorchestve L.I. Petrazhiczskogo]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, 2012, no. 4, pp. 355-358.
8. Guseva V.Yu. Sootnoshenie emotsii, motivov i npravstvennogo povedeniya v rabotax L.I. Petrazhiczskogo [The relationship between emotions, motives and moral behavior in the works of L.I. Petrazhitzky]. *Pravovoe pole sovremennoj ekonomiki*, 2013, no. 11, pp. 185-189.
9. Kelzen G. Nauka i politika / per. s angl. A.B. Didikina i E.A. Vakatovoj [Science and politics]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, 2020, no. 1, part 15, pp. 183-209. http://www.igpran.ru/Trudi_IGP_RAN/Kelsen.pdf (accessed 12.04.2024)
10. Kshishtof M. Lev Petrazhiczskij, Sankt-Peterburgskaya shkola i polskaya teoriya i sociologiya prava. [Lev Petrazhitzky, St. Petersburg School and Polish Theory and Sociology of Law]. *Pravovedenie*, 2017, no. 1(30), pp. 205-220.
11. Litvinov A.N. Polemika P.I. Novgorodtseva i L.I. Petrazhiczskogo o vozrozhdenii estestvennogo prava, ili kak teoriya prava, napravlyayas v Indiyu, mozhет popast v Ameriku [Controversy P.I. Novgorodtsev and L.I.

- Petrazycki on the revival of natural law, or how the theory of law, heading to India, can end up in America]. *Filosofiya prava*, 2004, no. 2, pp. 13-19.
12. Ossovskaya M. Nравstvennost i pravovye normy [Moral and legal standards]. *Pravovedenie*, 2013, no. 1, pp. 188-195.
 13. Petrazhiczkij L.I. *Vvedenie v izuchenie prava i нравственности. Emocionalnaya psichologiya* [Introduction to the study of law and morality. Emotional psychology.]. S.-Peterburg, 1905, 311 p.
 14. Petrazhiczkij L.I. *Ocherki filosofii prava* [Essays on the philosophy of law]. S.-Peterburg, 1900, 138 p.
 15. Petrazhiczkij L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej нравственности* [Theory of law and state in connection with the theory of morality]. Book I. S.-Peterburg, 1909, 318 p.
 16. Petrazhiczkij L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej нравственности* [Theory of law and state in connection with the theory of morality]. Book II. S.-Peterburg, 1907, 350/656 p.
 17. Polson S.L. *Sushhnost idei pravovogo pozitivizma* [The essence of the idea of legal positivism]. *Pravovedenie*, 2011, no. 4, pp. 32-49.
 18. Pribytkova E.A. Spor o spravedlivosti [Dispute about justice]. *Solovevskie issledovaniya. Zhurnal russkoj filosofii*, 2006, no. 2(13), pp. 230-237. <http://solovyov-studies.ispu.ru/ru/taxonomy/term/30#.pdf> (accessed 20.04.2024)
 19. Semenov V.E. Moralno-pravovye principy v istorii filosofii prava [Moral and legal principles in the history of legal philosophy]. *Lex Russica*, 2015, vol. 18 (11), pp. 25-46.
 20. Sorokin V.V. Formalizm v prave – predpochtenie bukvy zakona [Formalism in law - preference for the letter of the law]. *Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal*, 2019, no. 1, pp. 44-49.
 21. Timoshina E.V. Pravo kak spravedlivost: koncepciya intuitivnogo prava v shkole L.I. Petrazhiczkogo [Law as justice: the concept of intuitive law in the school of L.I. Petrazhitsky]. *Izvestiya vysshix uchebnyx zavedenij: pravovedenie*, 2010, no. 6, pp. 179-195.
 22. Tonkov E.N. Istochniki prava v «rossijskom pravovom realizme» [The source of law in Russian “legal realism”]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, 2020, no. 11, pp. 96-104.

23. Trevino A.X. Aktualnost klassikov dlya sovremennoj sociologii prava: Amerikanskij kontekst [The continuing relevance of the classics for temporary sociology of law: the American context]. *Pravovedenie*, 2013, no. 5, pp. 26-47.
24. Ferens-Soroczkiy A.A. O nekotorykh voprosax vzaimootnosheniya prava i morali. Idei L. Petrazhiczskogo v biblejskom kontekste [On some issues of the relationship between law and morality. Ideas of L. Petrazhiczki in a biblical context]. *Pravovedenie*, 2014, no. 1, pp. 193-202.
25. Fittipaldi, Edoardo. V zashhitu «strogo petrazhiczkianstva» [In defense the “strict Petraszickianism”]. *Pravovedenie*, 2016, no. 6(329), pp. 6-73.
26. Hart G. L. A. *Filosofiya i yazyk prava* [Philosophy and language of law]. Kanon+ ROOI «Reabilitaciya», 2017, 384 p.
27. Shhedroviczkiy P.G. *Ocherki o L. I. Petrazhiczkom* [Essays on L. I. Petrazhitzky]. <https://shhedrovitskiy.com/wp-content/uploads/petrazhitzky-lev-iosifovich.pdf> (accessed 27.04.2024)
28. Cotterrell R. Leon Petrażycki and contemporary socio-legal studies. *International Journal of Law in Context*, 2015, vol. 11(1), pp. 1-16. <https://doi.org/10.1017/S1744552314000330>
29. Fittipaldi, Edoardo. Everyday Legal Ontology: A Psychological and Linguistic Investigation within the Framework of Leon Petrażycki’s Theory of Law. LED Edizioni Universitarie, 303 p.
30. Krzysztof, Motyka. Law and Sociology: The Petrażyckian Perspective. *Law and Sociology*. Ed. by Michael Freeman, Oxford: OUP, 2006, pp. 119-140.

ДАнные об авторе

Ерохин Алексей Константинович, кандидат философских наук,
доцент
Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ
ул. Суханова, 8, г. Владивосток, Российская Федерация
logos31@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Aleksey K. Erokhin, Candidate of Philosophy, Associated Professor
Far Eastern Law Institute (branch) of the University Russian Federation Prosecutor's
8, Sukhanov Str., Vladivostok, Russian Federation
logos31@rambler.ru
SPIN-code: 1465-3623
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6420-3040>

Поступила 15.04.2024

После рецензирования 14.05.2024

Принята 22.05.2024

Received 15.04.2024

Revised 14.05.2024

Accepted 22.05.2024

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ПРОДУКТИВНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ИРАКА В ФЕДЕРАЛЬНЫХ СМИ ГЕРМАНИИ Л.Х.М.А. Аль-Хафаджи	14
СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ «КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК», «МОТИВАЦИОННЫЙ ПРИЗНАК», «СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК» Н.А. Петрова	29
ОСОБЕННОСТИ СУБТИТРИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КИНО НА ПРИМЕРЕ «ANCIENT EGYPT EXPLAINED IN 12 MINUTES» Т.В. Сапух, А.Р. Кадермаева	52
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭПИТЕТА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ И РУССКОЯЗЫЧНОЙ СКАЗКАХ (НА ПРИМЕРЕ СКАЗОК О. УАЙЛЬДА И М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА) Е.Р. Боровкова, И.П. Зырянова	65
ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТЕКСТА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ МОНОГРАФИИ А. КРОБЕРА «ЭКОНОМИКА КИТАЯ: ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ КАЖДОМУ») Н.А. Грищенко, В.М. Манюкова, Д.О. Васильева	85
МАНИПУЛИРОВАНИЕ КАК ВИД РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СПОРТИВНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ К.А. Павлова	103

ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЕ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ
«ХИМИЧЕСКАЯ ИНЖЕНЕРИЯ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ
ЯЗЫКЕ: СТРУКТУРНЫЙ И ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

Н.Н. Зяблова 119

КОНЦЕПТЫ «НОЧЬ» И «ЛУНА» В ПОЭМЕ Э. ЮНГА
“NIGHT THOUGHTS” И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕВОДАХ
(НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

А.Г. Строилова 137

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИДЕАЛЬНОГО ОБРАЗА
В ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Т.Г. Йованович 156

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ТЕОРИИ ПРАВА
Л.И. ПЕТРАЖИЦКОГО

А.К. Ерохин 173

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 196

CONTENTS

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

FREQUENT CONCEPTUAL METAPHORS BY THE FORMATION OF THE IRAQ IMAGE IN THE GERMAN FEDERAL MEDIA L.H.M.A. Al-Khafaji	14
CORRELATION OF THE TERMS “CLASSIFICATION ATTRIBUTE”, “MOTIVATIONAL ATTRIBUTE”, “SEMANTIC ATTRIBUTE” N.A. Petrova	29
PECULIARITIES OF SUBTITLED TRANSLATION OF DOCUMENTARY FILMS BASED ON THE EXAMPLE OF ANCIENT EGYPT EXPLAINED IN 12 MINUTES T.V. Sapukh, A.R. Kadermaeva	52
COMPARATIVE ANALYSIS OF LINGUISTIC AND STYLISTIC PECUARITIES OF THE EPITHET IN THE ENGLISH AND RUSSIAN FAIRY TALES (BASED ON THE TALES OF O. WILDE AND M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN) E.R. Borovkova, I.P. Zyryanova	65
DIFFICULTIES IN TRANSLATING POPULAR SCIENCE TEXT IN THE FIELD OF ECONOMY (ON THE MATERIAL OF THE MONOGRAPH A.R. KROEBER CHINA’S ECONOMY: WHAT EVERYONE NEEDS TO KNOW) N.A. Grishchenko, V.M. Manyukova, D.O. Vasileva	85
MANIPULATION AS A TYPE OF SPEECH INFLUENCE IN SPORTS ARTICLE K.A. Pavlova	103

TERM FORMATION IN THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD

“CHEMICAL ENGINEERING” IN MODERN ENGLISH:

STRUCTURAL AND DERIVATIONAL ASPECTS

N.N. Zyablova 119“NIGHT” AND “MOON” CONCEPTS IN E. YOUNG’S POEM NIGHT
THOUGHTS AND THEIR TRANSFORMATION IN TRANSLATIONS
(FRENCH AND RUSSIAN)**A.G. Stroilova** 137**PHILOSOPHICAL STUDIES**AESTHETIC ASPECTS OF IDEAL IMAGE IN THE PHILOSOPHICAL
CONCEPTS OF RENAISSANCE**T.G. Yovanovich** 156PHILOSOPHICAL AND ETHICAL METHODOLOGY
OF L.I. PETRAZYSKI’S LAW THEORY**A.K. Erokhin** 173**RULES FOR AUTHORS** 196

Подписано в печать 30.06.2024. Дата выхода в свет 30.06.2024. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 14,53. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP162/024. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская» (ИП Давгуненко А.А. ИНН 344210747590). Адрес типографии: ул. Проезд Добролюбова 3 стр. 2, г. Москва, 127254, Россия.